

Андрей Можаровский

19/90

Роман-путеводитель

antidesign.ru

Роман-путеводитель Андрея Можаровского

Дорогие мои читатели
и наблюдатели!

19/20 — это замечательное, удивительное время, научившее нас многому и подарившее нам бесценный опыт. Это знание, которым я хочу с вами поделиться, а так как, по моему мнению, знания должны передаваться бесплатно, пусть «19/20. Роман-путеводитель» станет ярким новогодним подарком всем романтикам и мечтателям.

Однако если вы все же решите отблагодарить меня за писательский труд — это можно сделать переводом на карту Сбербанка с пометкой «Подарок на НГ»:

4276 3800 6895 7179

antidesign.ru

«19/20. Роман-путеводитель», ©2020

«19/20. Роман-путеводитель» Андрея Можаровского — это путевые заметки автора, написанные им во время странствий по Индии, Непалу и Объединенным Арабским Эмиратам.

Редактор - Софья Алемпиевич

Дизайн обложки и верстка - «Antidesign.ru»

Фотографии - Андрей Можаровский

Фотопортрет автора - Владимир Евич

Издательство «Antidesign.ru»

<http://antidesign.ru/20/19/>

E-mail: info@antidesign.ru

*Моему папе,
Александру Михайловичу Можаровскому,
посвящается*

10/20

Роман-путеводитель

Шел седьмой год моей развеселой жизни на Балканах, полной путешествий, фестивалей и вечеринок всех мастей и размахов.

Дружелюбное балканское солнце сделало мою кожу смуглой, а отросшая за эти годы борода, заплетенная в косичку (или, как еще называют эту прическу, – rat tail, «крысиный хвост»), создала сценический образ джинна из лампы, который я и использовал для своих цирковых выступлений с огнем, облачаясь в штаны-«аладдины» и танцуя со «стаффом» (шест с факелами из кевлара по краям), голый по пояс и боликом.

Еще в детстве, когда мне было восемь лет и пятиконечная звезда с портретом маленького Ильи Чайкин только готовилась украсить мой синий школьный пиджачок, мы с мамой и папой ездили в Грузию. Это был мой первый полет на самолете, и вся поездка была насыщена открытиями и яркими впечатлениями, о которых я до сих пор вспоминаю с любовью. Там же мне посчастливилось оказаться в закулисье цирка-шапито, гастролировавшего дружной, творческой семьей по всей республике. В труппе, состоявшей в основном из друзей моих родителей, был и настоящий факир, плевавший огнем, ходивший по углям и стеклу и демонстрировавший публике фокусы. Кажется, именно тогда в мою душу упало зерно авантюризма и жажды приключений, а внешность факира запечатлелась в памяти и стала своеобразной инструкцией – прообразом меня в будущем, то есть теперь уже в настоящем.

Детское путешествие в Грузию заложило серьезный фундамент моих желаний – того, что так или иначе мечталось реализовать.

Моя двойственная натура все время балансировала на крайностях, выводя на передний план поочередно то экстраверта, то более свойственного мне по природе интроверта, заставляя уединяться в своей холостяцкой берлоге за написанием пейзажей, как природных, так и городских, а иногда и портретов вдохновлявших меня женщин.

Но периоды отшельничества сменялись жаждой общения, и я организовывал всевозможные вечеринки, в том числе и

для русскоговорящей diáспоры в Белграде. На эти сборища приходили совершенно разные люди, и я потчевал их своими музыкальными предпочтениями, впрочем, иногда удовлетворяя и их собственные заявки, если они не сильно претили моему вкусу.

До сих пор удивляюсь, как подобные мероприятия обошлись без единой драки, ведь контингент зачастую подбирался из вражеских лагерей. Например, на первую такую встречу соотечественников, помимо прочих, пришла девушка агрессивно-либеральных ценностей, ярая противница действующего российского президента, причем одним из участников того же вечера оказался член мотоклуба «Ночные волки». Как они не подрались, для меня до сих пор остается загадкой.

Когда на таких встречах разговор заходил о путешествиях, разные люди часто спрашивали меня об Индии и очень удивлялись, узнав, что я там ни разу не был. Их реакция понятна, так как вполне можно было подумать, будто меня «кокипэйстнули» с арамбольского пляжа и большую часть времени я провожу на зимовках на полуострове Индостан или в Юго-Восточной Азии.

Я мечтал изучить эти земли уже очень давно, но законодательная политика Сербии в отношении вида на жительство (ВНЖ, или «боравак», как это называют по-сербски) позволяет отсутствовать в стране не дольше, чем десять месяцев за пять лет, а путешествие в Индию мне виделось никак не двухнедельным туром в отель с полным пансионом. Даже и двух месяцев, как вы понимаете, недостаточно для полного погружения.

По этой причине долгие годы приходилось путешествовать в основном по Балканам и Европе в целом, подсчитывая каждый день отсутствия «по адресу прописки», чтобы в итоге получить по сути никчемный вид на жительство, единственное преимущество которого – возможность дольше путешествовать вне Сербии.

И вот спустя шесть лет и несколько тысяч евро, потраченных на бюрократическую машину сербского государства, я стал-таки счастливым обладателем заветной «личной кар-

ты». «Лична карта» – это сербское удостоверение личности, чем-то похожее на военный билет и напоминающее документ из середины двадцатого века. Судя по фильмам, именно такие книжечки выдавали в пятидесятые годы беженцам из Восточной Германии в Западную. Но этот документ позволял мне путешествовать сроком до года вне страны, а потому я сразу же стал планировать свой отъезд в Индию.

К сожалению, я слегка поторопился и сделал все заранее, еще летом, а потому заплатил за электронную визу в два с половиной раза больше, чем она стала стоить осенью. Дело в том, что индийское правительство для исправления печальной ситуации с туризмом, которую само же и спровоцировало в предыдущие годы, ввело ряд мер – в частности, снизило цены на годовые визы со ста долларов до сорока.

Будучи наслышан про сезон дождей (или сезон муссонов, по-английски «мунсун»), я взял билет до Дели на третье октября, совершенно не подумав о том, что дата моего «визарана» приходится ровно на первое января. («Визаран» – это пересечение границы с целью обнуления разрешенного срока пребывания в стране. Такая формальная процедура для соблюдения закона о пребывании на территории государства – популярная лазейка, которой пользуются «лонгстайеры» по всему миру, выезжая из страны за границу и обратно. К слову, для Индии разрешенный срок пребывания в стране для иностранца – девяносто дней.)

Именно эта моя недальновидность определила последующую череду событий, а в чем-то даже мою судьбу, хотя я еще не знал об этом. Впрочем, обо всем по порядку.

Я не искал попутчиков или компаньонов для путешествия. Всю жизнь моими напарниками по исследованию мира были либо мои жены, либо девушки, и лишь последние два года я путешествовал в одиночку, что мне нескованно нравилось. Во-первых, не нужно было согласовывать планы, которых зачастую и нет – только направление движения и собственная воля. Во-вторых, нет ответственности за своего партнера, и можно позволить себе любую глупость или недальновидность, как, например, ночевку в недостроенном здании или в

гамаке в джунглях.

Я временно избавился от накопленного за годы скарба, сбагрив его в подвал к подруге до моего возвращения. При себе я оставил лишь рюкзак, пару футболок и трусов, спальник, штаны, непродуваемую куртку и сверхлегкий пуховик uniqlo, подаренный лет десять назад моей мамой (вещь, надо сказать, в поездках незаменимая, как и швейцарский нож – тоже мамин подарок).

03/10/2019

Из Белграда я улетел практически чудом! Меня не хотели пускать на рейс из-за отсутствия обратного билета. Вот что за люди? Деньги на обратный билет у меня были, но я совершенно не имел представления о своих планах через полгода. Не было ни малейшего понятия, куда меня забросит очередной «визаран».

Не то чтобы сотрудницы за стойкой регистрации буквально не хотели меня пропускать, но этого не позволяла система: мол, должен быть обратный билет, и все тут! Наконец девушки вошли в положение и оформили фальш-бронь на обратный билет.

И вот наконец-то я в Индии!

Аэропорт имени Индиры Ганди в Нью-Дели встретил полночной жарой и влажностью, липнущей к телу и мгновенно пропитывающей всю одежду – в общем, все, как и предсказывала художественная литература, которую я увлеченно читал в тот период. Я буквально оказался в реалиях «Шантарама».

Я не бронировал никакого коммерческого жилья, а поселился в настоящей индийской семье с помощью сайта «couchsurfing» (дословно с английского – «диванный серфинг»). Мне и раньше доводилось пользоваться этим сервисом в Европе, как в качестве гостя, так и в роли принимающей стороны в Белграде. Но в Индии этот сервис работает действительно на ура! Достаточно разместить публичную заявку на посещение какого-либо города, и сразу получаешь несколько предложений от местных жителей. Для сравнения: при жела-

нии отыскать ночлег, например, в Париже, нужно разослать сотню заявок, чтобы получить хотя бы один положительный ответ – приглашение, и это даже в ноябре, когда погода не располагает к путешествиям и прогулкам.

По каучсерфингу в Дели я «вписался» к одному очень прикольному парню по имени Рохит (или Сэм – это было что-то вроде прозвища).

В жизни Сэм выглядел намного дружелюбнее и симпатичнее, нежели на фотографиях в профиле. Это был рослый и довольно упитанный мужчина «в самом расцвете сил» – тридцати лет от роду, – с ухоженной шевелюрой модного фасона, подкрашенной в рыжий цвет.

Индийцы в принципе очень следят за своими прическами, а потому ни одна парикмахерская не пустует – внутри всегда есть клиенты, даже поздно вечером. А когда еще стричься, если днем очень жарко? Цирюльники могут работать просто на улице, закрепив кусок старого потертого зеркала на дереве и поставив рядом стул для клиента.

Сэм любезно встретил меня прямо в аэропорту, простояв там часа полтора: стыковочный рейс слегка задержали, а вдобавок я потратил время на заполнение миграционных форм и верификацию е-визы. В специальной будке Сэм заказал «препэйд»-такси, которое стоит совсем недорого, и мы отправились к нему домой.

Живет Сэм-Рохит с братом и матерью в достаточно большой квартире в элитном, но старом, а потому порядком обшарпанном райончике BG-5 (биджи-файв). Стоило уехать из БГ (сокращенное обозначение Белграда – например, на автомобильных номерах), чтобы попасть в BG в Нью-Дели. Территория квартала ухоженная, освещенная, есть охрана, на ночь все закрывается, по периметру высокий забор с колючей проволокой. Таких микрорайонов, со стороны похожих то ли на тюрьмы, то ли на воинские части, в Дели очень много.

Пеший путь до нашего ночлега от станции метро Paschim Vihar East занял минут пятнадцать. В пятистах метрах от современной застройки на разделительной полосе – полуме-

тровом отрезке, приподнятом над проездной частью, – паслись коровы с телятами. Это зрелище сразу напоминало: я погрузился в другую реальность, где все иначе.

На следующее утро Рохит дал мне двести рупий на метро и на первоначальные расходы, пока я не поменяю деньги, – но когда уже вечером я вернул ему пятьсот рупий, он пытался дать мне сдачу, хотя сам же заплатил за такси. Я уже молчу о том, что Сэм постоянно угождал нас (вместе со мной у него гостили еще один каучсерфер из Японии) – кормил сэндвичами на завтрак, а на ужин подавал лепешки чапати с масала-овощами.

Поселили меня буквально в прихожей: вход из подъезда в квартиру вел сразу в нашу комнату, оформленную как смесь кабинета и спальни. В комнате стояла огромная «кингсайз»-кровать и стол с навороченным компьютером – впрочем, я ни разу не видел, чтобы тот когда-либо включался. В изголовье кровати размещалась сложная выполненная из гипсокартона композиция с подсветкой в томных сине-голубых тонах, с посеребренными элементами, а на стене красовалась традиционная для многих индийских домов витрина с семейными фотографиями и памятными подарками.

В соседней комнате, совмещенной с гостиной, – небольшой открытый алтарь, у которого мама Сэма совершила свои утренние и вечерние молитвы, звоня в колокольчик.

По периметру квартиры углом располагался балкон, и каждое утро я выполнял на него, чтобы совершить и свой ритуал – три серии отжиманий по тридцать раз с перерывами на «Адхо Мукху Шванасану», более известную как поза «собака мордой вниз».

С виду прекрасно оснащенный, санузел оказался очень старым: половина непонятных вентиляй не работала. Горячей воды не было совсем – впрочем, здесь это не представляло проблемы, потому что в такую жару не возникало даже мысли встать под горячий душ.

Помимо охраны и колючей проволоки, подступы к дому охраняла свора собак, которая наверняка не трогала местное

Улицы Нью-Дели

В Лодхи-Гарден в Нью-Дели

население, но вот на меня всерьез ополчилась, пока я блуждал по кварталам одинаковых зданий в поисках дома Сэма, возвращаясь с прогулки в первый день и не узнавая местность в темноте.

05/10/2019

Оставаться в Дели надолго не хотелось. В городе есть красивые места, но в основном грязно, пыльно, душно и очень много людей. Собственно, об этом говорят и сами делийцы.

В Дели довольно удобное метро с кондиционерами и в целом с более-менее информативной навигацией (хотя можно было бы и чуточку понятнее). Многие линии пролегают на высоте третьего или четвертого этажа, а не под землей, что тоже радует глаз туриста: даже пролетающие снизу трущобы – это уже захватывающее зрелище. Но дальний горизонт через окно вагона не просматривается из-за густого смога: это сжигаются рисовые плантации после «мунсуна» и сбора урожая.

Только представьте площади выжженных полей, обрабатываемых с целью накормить полтора миллиарда населения!

В часы пик в делийском метро люди прорываются в вагоны, как на боевой операции, орудуя локтями, чтобы занять место. Эта манера свойственна индийцам при входе в любой вид транспорта, где места не распределены согласно билетам.

Переходить улицу в азиатской части света – отдельное искусство, которое я освоил еще в Каире и навык этот с годами не потерял. Но с ходу привыкнуть к левостороннему движению оказалось не так-то просто, поэтому смотреть во все стороны оказалось лучшей стратегией выживания, особенно для пешехода.

Зоопарк на улице, конечно, тоже удивляет и вызывает улыбку. Попугаи, мартышки, мангусты, коровы и бурундуки – все эти создания свободно перемещаются по городу в самых оживленных местах.

Где-то среди толпы в чреве пешеходного узла слышен электрический зуд «тачки» (так мастера называют машинки для татуирования). Без резиновых перчаток, подтирая кровь

кусочками туалетной бумаги, мастер «портачит» одному из многочисленных клиентов «тришулу» Шивы.

А вот седой уличный цирюльник перед осколком замызганного зеркала бреет опасной бритвой очередного посетителя. Орудия труда, судя по всему, достались ему в наследство еще от дедушки.

Но в целом переход в другую реальность дался безболезненно. Порой не понимая происходящее, я, впрочем, принимал все легко. После Балкан здешняя реальность мне была в чем-то даже привычна.

Не избежал я в первый день и небольшого развода на деньги со стороны местного продавца в лавке соков – «сокодавке» (правда, впоследствии ничего подобного больше не повторялось). Мошенник просто начал убеждать меня, что я дал купюру в сто рупий, а не в пятьсот. Но я не стал отстаивать свою правоту, а мысленно купил за эти четыреста рупий положенной сдачи кусочек его нечистоплотной души.

И вот уже второй раз с начала повествования я прибегаю к этому слову – душа. Слово, которое объемлет все и в то же время не объясняет ничего. «Что такое душа?», «Бессмертна ли душа?» Искал ли я здесь, на просторах Бхараты, ответы на эти вопросы? Думаю, искал, хотя и не задавался ими явно.

Думается, что путешествие – это очень удобная форма реальности для подобных поисков. По своей первоначальной сути путешествия и были поисками: исследования мира испокон веков открывали новые возможности. Каждый раз, отправляясь за тридевять земель, я спрашивал себя: а обладают ли путешествия этой чудодейственной силой сейчас, когда весь мир уже открыт и исследован?

Я был уверен, что в Индии мои искания приоткроют завесу истины и явят то, что скрывается за ней.

* * *

Есть в Дели и очень милые места, что называется, для души, – эдакие оазисы покоя, наполненные парочками влюбленных, студентами и редкими туристами. Одно из таких мест – Лодхи-Гарден, красивый тропический сад с древними пуштун-

Храм Акшардам

Правительство Индии

скими гробницами.

Очень красивый новострой – храм Акшардам. Попасть в храм можно лишь пройдя через множество очередей и более чем тщательный досмотр. Съемка в храме запрещена – камеры и телефоны, как и многие другие вещи из внушительного списка, придется оставить в камере хранения. На посещение Акшардама следует выделить минимум два-три часа, которые вы по большей части наверняка проведете в очередях.

Вечерами я возвращался «домой», и мы с Сэмом угощали друг друга всевозможными алкогольными напитками местного производства.

Как я уже писал, Сэм живет в достаточно элитном районе. Более того, его семья принадлежит к одной из высших каст в стране, а отец является влиятельным человеком в масштабах не только Индии, но и всего мира. В этом плане Сэм – во все не обычный индиец. Более того, он провел очень много времени вне Индии, путешествуя и получая образование. Его английский несравненно превосходит мой. Ко всему прочему, Сэм уже три раза был в России и пьет практически «на русский манер», то есть не останавливается, пока не прикончит все заготовленное на вечер.

Взять выпивку «про запас», конечно, предложил я, зная, что алкоголь можно купить только в специальном магазине и только до десяти вечера, но у меня и в мыслях не было уничтожить все купленное за один присест.

В общем, вечера в Дели проходили весело за разговорами, а иногда даже и песнями под гитару, в компании с Сэмом и японцем Ютой – другим каучсерфером, о котором я уже упоминал.

Юта – очень странный японец (впрочем, я думаю, что наверняка все они на свой лад странные для нас, европейцев и выходцев из Европы). Юта приехал в Индию на две недели и решил провести их исключительно в столице. Помимо этого, в его планы входил разве что Тадж-Махал.

У Юты был вагон и маленькая тележка всевозможных камер, штативов и тому подобного оборудования, включая мохнатый микрофон, и каждый раз, когда мы входили в ме-

тро, Юту подолгу досматривала охрана. Когда мы уезжали от Сэма, оба с огромными рюкзаками, у меня сотрудник службы безопасности метро спросил, указывая на экран рентген-сканера, только про велосипедный замок (он не смог разобрать, что это) – в сам рюкзак он даже не захотел заглядывать. А вот оба рюкзака Юты были обысканы с особым пристрастием.

У меня сложилось впечатление, что во многом мне помогает внешность. Индийцы воспринимают меня как джинна, о чем часто и говорят напрямую. Смотреть на меня в упор многие из них попросту боятся. Иногда весьма забавно наблюдать, как они поспешно отводят глаза в сторону, как только я замечаю на себе их взгляд.

Однако многие не стесняются показывать на мою бороду жестом, как бы вытягивая ниточку из своего подбородка, и говорить, широко улыбаясь: «Очень хорошо!»

Вопрос, который мне задавали за время странствий чаще всего, – это «откуда вы?» Как-то на одном тщательно охраняемом туристическом объекте (мемориальный парк недалеко от монумента Ворота Индии) меня остановили охранники и в очередной раз поинтересовались, откуда я. Я сообщил, что из России, и моего ответа оказалось достаточно. Мне кажется, что стражи порядка просто поспорили между собой на эту тему. Они даже не заглянули внутрь рюкзака.

Возможно, причиной было очень хорошее отношение индийцев к россиянам в целом. Все те же знакомые по Сербии фразы про русских братьев я теперь слушал на «индглише», который местами очень сложно понимать, зачастую из-за того, что рот говорящего вечно наполнен то ли пааном – съедобной «самокруткой» из листьев бетеля со всевозможной начинкой, – то ли слюнами, которые обильно выделяются после рассасывания всевозможных порошочек.

А когда сложности в коммуникации возникают где-нибудь на автовокзале, с которого я по совету Сэма планировал уехать самым дешевым автобусом в Ришикеш, это может стоить очень много сил, а иногда и времени.

Итак, добравшись до автовокзала, я начал проходить квест покупки самых дешевых билетов. Цивильные павильончики

внутри самого вокзала предлагают комфортные автобусы за семьсот пятьдесят рупий, но зачем нам это пресное удовольствие? Сначала сотрудник одной из contador отправил меня искать комнату номер 9, но выяснилось, что он просто перепутал слова «комната» и «выход» (буквально «ворота» – англ. «gate»). Побегав по автовокзалу и не обнаружив нужной комнаты на первом «уровне квеста», я понял, что люди покупают билеты в каких-то будках, заваренных решетками. Но и там я не смог добиться успеха, потому что, как выяснилось, билет до Ришикеша можно купить только в автобусе у кондуктора, за триста рупий. В итоге квест был успешно пройден, я устроился у открытого окошка на диванчике прямо у двери, по просьбе кондуктора охраняя вход от заскакивающих на ходу попрошаек и продавцов воды, кокоса и прочей индийской снеди.

Судя по тому, что я знаю об Индии по фотографиям, эти автобусы ездили здесь всегда. Не исключено, что они бороздили просторы Бхараты еще пять-шесть тысяч лет назад.

Впрочем, грузовики производят примерно такое же впечатление. Каждый из них заботливо и уникально «оттюнингован» своим хозяином: везде знаки «ом» и зервана – арийский символ в виде двойной свастики. Двери открываются вручную, а внутри имеется специальная защелка. Вдобавок, естественно, – классическая манера езды, когда водитель ведет себя в потоке так, словно управляет не автобусом, а мотоциклом, постоянно оглушительно бибикая.

И вот, обдуваемый встречными индийскими ароматами, совершенно без четкого плана путешествия, я несся в Ришикеш – город йогов на священной реке Ганг.

В Ришикеше я не стал мудрить с жильем и забронировал самую дешевую – за 180 рупий – койку в неплохом тусовочном месте «The Art Bliss». Хостел расположен очень удобно, при этом вдали от больших дорог, где шум-гам стоит практически круглосуточно. До лучшего пляжа в Таповане (мой обширный опыт дает право на подобную оценку) – пять-семь минут пешком по очень живописной тропинке с видами на

Ганг. Правда, местами путь проходит по ступенькам, которые представляют из себя обычные лестничные пролеты зданий. То есть по пути в хостел я захожу в четырехэтажное жилое строение, поднимаюсь на последний этаж, выхожу, прохожу через территорию отеля, и вуаля – я дома.

Атмосфера в «Арт Блессе» царила творческая. Кто-то все время что-то рисовал (я, кстати, тоже оставил на стене чиллаута настенную роспись с мандалой), постоянно устраивались гитарные сейшны или незатейливые разговоры под джоинт. Чарас лился рекой, а шутки чайками кружились под полночной луной. Уже ощущалось приближение зимы, и костер согревал всю компанию, раскидывая по сторонам оранжевые блики.

Спальное пространство в хостеле было чистое, по-своему уютное и очень хорошо проветриваемое. При заселении выдали свежую простыню, наволочку, подушку и одеяло (хотя перед путешествием меня часто предупреждали, что лучше брать с собой свою простыню: лишней никогда не будет, – и на крайний случай у меня с собой был легкий спальник).

Небольшой минус – местная особенность: отсутствие общей кухни в хостеле. Вернее, сама кухня как таковая есть, но хостел на ней зарабатывает, так как общее пространство – это одновременно и чиллаут, и кафе. Только вот мне общая кухня была совершенно не нужна при ценах на еду в местных еадльнях. Возьмем, к примеру, тхали – индийское комплексное блюдо, в которое входит дал (суп из бобовых), рис, тушеные овощи, салат или маринованные фрукты и две лепешки чапати, название которых звучит соблазнительно схоже с итальянским «чиабатта». Таким тхали я наедался от пузза, а стоило оно всего пятьдесят рупий. Обед за пятьдесят рупий – это нечто. Вкусно, остро – все, как я люблю.

И еще немного цен:

- Стакан выжатого сахарного тростника с лаймом – 20 рупий;
- Стакан гранатового сока – 70 рупий;
- Стакан мандаринового, ананасового сока – 50 рупий.

Рупия на тот момент стоила чуть меньше рубля.

Песчаные пляжи на Ганге рядом с Рам-Джулой

Лакшман-Джула на закате

Я сразу же влюбился в Ришикеш, почувствовал его своим и захотел остаться здесь на некоторое время, никуда не торопиться – заземлиться, так сказать. Мне нравился размежеванный, но при этом насыщенный стиль жизни в этом городе. Индийское слово «шанти» (часто говорят и «шанти-шанти»), что означает «мир, покой, гармония», – это про Ришикеш.

Каждое утро я спускался к Гангу и тренировался с бамбуковым шестом, включая силовые упражнения, а огромные каменные валуны на берегу служили мне тренажерами: например, расположив шест между двумя большими камнями, можно было подтягиваться. Булыжники я использовал как гантели. Потом я купался в бодрящей реке с очень быстрым течением и шел завтракать в одну из ближайших кухонь.

После завтрака, а иногда и натощак, я бродил по окрестностям в поисках живописных видов и приключений.

08/10/2019

Я мог начать подниматься в горы совершенно бесцельно, не представляя себе маршрута – просто шел куда глаза глядят и исследовал все тропинки на своем пути.

Помимо потрясающей природы, на склонах я обнаружил очень интересную систему водопровода. Совершенно не представляю, как это было сделано, ведь в ущелья ни технику не подогнать, ни на машине не проехать...

Я отведал холодной водицы из ручья рядом с алтарем с трезубцем Шивы. Отпил пол-литра за раз, так как на подъеме очень сильно потел и терял много влаги, и еще в бутылку воды налил – пока живой (плохой водой меня тоже постоянно пугали, но на протяжении всего путешествия я чаще всего пил не бутилированную воду).

Цикады здесь в лесах настолько оглушительные, что постоянно кажется: вот-вот за следующим поворотом натолкнешься на мужика с болгаркой или шлифовальной машиной. Порою эти страшные гигантские лесные муhi издают настолько электрические звуки, что диву даешься.

В конце спонтанного маршрута я не преминул искупаться в водопаде, а потом благополучно спустился к Гангу, догоняя

последние солнечные лучи. Все шло так шелково гладко, будто по расписанию. Так надо?

На поле у одного из ашрамов – индуистских монастырей – я нашел прямую, удобную, сантиметра три в диаметре, бамбуковую палку, отпилил от нее сто шестьдесят сантиметров – чуть выше моего подбородка: она пригодилась мне и как тренировочный снаряд, и как палка для трекинга.

В тот день я прошел больше двадцати километров, огибая по хребтам извилистое русло священной реки. Сейчас я понимаю, что на всех этих бесконечных тропинках ришикешских склонов калибровалась моя душа. Когда целый день ходишь в одиночку по неизвестным тебе горным тропам в поисках путей в нужном направлении, при этом даже не зная, какая дорога правильная, – есть время покопаться в себе. В подобных плутаниях как бы физически повторяешь траекторию собственных мыслей, которые, в свою очередь, повторяют криевые рельефа и приложенные к ним тропы людей и животных.

Голодный и уставший, я дошел до Тапована – отдаленного района Ришикеша – и двинулся по главной улице в поисках ресторана.

Уже стемнело, а потому не все рестораны работали. В тех, что были открыты, происходило столпотворение: на входе толпились очереди. Я подошел к одной из таких верениц. Это были «девять прекрасных дам» (мой нижайший поклон Борису Борисовичу Гребенщикову – надеюсь, учитель не прогневается на ученика за то, что тот без спроса позволил себе претворить в реальность название одной из любимых песен).

Старшей в группе женщин была Соко – канадка с острова Тринидад. Дредастая, загорелая особа, с виду лет тридцати пяти, хотя на самом деле ей было сорок восемь. Крепкое, но женственное тело бодибилдерши, покрытое всевозможными татуировками и пирсингом, – этакая бойкая девчонка, готовая принять вызов от любого, кто попробует встать у нее на пути. Она будто руководила всем этим женским весельем, периодически приглашая меня к разговору шутливыми вопросами и безобидными подколами.

Ситуации добавляло огонька то, что все девушки приехали

Ришикеш с горы над Тапованом

«Белый» Шива в Ришикеше

из разных стран и обучались на двухсочасовом интенсиве по йоге, после которого должны были получить сертификат преподавателя.

Йогини, словно сокровища, сверкали разными оттенками и цветами волос и кожи.

Соко предложила мне присоединиться к их столу, когда освободятся места для всех. Я согласился: других вариантов ответа попросту не предполагалось. Мы еще немного постояли в очереди, а потом часть девчонок двинулись на разведку и разузнали, что открылся соседний ресторан, куда мы сразу же перemetнулись все вместе.

Выяснилось, что итальянка Саша прекрасно говорит по-русски. Она год училась в Питере, четыре года работала в Москве и теперь очень скучает по нашей первопрестольной и русскому языку. Наше знакомство оказалась ценным подарком для нас обоих.

Вообще повстречать йогинь мне позволило счастливое стечие обстоятельств, так как все свое время девушки уделяли практике, а питались прямо в школе. Однообразная школьная еда, состоящая из примитивной версии тхали, очень быстро им надоела, и в тот вечер они спустились поесть чего-нибудь вкусненького: например, чесночный наан – огромные хрустящие лепешки, вкуснее всяких чипсов, которые подают с разными соусами (вот только пиво в таких местах не наливают). Или палак панир – местный очень пресный сыр, приготовленный в остром соусе. Или еще что-нибудь из пары десятков блюд полюбившейся мне индийской кухни.

В таком саду Эдеме, если честно, за свои сорок лет я еще не бывал.

Я сдвинул столы, и десять прекрасных дам расселись вокруг меня, как апостолы, да простят меня верующие.

В ожидании трапезы мы кружились в вальсе непрерывной беседы. Темы то разъединяли нас в группы по два-три человека, то соединяли вновь, повышая общий звуковой фон. В такие моменты я очень люблю слушать и наблюдать, а говорить – только при крайней необходимости, когда ко мне обращается с вопросом кто-нибудь из участников «форума».

Закончили мы ужин довольно поздно, потому что очень долго ждали заказ, что так обычно для Индии.

Проводив девушек до поворота к их школе, я рас прощался с ними, договорившись встретиться вновь, и пошел в сторону своего хостела.

К сожалению, из-за очень плотного расписания занятий йогой мы не могли видеться с девчонками часто, но все-таки они старались выкраивать время для совместных походов в кафешку рядом с их учебным заведением или на пляж.

С Сашей, впрочем, мы виделись чаще, чем с остальными, так как я тоже скучал по общению на русском и не мог пренебречь возможностью поделиться своими впечатлениями на родном языке.

09/10/2019

Рано утром меня разбудило оживленное движение в нашей опочивальне на четырнадцать человек.

Огромный лангур с полутораметровым хвостом пробрался через приоткрытое окно в спальню и занялся поисками еды, ловко шуряя по рюкзакам, оставленными без присмотра.

Лангур – это черномордая мартышка. Они достигают немалых размеров, а из-за длинных хвостов кажутся еще крупнее. Конкретно эта особь была ростом больше метра. В отличие от красномордых обезьян, лангуры практически цивилизованные.

Думаю, этот парень четко определил свою цель по запаху, а потому сразу же нашел пакетик с «мунг далом» – жареными бобами мунг, наподобие привычного нам арахиса со специями, – разорвал его, устроив настоящий хаос на полу, и принялся утолять голод.

Когда мы с другими обитателями комнаты всемером пытались его прогнать, лангур стал скалиться и всячески выражать свой гнев, что у него неплохо получалось: пасть, полная острых зубов, выглядела весьма устрашающее. Однако он понял, что ему здесь не рады, и решил уйти с добычей тем же путем, что и пришел, а мы сразу же закрыли все окна.

Ситуация повторялась из раза в раз, потому что на ночь

одно из окон приоткрывалось для притока свежего воздуха, и мы ничего не могли с этим поделать, так как отказаться от вентиляции было невозможно.

После битвы с лангуром я позавтракал алу паратой (подобием кутабов с «алу» – картофелем) и поймал авторикшу до моста Рам-Джула.

Рам-Джула – это первый мост в Ришикеше (второй, Лакшман-Джула, находится в Таповане), единственный, по которому разрешен проезд скутеров.

А теперь представьте себе этот аттракцион.

Подвесной мост шириной метра в полтора высоко над Гангом, слегка покачиваясь, переправляет в обе стороны бесконечный поток идущих людей, а также проезжающих туда-сюда мотоциклов, скутеров, чинно вышивавших быков и коров и, конечно же, фотографирующихся туристов, в основном из разных частей Индии.

Предугадать, сколько времени займет переход через реку, невозможно: движение по мосту – это целое приключение.

Второй мост, на Таповане, немного выигрывает в скорости, так как там не надо уступать дорогу мотоколесной технике и вместе с ней стоять в пробках.

Я перешел на другую сторону реки и направился к «ашраму Битлз», где жили, медитировали и творили члены ливерпульской четверки, которые и прославили Ришикеш на весь мир. Настоящее название этого ашрама – Chaurasi Kutia.

Уже вблизи ашрама мне попалась компания очень позитивных соотечественников. Я остановился метрах в пяти от них поумиляться, как они восторгаются телятами, тискают их и гладят.

И тут одна из девушек, улыбаясь, обратилась ко мне: «Вы русский?» – «Да», – ответил я. И тут все завороженно и восхищенно зашебетали: «А как вас зовут?» – «Мэш». – «Мэш, а пойдемте с нами! У нас такой замечательный гид Евгений!» Евгений между тем парировал: «Ну, у Мэша могут быть дела...» И действительно, до этого мы шли в разных направлениях.

Я сообщил, куда иду, и опять услышал трели положительных отзывов о цели моей прогулки, а Евгений – за что ему большое спасибо – спросил меня: «Вы официально планируете проникать? Или неофициально – бесплатно?» Если честно, на тот момент я еще не знал, что сам ашрам – это заброшенный объект со всеми вытекающими последствиями в виде отсутствия перил на лестничных пролетах и прочих опасностей. Каково же было мое удивление, что цена входа на эту «заброшку» была ни много ни мало 600 рупий (это был, если не считать развлечений, мой дневной бюджет, включая проживание).

Я в целом не очень понимаю, от чего зависит в Индии цена посещения культурных объектов. Что-то очень интересное и насыщенное оказывается бесплатным, а что-то совсем не вдохновляющее может стоить 300 рупий, а то и больше.

Кстати, если бы за вход в ашрам попросили 300 рупий, я бы, скорее всего, заплатил, но только если бы не знал, что меня ожидает внутри (а тогда я не знал, так как совершенно не подготовился). Я вообще люблю импровизировать.

Заброшки я обожаю и побывал на многих объектах, включая знаменитую Ховринскую больницу в Москве, где нам даже пришлось побегать от охраны. Ноходить туда за деньги мне, как говорится, «религия не позволяет».

Итак, то, что я видел снаружи ашrama, не выглядело на 600 рупий.

Я начал поиски неофициального входа. Сначала я пошел совсем не в том направлении, ибо не знал ни формы, ни общей географии ашrama. Увидев небольшую дорожку, повернулся туда и наткнулся на черепа, выставленные в ряд. Дорожка оказалась просто кулуаром, который в пору дождей становился вместилищем бурного потока, убивающего все на своем пути (скорее всего, и коров, забредших туда случайно перед стихийным бедствием – по пути мне попадалось множество всевозможных костей: дорогу усеивали коровьи черепа, позвоночники и ребра).

Упервшись в непроходимый заслон джунглей, я понял, что иду не туда, и повернулся обратно, достав карту maps.me, на ко-

Ашрам «Битлз»

Развлечения в Ришикеше

торой обнаружил пометку «free entrance» или что-то в этом роде. Навигация практически не работала – спутники не хотели ловиться, но в итоге я залез на территорию ашрама сначала по заброшенной каменной лестнице, а дальше по забаррикадированному сотрудниками охраны склону.

Ашрам представлял собой большой клубный отель для медитаций и занятий йогой. В капитальные каменно-железобетонные кельи с яйцеобразной комнатой для медитации на втором этаже когда-то было проведено электричество. Тут и там на стенах красовались весьма искусные граффити определенно хороших художников. Несколько многоэтажных корпусов были увенчаны гигантскими бетонными яйцами, которые то ли служили для медитации, то ли выполняли храмовые функции.

Все металлические перила и ограждения были спилены, а потому для человека, боящегося высоты, подняться на крышу этих зданий было бы неразрешимой задачей.

Осмотрев все, я решил рискнуть и направился прочь из ашрама через официальный вход, к которому был приставлен охранник, он же кассир. Он приметил меня, возможно, когда я вертелся у входа, высчитывая стоимость билета, и начал кричать мне вслед «Сэр! Сэр!», но я продолжил движение в сторону Ганга, не сбавляя темпа и делая вид, что не слышу его из-за наушников с музыкой в ушах. Догонять меня охранник не стал.

Возвращаясь в хостел, я проник еще на один объект, куда проходить, судя по всему, было нельзя, но калитка в тот момент оказалась открыта – ее закрыли буквально через 10 секунд после моего проникновения. Это был индуистский храм Parmarth Aarti Sthall. Я сделал несколько фотографий и пошел к другому выходу. Охранник удивленно покачал головой, но выпустил меня.

Небольшое лирическое отступление – размышления о мусоре и вредных привычках.

Перед поездкой в Индию многие страшали меня тем, что там очень грязно. Мои любимые сербы и сербки тоже активно

поддерживали это мнение.

Однако я не обнаружил огромной разницы с Балканами и с Сербией в частности. Можете кидать в меня тухлыми помидорами, но уровень замусоренности в Индии и на Балканах вполне сопоставим. Из-за плотности населения масштаб кажется другим, но возможно, что на одного жителя здесь встречается гораздо меньше мусора, чем в Сербии или Черногории.

Более того, здесь совсем не курят в общественных местах. Практически во всех парках курить нельзя. Иностранных периодически предупреждают об этом при входе, соответствующие знаки тоже можно встретить повсюду.

Кстати, еще одно интересное наблюдение. В Сербии я практически каждый вечер, а иногда и днем, позволял себе пивко. Здесь же алкоголь продается в отдельных магазинах только до 10 вечера. В Ришикеше первое время я даже не знал, где находится это злачное место, – знал лишь, что не меньше чем в трех километрах от хостела, – и прекрасно себя чувствовал, проводя время без пива и прочего (к бутылке ракии я притронулся только в Нью-Дели, для первичной внутренней дезинфекции, и потом она долгое время провалялась нетронутой). На мой взгляд, подобные ограничения продажи алкоголя улучшают здоровье нации, хотя и не нравятся народу.

16/10/2019

В «Арт Блисссе» я познакомился с пареньком Амитом двадцати шести лет от роду.

Сам Амит из местных, его родители – крестьяне, и потому живут они в сельскохозяйственной части городка.

Амит никогда не ходил в школу, но продолжать дело отца, видя, как тому приходится впахивать, он не хочет. Для необразованного молодого человека Амит достаточно неплохо говорит по-английски и учит слова из других языков, например, из русского.

Как он сам признался, его нынешняя мечта – побывать в Москве, но пока его путешествия ограничиваются Индией и Непалом, что само по себе уже неплохо.

Живность в пути – очковая кобра

Виды в пути до Будха Кедара

Мы, как обычно, тусовались во внутреннем дворике хостела, и я рассказал ребятам, что хотел бы отправиться в какой-нибудь интересный поход дня на три. Тогда-то мне и представили Амита. Амит весьма заманчиво, но при этом смутно расписал мне наше предстоящее мероприятие, и я согласился с ним поехать. Какое-то время мы пытались найти еще попутчиков, чтобы снизить стоимость пути, но все отказывались по разным причинам – в основном из-за обучения на курсах йоги.

В итоге мы должны были ехать втроем с каким-то приятелем Амита, но утром в день старта выяснилось, что мы едем вдвоем и... на скутере!

Амит взял напрокат 125-кубовую «хонду актива», и мы помчались в прямом смысле этого слова.

На самом деле передвигаться именно на скутере было очень хорошей идеей. За весь путь до Будха Кедара – а это порядка 170 километров по горным дорогам – нас обогнали всего две маленькие, борзые машинки. Остальное время мы сами обгоняли все подряд: автобусы, грузовики, другие скутеры и мотоциклы. Амит умело обращался со скутером, хотя иногда мне для спокойствия не хватало предупреждающих гудков клаксона с его стороны, когда он выполнял какой-нибудь опасный обгон на очередной петле серпантина. Активное индийское бибиканье в большинстве случаев оправданно и необходимо для предупреждения встречного транспорта, который еще не виден за поворотом, просто иногда некоторые водители перебарщивают со звуковыми сигналами. Амит же пользовался клаксоном на удивление очень редко.

Наша постоянная скорость была 50-60 км/ч, иногда мы разгонялись до 70, и заметьте – не по прямой, не на трассе.

Иногда это было очень опасно, но я сохранял спокойствие, полагаясь на свою карму, и наслаждался видами вокруг.

Мне удалось вполне комфортно устроиться «вторым номером». Рюкзак за спиной опирался на багажник мопеда и образовывал как бы спинку кресла. Однако все-таки было не просто, я бы даже сказал, тяжело, и после этого путешествия мною было честно заслужено звание «стальная задница».

Да, я знаю, что «стальная задница» дается на тысяче ки-

лометров, но учитывая тот фактор, что мы ехали по горам и в Индии, а не по равнинам Краснодарского края и не на мотоцикле, на котором можно как следует разогнаться – мотоцикл динамичнее и быстрее скутера, он и обгоняет лучше, и расстояние проходит быстрее, – то звание мною вполне заслужено. Ну что ж, пусть будет «бронзовая задница».

Если честно, я до сих пор не понимаю, как мы, говоря языком экстремалов, не «разложились» по дороге при такой машине езды.

Возможно, я утомился бы намного сильнее, если бы не красоты, которые окружали нас в пути. Каждый изгиб дороги, каждый новый виток серпантинда добавляли адреналина и оставляли яркие впечатления от живописных пейзажей.

Ближе к четырем часам мы добрались до места назначения и отправились в храм Будха Кедара – Boodhakedar temple. Это древний (хотя я и не нашел упоминаний о его возрасте) и очень красивый шиваистский храм, в котором находится самый большой в Северной Индии Шива Лингам.

Шива Лингам, насколько я понял, пусть и упрощенно, – это тело Шивы. Оно представляет собой огромный черный каменный валун, покрытый барельефами, изображающими все семейство Шивы. Шива Лингамы бывают очень разных форм и размеров. Некоторые из них даже напоминают нечто фаллическое, да простят меня шивайты.

От Лингама действительно исходит мощная энергия, происхождение которой я даже не пытался для себя объяснить: она просто чувствуется, если сесть рядом в позу полулотоса и склонить голову – в какой-то момент моя голова начала машинально кивать в ровном, успокаивающем ритме. Это было очень странно, но в то же время приятно.

Ощущение энергии Лингама внушает несказанное умиротворение. Ты сразу же понимаешь, что человеческая сила есть абсолютное ничто перед этой энергией и формой, в которую она заключена, смиряешься и принимаешь любой исход. Ты уже не боишься ни войны, ни сильных мира сего – все это очередная шелуха, которая со временем отпадет. Если ты что-нибудь да значишь в этом мире, то останешься и будешь

Будха Кедар

Храм Будха Кедара

Баба Джи

Гималайские заросли

соком луковицы, что скрывалась под этой шелухой, – хотя бы и малой каплей.

За храмом присматривает Баба Джи (Баба – это почтительное обращение к старшему у индийцев), худой, но крепкий и полный здоровья дедушка лет семидесяти, который является пожизненным смотрителем этого места.

Мы познакомились с Баба Джи, а он, в свою очередь, показал нам, где лучше разместиться на ночлег. Уже потом Баба Джи сказал: мол, если бы он знал, что мы не чужды настоящим духовным практикам, он разместил бы нас у себя на полный пансион – но в этот приезд, к сожалению, не сложилось, и мы пошли гулять по деревне, договорившись вернуться к семи вечера для участия в ритуале аарти, что буквально означает «молитва».

Поужинав после прогулки, мы вернулись в храм. Я совершенно не представлял, что мне предстоит делать. Мы сидели с Амитом в помещении при храме и курили. Вдруг ворвался Баба Джи с колокольчиком и крикнул Амиту, чтобы тот бежал звонить в колокола. Мне Баба Джи выдал барабан с палочками, включил электромеханическую машину, которая на манер метронома отбивала ритм по небольшому барабану и звенела маленькими колокольчиками, и наказал стучать в такт, чему я незамедлительно повиновался, достаточно быстро войдя в транс и выйдя из него только тогда, когда Баба Джи вернулся и выключил ударную машину. После этого Баба Джи отправил меня совершить поклон («намаскар») Шиве, а когда я вернулся, Баба дал нам прasad – священную еду, в этот раз банан.

А потом мы все вместе раскурили мою трубку, так как чиллум Баба Джи куда-то запропастился.

К сожалению, Баба Джи не говорил по-английски, и наша коммуникация осуществлялась либо через Амита, либо жестами. В какой-то момент Баба Джи и Амит стали горячо о чем-то спорить, и вдруг Амит спросил меня: «Ты можешь сходить купить биди для Баба Джи?» Я ответил: «Конечно!» Амит уточнил: «Только это должны быть биди в голубой упаковке – сири биди!» – «Не вопрос!» – ответил я и ушел во

мрак деревушки в поисках магазина.

Биди – это самокрутки из листа черного дерева со смесью табака и трав, и хоть я и не курю табачные изделия, иногда могу позволить себе выкурить одну: воздействие на мозг у биди очень легкое и мягкое, в отличие от сигарет.

Я прогулялся по вечернему Будхакедару, без проблем отыскав магазин и купив две пачки биди.

Вернувшись из магазина через десять минут и принеся нужные биди, я увидел, как неподдельная радость засияла улыбкой на лице Баба Джи. Оказывается, когда Амит предложил, чтобы я сходил за биди, это было что-то вроде испытания. Баба Джи был абсолютно уверен, что я не справлюсь с задачей, ведь я не знаю ни словечка на хинди, и очень обрадовался тому, что его ожидания не оправдались.

Мы еще немного посидели и покурили в храме и вскоре побрали домой, так как на следующий день нам предстоял ранний подъем и долгий путь по ближайшим горам.

Проснувшись около семи утра, мы быстро собрались, и Амит радостно сказал, что теперь туда, куда мы направляемся, проложена вполне сносная для скутера дорога – необязательно проходить весь путь пешком. Амит всячески расписывал плюсы путешествия на скутере в сравнении с пешим походом, утверждал, что мы сможем сэкономить время и силы на что-нибудь более полезное, постоянно добавляя в конце с вопросительной интонацией свое индийское «наа?» (что-то вроде «не так ли?») – и в итоге после всех его уговоров мы, конечно же, сели на скутер и покатили.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда мы прибыли в глухую деревню, – это технологии возделывания земли, не изменившиеся со времен многовековой древности, то есть пахота с помощью буйолов и деревянных плугов разного калибра.

Везде на живописных террасах работают люди. Возделывается абсолютно все, высаживаются всевозможные культуры, от риса и дала до кукурузы и пшеницы – для себя, для туристов. Я бегу сделать фотографии, и по пути меня останавливает женщина, потирающая ладошки друг о друга, явно наме-

Совместный труд

Деревенские жители

кая на возможность покупки определенного рода продуктов. Так и производится чарас – растиранием маслянистых соцветий между ладонями.

Я вежливо отказываюсь, делаю снимки и возвращаюсь к Амиту. И вот мы останавливаемся на завтрак в одном дворе, где помимо прочего гостеприимные хозяева предлагают нам закупиться, что называется, «по полной программе».

До меня доходит: вот она, главная цель путешествия Амита. Вот почему ему было неважно, сколько будет туристов в его группе – хотя бы даже и один: этого достаточно, чтобы с лихвой окупить поездку туда и обратно, закупившись на мои деньги и по возвращении перепродав чарас в Ришикеше в тридорога.

Мы позавтракали, закончили все дела и еще немного погуляли по деревне, проникаясь местным колоритом, а потом сели на скутер и поехали к следующей точке – водопаду. Ванная в нашем «номере» была устроена на индийский манер, а именно: дырка в полу, ведро, ковшик, мощный кипятильник и кран в стене. Поэтому я еще с вечера задал Амиту вопрос: будут ли у нас по пути какие-нибудь водопады, чтобы принять душ?

И вот по пути к водопаду Амит радостно заявил: «Благодаря новым, хорошим дорогам мы успели все, что хотели, гораздо раньше, чем планировали, и поэтому можем уже сегодня вечером вернуться в Ришикеш!» Я начал возмущаться, используя мой скучный запас английских ругательств: «В какой еще Ришикеш?! Мы договаривались на три дня путешествия!» Амит еще немного потрепыхался, ссылаясь на то, что у нас получился «мототур», но в итоге смирился с участью остаться в Будха Кедаре еще на одну ночь.

Остаток дня мы провели в небольшом пешем походе по близлежащим горам, которые местами покрыты коноплей, изрядно обглоданной коровами, а кое-где очень жгучей крапивой со стволами толщиной в два сантиметра. Это были практически деревья. Впрочем, у кустов конопли стволы тоже были практически древесные.

Потом мы медитировали, опять участвовали в ритуале аар-

ти, общались и курили чиллум с Баба Джи, а закончили день ужином в местной забегаловке и распитием бутылки индийского вискаря пополам с водой вместе с хозяевами заведения.

Вернувшись в гостиницу, Амит начал канючить, что у него денежный перерасход, что придется платить за еще одну ночевку, что он был вынужден потратиться на топливо, так как в деревне нет заправки, а литровая бутылка бензина в магазине стоит 300 рупий. Кто мешал позаботиться об этом заранее? Ведь незадолго до того, как мы свернули в глушь, по пути были бензоколонки!

До всех этих жалоб я хотел оставить Амиту лишних пятьсот рупий, но постоянная импровизация с планами и договоренностями заставила меня передумать. Последние остатки моего желания окончательно улетучились, когда Амит стал просить меня заплатить за номер за эту ночь, «ну, если ты можешь, конечно...»

Еще раньше Амит с ужасом воспринял идею ехать обратно через Девапрайяг – место, где сливаются Алакананда и Бхеджирати, образуя Ганг. Это было в принципе по пути, но пришлось бы сделать крюк в пятнадцать километров.

Ранним утром следующего дня на пустой желудок и с благословением Баба Джи мы помчались в обратный путь. Должен сказать, что дубак в это время в горах знатный, особенно если разогнаться до 60-70 км/ч и мчаться по серпантинам теневой стороны ущелья. Ноги ниже колен промерзают до костей. Почему-то мне не пришло в голову, что шорты и сандалии – не лучший вариант для поездки на скутере на рассвете в горах, а переодеваться в штаны и кросовки по пути было лень, ведь солнце уже так близко: еще каких-нибудь полчаса – и будет тепло. С другой стороны ущелья склоны уже были залиты ярким светом.

Немного выручил горячий чай с молоком, но добраться до него тоже удалось не сразу, так как чайные открываются позже – лишь с появлением первых лучей солнца на рольставнях.

Мы успешно миновали гидроэлектростанцию с ее КПП и полицейскими и уже на подъезде к Ришикешу, буквально вдвадцати пяти километрах от Тапована, уткнулись в хвост из машин.

Оказалось, где-то впереди произошел обвал, дорогу расчищали, и сколько еще предстояло расчищать, не знал никто. Вдобавок ко всему ехать в объезд не получилось бы: топливо у нас опять оказалось на исходе. Не зря я предлагал ехать через Девапрайяг, чтобы посмотреть что-то новое и интересное – вышло, что Amit своей упрямством нажил себе только очередные проблемы.

Возвращаемся до бензоколонки, делая крюк в те же пятнадцать километров, а заправщик нам и говорит: «Топлива нет!» – «Где взять?» – «В том магазине, метрах в пятистах». Едем туда. Топлива нет и там. Едем до заправки и видим, как заправщик отпускает бензин каким-то местным мотоциклистам. «Все понятно, – объясняет Amit. – Так как дорога перекрыта на неизвестный срок и поставок какое-то время не будет, возникнет дефицит, и они смогут продать сэкономленное сейчас топливо в два раза дороже».

Amit все-таки уговорил заправить его по нормальной цене, и вот, изрядно попрыгав на объездной грунтовой дороге, мы вернулись в Ришикеш целыми и невредимыми, по пути заглянув в храм Maa Kupjapuri Devi на вершине холма.

Через день Amit предложил выпить вместе рома в какой-то деревне – дело было в пятницу. Ни в какую деревню мы, конечно же, не пошли, так как у Amitа на неделе семь пятниц, а на все пятницы деревень не напасешься, поэтому мы просто встретились рядом с алкогольным магазином.

Зрелище создавалось, надо сказать, удручающее. Впрочем, как впоследствии оказалось, это была не худшая «алкашка» в Индии. Дьяволу угодное заведение напоминало что-то очень знакомое родом из девяностых. Магазин представлял собой большой металлический павильон (общее помещение выполняло также функцию склада) с наглухо зарешеченным прилавком, вокруг которого на улице толпились охочие до выпивки индийцы.

Цены и ассортимент совсем не радовали. Буквально пара сортов пива, один сорт рома по 250 рупий за 0,375 литра (и никакого «олд монка») и несколько видов местного виски.

Бутылка пива 0,65 литра – 200 рупий. Для местных студентов – 190, так что на сдачу можно было купить еще и местной закуси: порцию жареного батата или других овощей, обильно приправленных специями. Все эти лавочки с едой расположились неподалеку от магазина и общественного туалета, образуя в некотором роде городскую площадь на набережной пересохшего русла реки, по которому шныряли дикие свиньи.

Амит познакомил меня с друзьями, выпил немного рома и убежал куда-то по делам, а я остался общаться с его знакомыми.

Я не узнал много нового в этой беседе, так как нормально говорили по-английски из этой компании только двое, а потому общались они большую часть времени на своем языке: хинди или гархвали – кто их разберет.

В этом разговоре выяснился один грустный факт. Получилось это так. Рядом с нами собирали бутылки мальчик лет десяти. Когда он подошел за нашими бутылками, ребята стали настаивать сделать с ним селфи на их телефоны, а я, воспользовавшись ситуацией, сфотографировал его на свой «компакт» (небольшой фотоаппарат, довольно неплохо снимающий в формате «рав»), после чего сунул десять рупий ему в карман, по возможности незаметно для окружающих. Один из моих новоиспеченных друзей все-таки увидел это и одернул меня: «Никогда так не делай! Когда ты так делаешь, это идет ему во вред. Он купит на эти деньги клей. Посмотри на его шлепанцы – он обдирает их, чтобы жечь резину и дышать дымом для своего детского кайфа. А деньги он точно потратит на клей. Посмотри на него – он сам не свой!» Деньги я все же не стал отбирать, но соответствующие выводы сделал. Впрочем, во всех странах одни и те же проблемы, на которые государству абсолютно наплевать, так как борьба с детской «клееевой» наркоманией никому не выгодна – ведь бизнес на этом не построишь.

Напрямую связана с бизнесом и еще одна тема моих путевых заметок – вывески. Их я не фотографирую, так как художественной ценности они из себя не представляют, но периодически «тащусь» от них как человек, тесно связанный

с неймингом, брэндингом и в целом маркетингом. Вывески здесь непрятательные, но настолько искренние, что всякий раз вызывают у меня улыбку. Моя любимая на данный момент – «Om Namah Shivaya Inn» на отеле в Ришикеше. И такого добра здесь пруд пруди – всевозможные «Харе ом компьютерз» и прочие «Кришна фаст-фуды».

28/10/2019

Последнюю неделю в Ришикеше я подпортил себе болезнью.

Слег с температурой в воскресенье вечером. Весь понедельник и вторник провалялся с той же температурой (по ощущениям 38,5) без насморка и кашля.

Во вторник сосед по хостелу, парень из Гватемалы со старым добрым русским именем Хулио, предложил мне и другому соседу со схожими симптомами попить электролиты. Их в подобных случаях пьют местные и выздоравливают на ура.

Гадость, надо сказать, та еще. На вкус похоже на сладкую дешевую жвачку вроде шариков из автомата. Я с трудом осилил пол-литра мутного раствора, однако на следующий день (возможно, и вне связи с народной гватемальской медициной) чувствовал себя нормально. Слабость во всем теле сохранялась до воскресенья, но можно было гулять и дышать свежим воздухом, хотя и не без одышки на подъемах.

В среду я прошел до Рам-Джулы, чуть дальше и обратно, в сумме около 7 километров, и от такой плевой нагрузки следующие два дня болели икроножные мышцы, что для меня весьма необычно.

Пару дней спустя во время тренировки я усилил нагрузку до полной. Словом, дело пошло на поправку, и я решил перебраться на пару дней в Дели, так как чувствовал, что засиделся на одном месте.

А далее по маршруту – Агра, Лакхнау и Варанаси.

29/10/2019

Вернувшись в Дели тем же автобусом, я поселился в хостеле в районе Nehru Place недалеко от парка, где находится храм

Храм Лотос в Нью-Дели

Shree Adya Katyayani Shaktipeeth Mandir

Лотос. Надо сказать, очень странное место этот храм. Железобетонный новострой в форме цветка лотоса, довольно красивый по форме, но с очень неоднозначными то ли служителями, то ли служащими.

Они на свой лад управляли толпой посетителей перед храмом, требуя чуть ли не школьного послушания, но внутри отпустили нас на все четыре стороны для молитв и медитаций. Впрочем, я не почувствовал там настолько особой энергии, чтобы задержаться надолго.

Мое возвращение в Дели пришлось на время после праздника света и огня Дивали, когда урожай собран и крестьяне начинают сжигать солому на полях.

Помните, как выглядело солнце в Москве в августе 2010 года, когда несколько недель подряд стояла температура под +40 и из-за аномальной жары горело пол-России?

*Black hole sun
Won't you come
And wash away the rain
Black hole sun
Won't you come
Won't you come...
© Soundgarden*

Примерно так же выглядело и делийское солнце. Именно по этой причине не хотелось надолго оставаться в столице.

Я нашел вариант каучсерфинга и утром следующего дня решил отправиться в Агру на поезде.

С романтикой железных дорог Индии я был знаком из книг и многочисленных фотографий в Интернете. Познакомиться с ними лично было одной из целей моего путешествия. Впоследствии я предпочитал именно этот способ передвижения – самый дешевый из всех возможных, не считая автостопа.

30/10/2019

Я пришел на железнодорожную станцию «Хазрат Низамуддин», так как до нее было проще всего добираться на ме-

тро. Официальная карта метро и все остальные источники, найденные в Интернете, именуют эту станцию по-разному, в связи с чем пришлось изрядно потупить у терминала покупки жетонов на проезд перед схемой линий.

На самом железнодорожном терминале я уверенno попросил у кассира самый дешевый билет до Агры. Кассир, недоверчиво смерив меня взглядом, переспросил: «Самый дешевый?» – «Да!» – «Это будет стоить семьдесят рупий!» Я расплатился, получил билет в «дженерал»-класс (самый низший из возможных), нашел нужную платформу и стал ждать среди прочих будущих пассажиров свой адский поезд.

Признаюсь честно, такого я не мог представить в самых худших кошмарных снах. Общий вагон до Питера по сравнению с этим приключением вам покажется королевским люксом.

Если вы хотите многочасового «акта любви» с абсолютно разными представителями индийского народа, то повторение моего опыта вам просто необходимо. Это был настоящая преисподняя для интроверта.

Я стоял с 55-литровым рюкзаком у входа в вагон с зарешеченными окнами без стекол и отчетливо понимал, что мне вот сейчас – прямо туда, где понятие «место» в смысле «пространство» просто не существует.

Пробив свое тело внутрь, я скинул с себя рюкзак и просочился еще на несколько метров вперед, держа багаж над головой. В какой-то момент дальнейшее передвижение потеряло и смысл, и возможность, и я остановился, утрамбовав себя и рюкзак между тел.

Человеческие сущности были повсюду: конечности свисали со всех уголков вагона, подпертые всевозможной поклажей, иногда используя ее в качестве сиденья. В какой-то момент я плюнул на то, что в рюкзаке лежит ноутбук, и просто плюхнулся на него сверху пятой точкой. Если честно – мне просто стало плохо от нехватки воздуха и от стояния в жутко неудобной позе в течение трех часов, поэтому я сполз на рюкзак и часть пути провел в этом условно сидячем положении, что облегчило мои дорожные страдания.

Поезд очень часто делал остановки, а иногда и просто стоял

где-то в поле, видимо, пропуская вперед экспрессы.

Женщины, опавшие, как груши в саду, и заполнившие все пространство пола между ногами, умудрялись есть плов, добавляя ко всем прочим ароматам новые «аппетитные» нотки. Вот на очередном полустанке в поезд залез торговец какой-то снедью. В жестяном ведре обнаружились лепешки, и продавец начал обтекать биомассу потенциальных клиентов – съедобный товар, впрочем, пользовался спросом среди пассажиров. К тому же все происходило очень громко – как обычно здесь кричат разносчики еды, и таким отвратительным, мерзким голосом, как будто их где-то специально обучают этому и заставляют соответствовать одному стандарту повсюду: уж настолько схожи их противные зазывные «кричалки».

Меня поразили маленькие дети, которых в вагоне было немало. Они обладали какой-то удивительной способностью не плакать. А спали они в щелях между багажом, чувствуя себя при этом более чем комфортно. С каким азартом и задорным весельем родители вместе со своими отпрысками принимали бой за право выйти из вагона или зайти в него – надо было видеть. Все эти транспортные схватки и штурмы – отдельный ритуал, подчиняющийся еще непонятным мне на тот момент законам (со временем, уже после Непала, к моменту осады очередной электрички в Мумбае, я проникся духом и правилами индийских железнодорожных путешествий).

После пяти часов этого ада я, уставший, но живой, все-таки прибыл в Агру, был встречен на байке своим хостом с кайучсерфинга, Джоем, и провел остаток дня, бесцельно катаясь на разных байках в компании его друзей, гуляя, питаясь в фастфуде, с разговорами, как всегда, ни о чем – но как приятно было просто выдохнуть и в конце концов занять горизонтальное положение. Да что уж там: хотя бы какое-то положение тела в пространстве – пусть даже сидя вторым номером на мягкой седушке «роял энфилда».

01/11/2019

Семья Джоя – это хорошая такая традиционная индийская семья, весьма религиозная, со своими строгими правилами.

В поезде Дели – Агра

У каждого в семье своя роль и обязанности, и порядок соблюдается беспрекословно.

Мама и папа – их так обычно и представляют, не по имени, а просто как маму и папу, – добрые и заботливые люди, которые всегда наперед угадывают, что необходимо в данный момент их гостю.

Папа – военный на пенсии, со строгим взглядом, теплой, хотя и редкой, улыбкой и мягким сердцем.

Мама – хозяйка дома, женщина в годах, но очень красивая, а главное, женственная в своих традиционных индийских сари.

Джой трудится в основном в сфере туризма, подрабатывая в зависимости от сезона в хостелах по всей стране – например, в Гоа или Манали. Параллельно он осваивает всяческие дополнительные «скиллы», как-то: графический дизайн или танец с «пойями» («пойи» – это снаряд для огненного шоу – два фитиля на двух цепочках).

С его младшим братом я, к сожалению, не познакомился: его не было дома. Он выбрал путь военного и теперь служит в армии. Джой как раз собирался по пути в Гоа заехать к нему с посылками от всей семьи. На самом деле Джой уже и теперь поехал бы в Гоа, но свадьба друга не позволяла ему сделать это так быстро.

Но для меня главной из всей семьи Джоя стала его младшая сестра. Когда мы впервые заехали на мотоцикле в дом, именно она открыла нам ворота, и в тот момент мое дыхание на время остановилось, а сердце, наоборот, – забилось в бешеном ритме, прокачав по кругу химию волшебства.

Стройная юная девушка, невысокого роста, с большими, удивительной красоты карими глазами, была представлена мне как Свити, что на английском буквально значит «сладкая».

Свити, безусловно, унаследовала все лучшие качества матери. Большие, выразительные глаза на изящно очерченном лице, обрамленном шикарными ниспадающими черными волосами. Темная гладкая кожа, контрастирующая с белоснежными зубами, так часто обнаженными в доброжелательной

и счастливой улыбке, в которую я по-настоящему влюбился. Хрупкое, стройное тело Свити прятала в бесформенных домашних одеждах, но скрыть прелести ее фигуры было невозможно.

И красота, и женственность этой двадцатилетней индианки обвораживали с первых мгновений, и я понимал, что так просто избавиться от этих чар не смогу. Я и не хотел от них избавляться, но меня сразу же начала отрезвлять мысль, что у нас огромная разница в возрасте – двадцать лет, и это может стать серьезным препятствием. К тому же я сразу проникся уважением к ее родителям и просто боялся проявить непочтение к ним, не зная местных традиций и реалий, а потому решил оставить все чувства к Свити внутри себя, обжигаясь и заливая этот огонь медитациями. Но как же это было сложно, когда Свити совершенно бесцеремонно приходила и ложилась подле меня на большую двуспальную кровать, которая была выделена нам с Джоем, а на самом деле принадлежала ей. Такая близость разжигала во мне нешуточное пламя, и стоило огромных усилий удержаться от прикосновения к ее руке, листающей ленту фейсбука в нескольких сантиметрах от меня.

Ночевала Свити вместе с мамой, а отец семейства спал в комнате между нашими спальнями (там же находился холодильник и домашний алтарь).

Свити учится в колледже на менеджера-экономиста, но очень хочет путешествовать, как старший брат. Однако пока ее выбор – образование и домашний очаг.

У Свити остается достаточно много свободного времени, и девушка с пользой тратит его на обучение соседских ребятишек. Она выполняет с ними школьные домашние задания, подтягивает их знания по английскому, хинди и математике и проводит с ними другие внешкольные занятия прямо на крыше своего дома на закате.

В нее невозможно было не влюбиться. Не знаю, на что рассчитывал Джой, когда приглашал меня к себе домой в качестве гостя, но в этом была определенная доля садизма. А возможно, и мазохизма с моей стороны – но переехать жить

в хостел, лишив себя общества этой удивительной индианки, было выше моих сил.

Мою задачу по дистанцированию косвенно помогал мне выполнять плотный режим Свити – она попросту не могла присоединиться ко мне в прогулках по городу из-за учебы. Впрочем, не могу сказать, что я был этому рад.

Между тем, мне была уготована вполне определенная роль. В первый же вечер, когда мы гуляли с местными ребятами, приятелями Джоя (все – не старше двадцати пяти лет), один из них, добрячок-пухлячок по имени Аджей, пригласил меня на свадьбу к своему брату. Я поблагодарил Аджея, но попросил отсрочку с ответом, так как мне нужно было спланировать дальнейшее путешествие, а десять дней в Агре казались мне слишком долгим испытанием для соблюдения моего импровизированного обета.

Джой все это время был занят подготовкой к отъезду в Гоа, а также помогал готовиться к свадьбе жениху и кунакам жениха – так сказать, с головой ушел в предсвадебные хлопоты. Выбрать костюм для торжественного события – задача непростая. Само собой, друзья помогают друг другу в этом нелегком деле, а потому на всех было запланировано бесчисленное количество примерок.

Я в это время бороздил пыльные просторы Агры, научившись пользоваться «шерд»-авторикшами (от слова «shared» – общего пользования, когда внутрь набивается куча народу), а также в первый (и, наверное, последний) раз попробовал проехаться на велорикше. Удовольствие и комфорт сомнительны, особенно когда тебя везет пожилой с виду человек – а все велорикши выглядят как пожилые. Этот вид транспорта, как и велосипеды, – низшая каста на дороге. Им приходится держаться края проезжей части и ловить все неровности у обочины. В итоге пятой точке, а иногда из-за малых размеров повозки – и голове, достается на славу. Я обратил внимание, что в основном велорикши развозят детей в школы по району: дети легкие, им проще уместиться в повозке, к тому же их умещается больше – а значит, за проезд собирается больше денег.

Ред Форт в Агре

Тадж-Махал

На второй день моего гостевания в Агре, свыкнувшись с окружающим бытом и даже успев его полюбить, я принял предложение Аджея быть гостем на свадьбе его брата.

Я много гулял по городу, забираясь в самые дебри и периодически возвращаясь домой пешком от центра (условно приняв за него русло реки Джамна) до дома в районе Madhu Nagar.

Как-то, прогуливаясь домой пешком от Тадж-Махала, уже на подходе к своему микрорайону, я немного запутал, и, когда углубился практически в трущобы, где меня никто не ожидал (а увидеть в Агре белого можно только неподалеку от основных достопримечательностей), какой-то старик в компании своих товарищ, увидев мои тщетные попытки сориентироваться по навигатору, предложил мне присесть на свободный пластмассовый стул. Кто-то сразу же прибежал с кувшином воды и одноразовым пластиковым стаканчиком, хотя я мог обойтись и кувшином, так как уже научился пить на индийский манер – не прикасаясь губами к горлышку.

Буквально через минуту вокруг меня собрались не меньше двадцати человек: женщины, дети, подростки и старики – все очень оживленно обсуждали мое появление и на зачатках английского задавали мне все стандартные вопросы, которые я слышал здесь не один десяток раз за день: «Откуда ты приехал?», «Как тебя зовут?» – а потом: «Куда ты, собственно, идешь?»

Как только я упомянул название своего микрорайона, сразу же вызвались добровольцы проводить меня. И проводили – вывели в нужном направлении, а дальше я уже сориентировался сам и нашел свой тупичок и дом.

Рядом с такой бескорыстной помощью и взаимовыручкой существует другой, совершенно противоположный вид «благоденний». Например, в комплексе гробницы Акбара буквально в каждом павильоне ошивается «гид», который при появлении пришлого человека сразу же начинает рассказывать что-нибудь про павильон, а потом требует денег. Из того, что он (или она) рассказывает, можно разобрать от силы лишь десятую часть.

Кроме того, при каждой мечети или гробнице в туристических местах, если отсутствует камера хранения, есть специальный сторож для вашей пары сандалий или туфель, точно так же просящий денег за то, что просто сидит рядом.

Раз уж я упомянул обувь, то расскажу о том, как я побывал на обувной фабрике в Агре.

Фабрика – громко сказано: скорее это небольшой цех по сборке кроссовок, который располагается в маленькой комнатке. Сидят и работают там порядка семи человек, включая детей лет девяти-одиннадцати. Они сидят в этой каморке целый день, вдыхая смесь воздуха и резинового клея, и мерно отстукивают по болванкам, что-то подгоняя и подклеивая, ежедневно производя от 250 до 400 пар дешевых кроссовок.

Вот именно так они и выглядят – маленькие «подпольные» (на самом деле вполне легальные) производства, продающие свою продукцию на «Амазоне»: грязно-розовые, обшарпаные, с местами обвалившейся штукатуркой стены, украшенные календарями с изображениями аватаров Вишну. Все ниши и оконные проемы заполнены болванками и обувными коробками. На полу расстелен тентовый полиэтилен, на котором, скрестив ноги, сидят работники, от мала до велика, и каждый зажимает между ступней кроссовку разной степени готовности, ловко орудуя молотком сапожника.

Делать обувь мне, конечно, никто не доверил, да я и не просил, но все-таки разрешили составить пару пакетов к дальнейшей отправке в упаковочном цехе.

Смотреть на это производство, с одной стороны, больно, с другой – понимаешь: пусть лучше эти дети трудятся, а не будут предоставлены сами себе. На селе в этом возрасте они тоже помогают родителям, но в поле. Я видел, как семилетние мальчишки учатся обращаться с буйволами, чтобы впоследствии пахать на них землю. В городе свои реалии, и работу в обувном цехе можно воспринимать как уроки труда в школе. Вот только бы им условия получше.

Впрочем, что внутри этой полулегальной фабрики, что снаружи – дышать было нечем. После Дивали «погода» в Агре не радовала из-за постоянного смога. Только в один вечер из

десяти, которые я провел в этом туристически раскрученном городе, небо немного расчистилось благодаря набежавшему откуда-то ветерку. С фотографированные мной во время прогулок пейзажи были постоянно в дыму, а небо на фоне выглядело совсем непривлекательно.

В один из дней, добравшись на городском автобусе к Ред-Таджу, гробнице Джона Хессинга, командовавшего фортом Агры на рубеже восемнадцатого-девятнадцатого веков, я осмотрел его и прилегающую территорию – католическое кладбище, где просто приятно побродить в тишине и уединении.

Смотритель кладбища специально для меня открыл вход в Ред-Тадж, но ничего впечатляющего внутри не оказалось.

Я сел на тук-тук до Уотер-воркз (система гидро-очистки Агры) – обычно все перемещения на тук-туке стоят 10 рупий, если это вышеупомянутый «shared» – «в складчину». Самое сложное – найти тук-тук в нужном направлении. Ко всему прочему, тук-тук «в складчину» идет только от и до определенной точки – территории их маршрутов поделены, чтобы все могли зарабатывать только в своем районе.

Водители одиноких тук-туков постоянно пытаются соблазнить путника на эксклюзивный сервис – тогда они смогут выступить в качестве гида и катать пассажира хоть по всему городу. Но благодаря Джою я уже практически разобрался в этой мудреной системе – просто говорю водителю название нужной мне следующей точки, а тот либо отрицательно качает головой, либо хлопает ладонью по дерматину сиденья, приглашая занять место.

Выйдя из тук-тука, я перешел мост через Джамну и стал пробираться вдоль берега к следующему мосту.

Занятие это оказалось непростым. То и дело путь преграждали ручьи черной жижи вперемешку с мусором. Некоторые из них не удавалось перепрыгнуть, и от реки приходилось уходить, углубляясь в близлежащие поселения.

Периодически меня довольно агрессивно атаковали дети, требовавшие денег. Компании восьми-одиннадцатилетних пацанов окружали меня, хватали за руки, пытались тащить

Ред-Тадж в Агре

Чини-Ка-Рауза

в свою сторону и кричали хором «уан чоколэйт!», срываюсь в истерику. Честно говоря, впечатления от такого общения были малоприятные.

Финальным пунктом моей прогулки был парк Метаб Ба, из которого открывается отличный вид на Тадж-Махал с другого берега. Сам парк сейчас постепенно превращается в строительную площадку для нового туристического объекта – Черного Таджа.

Считается, что в этом парке прекрасно встречать рассветы и провожать закаты, любуясь прославленным мавзолеем, но оказалось, что правительство решило полностью монополизировать и монетизировать виды на Тадж-Махал, огородив все колючей проволокой и ограничив вход в сад светлыми часами суток.

Хотя какой там к черту закат при таком смоге!

Говорят, раньше Тадж-Махалом можно было полюбоваться с лодочек на Джамне, но я так ни одной и не увидел – скорее всего, правительство запретило их для укрепления монополии.

В общем, не советую ходить в Метаб Ба: смотреть внутри нечего, а Тадж-Махал прекрасно видно с соседнего поля.

Еще есть дорожка, которая ведет вдоль ограды Метаб Ба к реке. В конце дорожки стоит военный с автоматом, и в принципе ему все равно, но во время заката почему-то появляется непонятный тип в штатском, который начинает настаивать на том, что «тайм из овер». Минут двадцать я объяснял ему, что время не кончилось, Земля вертится, Тадж-Махал стоит, река течет, а я уходить отсюда не собираюсь, так как не вижу для этого причин, но он не унимался – впрочем, и поделать со мной ничего не мог. За такими шутками-прибаутками я проводил солнце (точнее, слабое его отражение на стенах мавзолея) и пошел восвояси.

Вообще, передвигаясь между туристическими точками и домом в Сайник-Вихар, я не встретил больше ни одного путешественника из Европы или Восточной Азии. Белые лица попадаются только в местах с билетами и гидами. В том же Чини-Ка-Рауза, в буквальном смысле засранном, разрушен-

ном, но оттого не теряющим своей привлекательности, – ни одного туриста.

Было забавно, когда однажды какой-то китайский или японский турист сфотографировал из окна своего туристического автобуса меня и других жителей Агры, ожидающих свой транспорт на остановке.

Свой среди чужих, чужой среди своих...

09/11/2019

Лениво текли дни перед свадебным торжеством в Агре.

Я уже излазил все ближайшие достопримечательности низенького, пыльного города, огромную часть которого занимают военные территории – а это целые районы со своими магазинами, спортзалами, бильярдными и кафе. Как-то мы с Джоем даже попытались проникнуть в одну из воинских частей – поиграть на бильярде, но у Джоя не было нормальных документов, чтобы пройти хотя бы самому. Он забыл их в Манали на севере Индии.

Иногда мы встречались с друзьями Джоя, чтобы где-нибудь «поблеять» – сербский глагол «блејати», который на сленге означает «тусить», здесь подходит как нельзя более кстати. Наши тусовки организовывались в отвратительных клоаках города, куда никогда не забредет полиция или кто-нибудь из достопочтеннейших родственников или друзей родителей и случайно не застанет участников с алкоголем в руках и сигаретой в зубах.

Купив пива, ребята выбирали какое-нибудь ужасно непривлекательное место для распития, где даже задницу, извиняюсь, было некуда приткнуть – но так здесь принято бухать среди молодежи. Традиция установилась и благодаря тому, что распитие алкогольных напитков в общественных местах (а это любое место вне дома) строго запрещено законом, так что люди садятся в круг на каком-нибудь пустыре, куда полиция вряд ли доедет, играют в карты и выпивают.

Периодически мы ходили с Джоем в местную «качалку» поработать над рельефами наших тел.

Помните в «Шантараме» упоминание похожего спортзала?

Собственно, основной момент, который там подвергся яркому и подробному описанию, – это запах пота, сопровождающий подобные заведения независимо от страны и региона. В этом зале он был будто воссоздан «парфюмером» по техническому заданию, взятыму из книги Грегори Дэвида Робертса.

* * *

Наступил день X – десятый день моего пребывания в Агре и день свадьбы, на которую я был приглашен в качестве почетного иностранного гостя.

Помимо хороших приятельских отношений, которые сложились между мной, Джоем и его друзьями, важным оказался еще один момент: присутствие иностранца на индийской свадьбе автоматически повышает уровень торжества, превращаясь в один из гвоздей программы. Для иностранца же, в свою очередь, это похоже на работу: все остальные гости хотят познакомиться, сделать селфи и услышать все то, что я уже проговорил тысячи раз (ответы на вопрос «откуда ты?» и так далее). Иностранец – «гора» – на свадьбе неминуемо становится центром внимания, конкурирующим разве что с молодоженами.

Имея хороший костюм и желание вкусно, сытно и бесплатно поесть, фактически любой «белый» может прийти на первую попавшуюся индийскую свадьбу без приглашения: главное – отследить момент, когда жениха, едущего верхом на лошади, к месту празднования сопровождает процессия с музыкантами, танцами и передвижными светящимися колоннами, которые толкают подростки лет двенадцати-четырнадцати, и просто примкнуть к этому движению. Нарядному «горе» на свадьбе все будут только рады. Понять, кто с какой стороны, при тысяче приглашенных гостей нереально. Поэтому без еды и развлечений в Индии очень сложно остаться. Некоторые даже профессионально зарабатывают «приглашенными иностранцами».

Итак, в день свадебного торжества я валялся в постели, обрабатывал фотографии, писал тексты и болтал со Свити – точнее, по большей части она пересказывала в лицах каки-

Индийская свадьба

Жених и невеста

е-нибудь диалоги с ее маленькими учениками, которых она забавно называет «студенты». Оказывается, я пользуюсь у них большой популярностью. По ее словам, мальчишки хотят, когда вырастут, быть такими, как я: носить такую же бороду, ходить моей походкой – мне было очень смешно и в то же время приятно это слышать, да еще и разыгранным по ролям в исполнении моей юной пассии.

Так незаметно пролетело время, спустились сумерки, и в комнату ворвался Джой с одеждой для меня, говоря, чтобы я срочно переодевался, что мы очень опаздываем. Конечно же, позвонить и предупредить заранее о планах было выше его сил.

Я переоделся, мы добежали до автомобиля, в котором на заднем сиденье уже было трое подростков, набились туда, доехали до места встречи с другим экипажем-внедорожником, пересели в него и стали прорыться через пятничные вечерние пробки, которые то и дело усиливались свадебными кортежами – я насчитал четыре или пять таких шествий по пути до места.

Иногда мы сворачивали в какие-то настолько необустроенные дебри, что «джип» оказался довольно удачным транспортным средством для поездки на свадьбу из одной части города в другую.

Подъехав к свадебной процессии, мы выскочили из машины и тут же пустились в пляс под практически балканский, только в еще более разнозданном ритме и исполнении, аккомпанемент барабанов и разных духовых.

У входа в зал жениха буквально снимают с коня и несут на руках по уличной грязи до богато оформленной входной арки.

Внутри – территория площадью около одного гектара, которая в какой-то момент полностью заполнилась людьми. Как я уже упоминал, на торжестве присутствовали приблизительно тысяча гостей, и по словам Джоя, девяносто пять процентов пришли по приглашениям.

По обе стороны двора стояли кухни с поварами, по мере готовности выкладывавшими разнообразные вегетарианские яства. С торца, сразу же справа от входа, находился безалко-

гольный бар, что было по-своему хорошо в этой ситуации, так как снижало вероятность инцидентов, связанных со спиртным. Индийцы – люди легко возбудимые и в состоянии опьянения могут быть неуправляемы (хотя на самом деле это касается всех национальностей, да и вообще людей в своей массе).

На одной стороне площади была сцена для фотографирования с молодоженами, рядом – другая сцена для исполнителей: певцов и певиц под «минус» и небольшой танцевальной труппы.

Я гулял по свадебному залу, ел, пил, «селфился» с гостями и сам фотографировал происходящее. В какой-то момент начались танцы у сцены. Участвовали только мужчины, и движения танцующих очень напоминали всевозможные «па» из болливудских фильмов. Дискотека была очень веселой, а порою комичной, но длилась от силы час-полтора. Джой пояснил: подобное ограничение связано с тем, что индийцы могут войти в раж, потерять голову, и случится непредсказуемое – например, банальная драка, а это никому не нужно.

Музыку выключили около полуночи, и оставшиеся гости до четырех утра просто сидели группами по несколько человек и общались между собой (а кто-то и мирно спал на стульях). В одной из такой групп, в нашей компании, состоявшей из приближенных жениха, мы провели время за разговорами, хотя разговоры эти, честно говоря, были мне не так интересны.

После того, как индийцы выясняли, как меня зовут и из какой я страны, они обычно спрашивали, есть ли у меня девушка, сколько девушек у меня было, и задавали другие подобные вопросы, на которые я старался отвечать дипломатично – уклончиво, но так, чтобы ответ их обрадовал. Например, на вопрос о количестве девушек отвечал: «Я не считал». Их очень радowała такая формулировка: видимо, они представляли в этот момент легионы девиц.

Вы можете подумать, что этим интересовалась только мужская часть моих собеседников, каким было окружение Джоя – двадцатипятилетние ребята. Отнюдь нет: в какой-то момент к нам присоединилась девушка – подруга одного из приятелей, и первое, о чем она у меня спросила после «Откуда ты?» – да-

да, именно про количество моих спутниц.

Тут я уже не вытерпел и решил в ответ поинтересоваться, почему в Индии всех так волнует, сколько у меня было половых контактов, на что девушка невозмутимо ответила: «Ну, это просто способ поддержать беседу». И действительно: ведь других тем для разговоров нет!

Я не стал дожидаться окончания мероприятия и в четыре утра попросил Джоя организовать мне какой-нибудь транспорт до дома.

Кратко подытожив мои впечатления об индийской свадьбе, могу сказать, что это яркое, а главное – вкусное мероприятие. Мне сложно понять все церемонии, которые в процессе происходили с женихом и невестой – а что-то происходило постоянно, и частично я запечатлел это на фотографиях, – но было приятно, что меня пригласили в этом поучаствовать, приблизили и позволили рассмотреть и эту сторону индийской жизни, одно из главных таинств в жизни большинства людей – свадебное торжество.

10/11/2019

Памятуя о своем диком путешествии из Дели в Агру, я поехал на вокзал за день до отправления, что, впрочем, в итоге не принесло мне удачи с билетом – так и Джой в свою очередь резервировал билет за девять дней до отъезда, но впоследствии был вынужден дополнителью переплатить за место.

На вокзале я столкнулся с бессмысленнейшей бюрократией, по сравнению с которой сербская волокита – это даже не семечки.

В кассовом зале – несколько окон для индийцев и одно окно для иностранцев и еще каких-то лиц, указанных в невнятном списке, который я, к сожалению, не сфотографировал. Однако в это окно почему-то все время пытались лезть местные, совершенно не подходящие по описанию к перечисленным пунктам.

Чтобы купить билет, необходимо сначала поиграть в связиста-эквилибриста с кассиром. Объясню, в чем заключается смысл этой игры. Окошко представляет собой две маленькие

дырки в толстом оргстекле на уровне рта и уха. А дырки, в свою очередь, сделаны такими, что услышать что-либо можно, только прислонив ухо к дырке, а быть услышанным – лишь приблизив рот максимально к отверстию. Как вы понимаете, прислонить одновременно рот и ухо к двум дыркам, расположенным рядом на одной плоскости, весьма проблематично: человеческая анатомия не предполагает подобных лицевых акробатических этюдов.

В результате такого диалога теряется как минимум 20-30% всей информации. Умножаем на то, что ни один из собеседников не владеет английским в совершенстве, и получаем игру в связиста-эквилибриста.

После того как кассир выяснил, куда и когда я направляюсь, он дал мне бумажную форму для заполнения. В форме, помимо всех данных о поездке, нужно было указать еще и адрес в стране постоянного проживания – ведь это так важно знать управлению индийских железных дорог. Заплатив деньги и покончив со всеми формальностями, я получил «счастливый» билет на «слипер» и радостно направился домой.

«Слипер» («sleeper», с английского «спальный») – это тип вагона, похожий на наши плацкартные, с одной лишь разницей, что в отделении не шесть полок, а восемь.

На следующий день после свадьбы, буквально за четыре часа до отправления поезда, мне приходит смс: «Ваша резервация не подтверждена».

Я спрашиваю Свити, что это значит – Свити смотрит на билет и видит на нем четыре страшных буквы: RLWL, две последние из которых означают «Waiting List» (т.е. «список ожидания»). Это, в свою очередь, значит, что место мое не подтверждено, а в «слипере», если у тебя нет места, но есть билет, возможно, придется спать стоя, или сидя в проходе, или лежа в тамбуре. Именно такие картины я наблюдал в своем вагоне.

Свити попыталась меня успокоить, сказав, что, возможно, у проводника-кондуктора найдется для меня место, но я уже пророчил себе бессонную ночь, хотя первоначальный план был совсем другим – высаться по пути из Агры в Лакхнау на

собственной полке.

Грустный час расставания с семьей Джоя неумолимо приближался.

Я провел с этими людьми всего десять дней, а ощущение было, как будто я уезжаю из собственной семьи. Все усугублялось тем, что Джоя проводили на поезд в Махараштру – он направлялся навестить младшего брата в армии, а далее в Гоа – буквально за три часа от меня.

Мы поужинали все вместе, как обычно, вкусной домашней вегетарианской едой: мама готовила овощи, чапати или пури и иногда параты, чаще на завтрак. Ели действительно как одна семья, устроившись на полу перед телевизором, вещающим что-то на хинди. Папа иногда выхватывал что-нибудь из контекста телевещания и обращал мое внимание на это. Свити переводила, когда я не понимал сути происходящего. Я улыбался, жевал, глотал, кивал и время от времени «чихал» («ачча» – «хорошо» на хинди), нахваливая мамину стряпню, чему она всякий раз очень радовалась и с улыбкой повторяла за мной: «Ачча».

И вот мы, безуспешно скрывая эмоции, обнимаемся и прощаемся. Папа отвозит меня на мотоцикле до Маду Нагар, ловит мне «shared» тук-тук, крепко жмет руку, и я уношусь вдаль под энергичные индийские ритмы мощной саунд-системы авторикши.

Все мои мысли и чувства остались где-то там, недалеко от Деври-роуд, в доме, где живет прекрасная девушка Свити. И тогда я осознал, что обязательно вернусь в этот дом в недалеком будущем.

* * *

«Вот... Вот идет мой поезд... Вот идет мой медленный поезд» © M.Науменко

Ситуация со «слиперами» и в самом деле оказалась плачевной. Через зарешеченные окна вагонов я наблюдал полное отсутствие свободных мест. На нижних боковых полках народ сидел. Полы и тамбуры тоже были заняты. Я без какой-либо

надежды еще немного прошелся вдоль поезда в сторону локомотива и наудачу зашел в один из вагонов с маркировкой «S».

Пройдя тамбур, я остановился, не понимая, что делать дальше. Вдруг с верхней полки плацкартного купе, ближайшего к туалету, свешивается мужчина и просит меня показать билет. Я показываю – он, прочитав четыре ужасные буквы, не сообщает мне ничего нового. Проверяет через приложение статус билета – там все по-прежнему – и вполне нейтрально говорит, что места для моей резервации нет, но при этом приглашает меня вместе с рюкзаком к себе на полку.

Только представьте себе сам факт, что вы приглашаете незнакомого человека провести ночь «валетом» у себя на полке в плацкарте. Это поистине настоящий акт благотворительности.

Как мы разместились там вдвоем, еще и с вещами (полка по размерам не больше, чем в российских поездах, а возможно, даже и меньше), – это отдельный цирковой номер, повторять который опасно.

Засыпая, я медитировал на бегающих по стене тараканов, рассматривая их очень близко: в обычной жизни я бы с визгом брезгливо передавил их тапком, а то и убежал, будь такая возможность, но здесь, в под завязку набитом людьми и тараканами индийском «слипере», я понял, что лучшего места для медитаций не найти. Медитировать под шум водопада высоко в горах, где ни единой души, может каждый просветленный дурак, а попробуйте это провернуть в условиях, в которых я провел эту ночь!

Однако я все-таки умудрился поспать до самой станции назначения и был заботливо разбужен в Лакхнау другими пассажирами.

Солнце еще нежилось в перине легкой утренней дымки где-то совсем низко, окрашивая улички свежими красками, и я решил прогуляться до своего следующего «хоста» пешком, благо четыре с небольшим километра вовсе не расстояние, пусть и с пятнадцатью килограммами за плечами, что тоже не так уж много.

И вот среди нелепых новодельных построек разной этаж-

ности проявляется трехэтажный особняк с шестиметровыми потолками и уютным антикварным убранством внутри.

Меня встречает Нетрам – непальский слуга Бирена Тапара, уже немолодого (кстати, ровесника моего покойного отца) владельца части этого дворца, когда-то принадлежавшего одной большой аристократической семье Тапар.

Я попал буквально в рай в бытовом смысле. Вообще многие вещи, которые со мной случались, когда я рассматриваю их в ретроспективе, кажутся невозможными. Но они же на самом деле происходили со мной!

Например, двенадцать лет назад я выпустил на свет альбом дизайнерских иллюстраций коллективного творчества «Арт. Трогательно». Я изначально задумал весь концепт как дань любви к одной женщине, к которой и поныне питаю самые нежные чувства.

«Арт.Трогательно» – это напечатанный шелкотрафаретом на различных листах дизайнерской бумаги (бархатных, металлизированных, рельефных – в общем, всячески тактильно и визуально изощренных, а потому трогать их было не менее приятно, чем смотреть) альбом из тридцати пяти иллюстраций, выполненных разными художниками со всего мира, на темы: трогательно, чувственно, сексуально.

Два месяца прошло от зарождения идеи до презентации первого тиража в одном из московских клубов с выступлением трех музыкальных групп и анонсом по телевидению и в прессе. Оглядываясь назад, я понимаю, что это было невозможно, ведь проект был сделан на голом энтузиазме и без единого рубля в бюджете. Ко всему прочему, я тогда еще серьезно относился к жизни, не был «дауншифтером» и цирковым артистом, а работал арт-директором в офисе на полную ставку с весьма неплохим окладом и был сильно ограничен во временном ресурсе.

На самой презентации (согласно задумке, в день Святого Валентина) проводка в клубе, видимо, не выдержала накала эмоций, и подвальное помещение клуба «Подземелье» погрузилось в кромешную тьму. Сразу же были зажжены свечи, а

вокалистка электронной группы «Fabrio Lava», чье выступление было на очереди, не растерялась, вышла на сцену и под легкий, на щеточках, бит ударника (а на самом деле гитариста группы «Первый снег» – Корнея) стала исполнять а-капелла хиты одной из моих любимых банд «Portishead». Все приглашенные гости так и не поняли, что это «fuck up». Подумали, что все так и было изначально задумано: свечи, романтика, темнота – друг молодежи.

И все-таки альбом, несмотря на все сложности и немыслимые сроки создания, получился качественным и интересным: настоящее произведение современного искусства, выпущенное ограниченным тиражом – чуть больше двухсот экземпляров, себестоимостью более пятидесяти долларов за штуку.

Так и здесь, в Лакхнау, все происходящее со мной выглядело немного нереальным.

Нетрам протягивает мне чистое полотенце, показывает огромную, удобную ванную комнату, чистый душ с водонагревателем и туалет с гигиеническим душем и... туалетной бумагой!

Приняв душ, я сразу же, как обычно, постирал комплект грязного исподнего и спросил Нетрама, где можно все это высушить. «Снаружи, сэр!» – ответил Нетрам и отвел меня наверх, на огромную террасу, из которой по коридору можно было попасть в уютный, «шанти» садик.

Я развесил вещи, вернулся в свою комнату, лег в чистую постель и отрубился на несколько часов до полудня.

Сразу после пробуждения я позавтракал и коротко познакомился с Биреном Тапаром, при этом он с ходу предложил мне пива, апеллируя к тому, что стрелки часов уже перевалили за двенадцать. «Может быть, „Кровавой Мэри“?» – предложил Бирен свой любимый коктейль, увидев мои сомнения насчет пива, но я тут же согласился на первое предложение – бутылочку Kingfisher ultra lager.

Первое знакомство было кратким: Бирен спешил по своим адвокатским делам. Я не в курсе всей истории, знаю лишь, что особняк был построен его дедом в начале двадцатого века и переходил по наследству через поколения уже частями, так

как семьи в Индии немаленькие. Бирену досталась весьма внушительная доля, однако я совершенно не представляю, кому и какие доли достались еще. Знаю, что по соседству живет его сестра, с которой у него не очень хорошие отношения, о чем он меня предупредил, а также знаю, что он сейчас занимается какими-то судебными процессами в отношении своего имущества – именно по этому поводу ему нужно было отлучиться.

Многочисленные перипетии и дележи привели к тому, что дом, к сожалению, ужасно обезобразили всевозможными надстройками, дополнительными лестницами, перегородками и прочими знаками размежевания. Если отбросить все эти реновации, особняк выглядит весьма внушительно.

Два этажа по шесть метров увешаны репродукциями и оригиналами картин и эстампов. Сам Бирен также очень неплохо рисует, и среди работ присутствуют и его картины. Верхний уровень стен украшают головы охотничьих трофеев Тапаров – деда и отца.

Масса винтажной мебели в обычной квартире выглядела бы скорее как баррикады, загромождающие пространство. Здесь же, в огромной гостиной, все смотрелось довольно гармонично. Потолки спасали ситуацию, давая дополнительный воздух в охвате перспективы. Я опять же не выяснял подробности, но думаю, что мебель была перенесена из «отвоеванных» родственниками территорий, а потому ее было слегка в избытке. По гостиной нужно было перемещаться как по лабиринту среди диванов, кресел, журнальных столиков и ламп.

Сколько же там еще было напольных, настольных и настенных часов с боем – честно, не считал, но били они очень мелодично и по-английски пунктуально.

Бирен отправил меня завтракать, а сам ушел по делам. После завтрака его водитель на мотоцикле довез меня до Резиденси, а вернулся в особняк я уже своим ходом.

Так было все четыре дня моего пребывания в Лакхнау: каждое утро – высадка на мотоцикле у какой-нибудь достопримечательности, вкусные завтраки и ужины, выпивка и разговоры по вечерам втроем с Картеком (еще один каучсерфер

Лакхнау. Бара Имамбара

Лакхнау

– давнишний друг Бирена).

Немудрено тут почувствовать себя особой, приближенной к императору, когда тебя обслуживают, кормят, поят и всячески помогают, не требуя взамен ничего, кроме общения. Да и общения, собственно, тоже не требуют – неправильное слово я подобрал: нужно быть лишь благодарным слушателем. Бирен – ярко выраженный экстраверт и очень любит общаться с людьми. С кем ему еще поговорить по душам в Лакхнау? Конечно же, с путешественниками! А отказать ему в этом просто невозможно – у него прекрасный английский, перед которым мне было стыдно за свой языковой уровень. Красивая, грамотно поставленная речь, благородные манеры – все это делало из него блестящего, исключительно интересного собеседника.

Благодаря стараниям Бирена Тапара у меня остались самые прекрасные впечатления от города Лакхнау, а это, как он сам сказал, одна из его миссий на couchsurfing. Да я и сам придерживаюсь такой же цели, принимая гостей в Белграде и раскрывая город с любимых сторон.

После Дели и Агры Лакхнау оказался очень симпатичным и даже уютным городом. При его небольших масштабах здесь есть одна линия метро, которой я, впрочем, пользовался очень редко, так как все время передвигался пешком, кроме утренней выброски на мотоцикле до достопримечательностей, которую любезно организовал для меня мой «хост».

Здесь перемешано очень много архитектурных стилей, уходящих корнями в старину, непосредственно в жилом и административном секторе, чего не наблюдалось в Дели. Про Агру я вообще молчу, так как ее застройка, по сути, сельского типа – в основном это одноэтажные домики.

Но и в Лакхнау очень много красивых зданий за высокими заборами, и проникнуть туда законно нет никакой возможности, что весьма печально.

При всей внешней привлекательности город не является туристическим – белого человека встретить практически невозможно даже в местах обязательной культурной програм-

мы, что сказывается на количестве просьб сделать совместное селфи. За этим индийцы во время прогулки ко мне уже практически выстраивались в очередь, и в какой-то момент я стал отвечать: «Нет, я устал от этого», – или даже шутливо, но не без доли серьезности: «Сто рупий!»

Как-то во время очередной прогулки по городу недалеко от старейшего района Chowk я заметил высокую башню с резервуаром воды, каких в Индии тьма-тьмущая в каждом городе. Калитка, преграждающая путь на лестницу, была открыта, и я незамедлительно устремился наверх, сделав вид, что я – невидимка.

Вдоволь пофотографировав с высоты, я отдохнул под непрерывные звуки пульсирующего города в тени вентиляционной башенки на самом верху. Бесконечные гудки, звонки и свистки сливались в мелодию урбанистического вальса, под который крохотные машинки, двухколесный транспорт – юркие скутеры и велосипеды – и люди танцевали где-то там внизу. Никто меня не замечал: человеческие существа редко смотрят вверх, особенно в мегаполисах.

Именно это я ищу в любом городе, и именно этого никогда не покажет вам ни один гид, – нетуристические смотровые площадки.

Честно говоря, для меня было удивительным, что подобный стратегический объект оказался не то что не под охраной, а вообще с открытым доступом. Примечательно, что подобная ситуация с водными резервуарами повторялась раз от разу и в других городах – не только в Лакхнау. Везде можно было беспрепятственно подняться на крышу резервуара.

Я провел в Лакхнау четыре насыщенных дня. Карtek помог мне купить уже подтвержденный без каких-либо списков ожидания билет на «слипер» до Варанаси, и я вновь отправился в путь.

14/11/2019

Прибытие на поезде – и первый день в городе начинается почти стандартно: прогулка от железнодорожной станции до хостела в компании оранжевого солнца, слегка колышущего-

ся сквозь дымку на восходе, горячий масала-чай за десять рупий в придорожной чайной, заселение в хостел и отсыпание после ночи, проведенной на неудобном ложе.

Что удивительно, вдвоем «валетом» с индийцем я выспался лучше, чем один на собственной боковой полке по пути из Лакхнау. Может быть, из-за того, что в этот раз мне досталась «боковушка» и тряска из стороны в сторону толком не давала уснуть.

После непродолжительного дневного сна я отправился на прогулку по набережной Ганга, где то тут, то там дети запускали воздушных змеев. Это их излюбленное развлечение здесь, в Индии: дешево, но увлекательно.

Ганг в Варанаси – это уже совсем другая река, нежели в Ришикеше. Здесь, на равнине, она мутна и спокойно выворачивает свои илистые телеса на каменные ступенчатые набережные (гхаты) города.

Варанаси – священный город. Как же много о нем было увидено и услышано до путешествия! Говорят, что если покойника сожгут здесь, то его душа выйдет из колеса сансары – бесконечного круга перерождений. По этой причине сюда съезжаются люди со всей страны, чтобы умереть. Об этом есть очень колоритный и интересный короткометражный фильм на «ютубе» – «Мумбаи-Варанаси экспресс» Аарти Чхабрия.

Мне попадались на пути немощные старики, лежащие на ступеньках гхатов, – души, которые смирились со своей участью и приняли смерть еще задолго до ее прихода.

Пройдя еще немного вперед, я увидел первое место кремации – Харишчандра. Всего в Варанаси обнаружилось два таких крематория.

Само собой, я не смог удержаться и не сделать несколько кадров происходящего. Фотографировать здесь категорически запрещено, хотя и непонятно, как это можно запретить фотографам с «телефонами», ведь они могут незаметно щелкать с большого расстояния – например, с лодки, отплыв немного от берега.

Зрелище кремации – не для слабонервных.

Очень странные и сильные ощущения, когда смотришь на

Аарти в Варанаси

Кремация в Варанаси

церемонию и процесс превращения человеческого тела в пепел. До сих пор не знаю, как выразить все это через кириллические узоры. Но само по себе присутствие там, в этом месте и моменте, помогает наладить диалог со смертью – очень важный в жизни каждого.

Впечатления усиливаются витающим в воздухе запахом горящей человеческой плоти, обильно присыпанной специями, которые не могут помешать уловить основной аромат, а скорее даже подчеркивают его. Впрочем, существует и другое, противоположное мнение, что из-за специй запах совсем не ощущается, но свойнюх мне не удалось обмануть, и я понимал: то, что совсем еще недавно было человеком, думающим и чувствующим, теперь проникает в мои легкие вместе с дымом. А что с душой? Рассеиваясь, покидает тело? Информационно-мистические поля нескольких десятков людей прямо сейчас метались в поисках выхода. А дальше? Почему бы дальше не оставаться здесь? Разве не интересно прожить жизнь еще раз, пусть в теле змеи, собаки или вороны, даже и насекомого? Непонятно. Если душа находится в неком «колесе» и уже приспособлена жить в этих условиях, то зачем ее выводить из этого круга? Если приспособлена...

Эти сложные эмоции и сопутствующие им мысли, занимающие полностью все сознание, одновременно и отталкивают, и притягивают в Варанаси. Иначе как объяснить, что я отдал шесть дней этому городу умирающих? Не могу сказать, что город был мне симпатичен, но он определенно удерживал внимание на себе.

В первый же день я почувствовал какую-то странную энергию, которая вошла в меня и, похоже, там и осталась. Я не противился этой силе, но решил, что нужно залить ее алкоголем, чтобы усмирить бунтующие чувства, принадлежащие уже словно не мне. Тут же нашелся алкогольный магазин и небольшая фляжка рома.

На второй день моего пребывания в Каши, как по-другому называют индийцы самый древний город на Земле, я бесцельно бродил по узеньким и кривым улочкам, по которым отчаянно пробирались мотоциклисты среди неимоверной

тесноты: чайных, туристов, индийцев, снующих по своим делам с тюками шелка на голове или ведрами молока в руках.

Мой импровизированный маршрут то спускался к Гангу по неровным, покрытым слоем ила ступеням, то опять поднимался в поисках интересного ракурса для съемки, периодически теряясь в лабиринтах переулков, выливающихся из узкого русла Бенгали Тола и образующих район, исторически заселенный бенгальцами.

Дойдя до Маникарники – первого по величине индуистского гхата для кремации в Варанаси, – я выбрал неприметную позицию, спрятавшись за грудой дров, и начал фотографировать.

Мои действия тут же заметил молодой садху (аскет, святой человек, отказавшийся от всего материального). Он подошел и спросил: «Зачем ты снимаешь? Вчера здесь была драка из-за этого. Одна семья подралась с кем-то из фотографов, так как они верят, что душа умершего не найдет свой путь – выход из колеса сансары, – если ее сфотографировать». Я не нашелся, что ответить, и лишь сказал, что больше не буду. А он в ответ пригласил меня: «Пойдем, я покажу тебе здесь все!» – и мы пошли.

Садху поведал мне, что каждый день здесь сжигают по двести-триста покойников. Тело сжигают в течение трех часов, однако сгорает оно не полностью – остается грудная клетка и область таза. Все это забирает река, но предварительно не-прикасаемые – люди из низших каст, – стоя по пояс в воде, промывают остатки плоти в мешках, в поисках золотых колец и зубов.

Еще садху рассказал, что на одно тело уходит от восьмидесяти до двухсот килограммов дров в зависимости от массы усопшего, что в процессе сжигания используют четыре вида дерева, из которых я запомнил только манго и сандал. Порода дерева определяется исключительно бюджетом похорон. Например, манго стоит триста пятьдесят рупий за килограмм, а сандал – самое дорогое топливо – двенадцать тысяч рупий за килограмм. Дерево для церемонии сожжения взвешивается на больших рычажных весах.

Мы прошли через нестерпимый жар костров на площади перед храмом и крематорием для высших каст. На самом деле эти костры не предназначены для людей – это ритуальный огонь Шивы. Поднялись в храм, где я с большим трудом сфотографировал алтарь, попав под мощную дымовую атаку и оттого заплакав. «Это сила Шивы – теперь она с тобой!» – улыбнулся мой провожатый Риал Махадев – именно так он представился в начале знакомства, – и мы пошли еще выше, в крематорий.

«Здесь ты можешь фотографировать все! – заметил Махадев. – Даже процесс кремации внизу, ведь тебя никто не видит». Если честно, то меня слегка поразили подобные двойные стандарты с его стороны. Значили ли его слова, что он не верит во все эти выходы из колеса сансары? Теперь уже не знаю, а тогда я не спросил его об этом и просто стал запечатлевать то, что привлекало мое внимание.

В самом крематории мы встретили корову, отдыхающую среди лежанок для тел, а также обратили внимание на уютно застеленное ложе на одном из таких мест для сжигания: кто-то устроил себе здесь ночлег, застелив все тряпками. Что ж, понимаю: прохладными зимними ночами это неплохой вариант для сна. Прогретое со всех сторон помещение и крыша над головой.

По существу, эта популяризированная и раскрученная до огромных коммерческих масштабов история с кремацией ничем не отличается от своих европейских аналогов. Неплохой бизнес, денежный оборот которого сопоставим с бюджетом свадьбы, а то и еще большими расходами.

Помимо того, что Варанаси – это святой город, это еще и город музыки. Здесь производят на свет множество музыкальных инструментов: хэнг-драмов, ситаров, флейт и всевозможных барабанов, – а также обучают игре на них.

В Варанаси много небольших мастерских одежды и ткацких фабрик. Все оборудование, которое используется в производстве, – это антиквариат из девятнадцатого века, а то и ранее. То есть изготовлены инструменты, конечно, позже, но их вид, конструкция и функционал заставляют думать иначе.

Маникарника-Гхат

Aarti

Например, здесь повсеместно используются утюги на углях – и это действительно не каприз отдельного взятого портного в погоне за аутентичностью.

Также впечатляют строительные леса из бамбука, карабкающиеся, как плющ, по стенам на десятки метров вверх.

Белье, постиранное в Ганге и разложенное для сушки прямо на ступеньках гхата, вызывает скорее удивление. Зачем тогда стирали?

Но наблюдая все это, невольно приходишь к заключению, что, если современная цивилизация с ее электрическими благами когда-нибудь падет из-за серьезных катаклизмов, индийцы будут наиболее подготовленными к новому мировому порядку.

Я посвятил Варанаси почти целую неделю, в течение которой строил дальнейшие планы, связанные с «визараном».

В качестве страны для «визарана» был выбран Непал, во многом из-за дешевизны, однако это не было решающим фактором. Я решил задержаться там на месяц и хотя бы поверхностно изучить эту местность в предгорье Гималаев: безусловно, Непал подстегивал мое любопытство путешественника и манил своими буддийскими храмами – ступами.

Выбор был сделан отчасти и вынужденно – вернее, не совсем осознанно, так как в момент покупки билета Белград-Дели я не подумал, что мой «визаран» придется ровно на первое января, а это означает и предновогоднюю суматоху с билетами, и нешуточные цены на них, если речь идет об авиа, да и не было абсолютно никакого желания первого января куда-то ехать сломя голову.

Ко всему прочему, из Непала хотелось вернуться и оказаться на юге Индии еще до нового года и встретить его с друзьями, поэтому, имея месячную непальскую визу и не будучи в полной уверенности, что электронная виза подойдет для обратного въезда по земле, я решил проехать на обратном пути без остановок три тысячи километров из Горакхпурा в Варкалу.

Но обо всем по порядку. Мой маршрут из Варанаси был

стандартным, каким его описывают сотни трип-репортов в Интернете: на поезде до Горакхпурा, потом на автобусе до Соноли, далее пешком через границу и опять на автобусе до Покхары.

Этот путь из Варанаси длиною в шестьсот километров занял двадцать два часа и в сумме стоил около тысячи рупий за все этапы. За сутки я проехал на тук-туке, поезде, такси в индийском стиле, когда в один небольшой седан укомплектовывается семь человек, на велорикше и местном автобусе уже непосредственно до Покхары.

Индийский «визаран» – бессмысленный и беспощадный. Чтобы просто получить штампы в паспорта на индийской стороне, потребовалось ждать полтора часа!

Там же я получил урок, которым сейчас делаюсь с вами.

Путешествуя, обязательно имейте при себе запас новеньких купюр обеих мировых конвертируемых валют – как евро, так и долларов.

За годы жизни в Сербии я привык к владычеству евро в регионе: все-таки Европа, – а потому взял только такие деньги в полной уверенности, что их примут в качестве оплаты за непальскую визу, но не тут-то было!

На границе пришлось приобрести пятьдесят долларов США (стоимость месячной визы) по цене в шестьдесят евро, а испанской девушки Марте, с которой мы вместе проехали путь от Горакхпурा до автобусной остановки Бхайрахава уже в Непале, пришлось менять якобы старые доллары (хотя я сам лично видел, что это были прекрасные купюры) на более новые – хрустящие, так сказать.

Автобус из Бхайрахавы до Покхары вез меня около семи часов, и это была настоящая мука.

Тринадцатое место, предпоследний ряд, спинки сидений не регулируются – они просто отвали назад, и даже если пассажир на них не откидывается, спинка впереди стоящего кресла все равно заваливается на тебя. Сам автобус при этом периодически подпрыгивает так, что попа отрывается от сиденья сантиметров на тридцать.

Что творится за окном в этот момент, совершенно неизвест-

но: тьма кромешная вперемешку с пылью.

Автобус доехал до Покхары затемно, около трех утра, и я дошел по навигатору до своего хостела примерно в четыре часа, когда все еще спали.

Что сразу же бросилось в глаза в Покхаре, так это наличие тротуаров практически везде на моем пути и в целом относительная чистота на улицах.

Благо входная калитка была закрыта только на щеколду, я вошел внутрь и расположился прямо на полу «ресепшна» до появления первых работников, расстелив кресельные подушки. Рядом с входной дверью, конечно же, находился звонок, но никто не был виноват в моем столь раннем визите, о котором я к тому же не предупреждал, и было решено не будить ни персонал, ни постояльцев.

Следующие несколько дней в Покхаре прошли в вялом прогулочном режиме, в укреплении здоровья и искоренении простуды, подхваченной в последний день в Варанаси.

С крыши моего хостела открывался замечательный вид на озеро Пхева и окружающие его плотным кольцом горы. Вечерами я сидел там, попивая дорогущее непальское пиво и заедая его жареными мо-мо с буйволятиной (практически полный аналог наших пельменей, за исключением экзотического мяса), там же занимался путевой писаниной, постепенно обрастающей подробностями. Иногда приходилось – впрочем, не без удовольствия – отвлекаться на дружеские интернациональные игры на бильярде: в чиллауте располагался весьма неплохой стол для пула. Вообще атмосфера хостелов – это что-то особенное. Там собираются удивительные путешественники (например, Мариус, парнишка из Румынии, передвигался по региону исключительно пешком) и исключительно интересные люди из разных уголков света. И если каучсерфинг – это полное погружение в культуру и быт страны, в которой сейчас находишься, то хостелы – это буквально возможность расширить границы своего сознания и найти новых друзей по всему миру.

В это же время активно шла подготовка к самостоятельному треку на вершину Панчасе: я прорабатывал маршрут, за-

купал продукты и оборудование (если точнее, газовый баллон), подыскивал кое-что из теплой одежды, так как ночи в горах в конце ноября – начале декабря уже были холодными.

Конечно, по маршруту моего похода намечались «гест-хаусы», но в моих планах было попробовать провести хотя бы одну ночь в гамаке у костра.

Кстати, легкий гамак типа Quechua очень советую брать с собой в такие путешествия. Помимо основной своей функции, он может использоваться как простыня, если вы брезгуете местным бельем, и как занавеска в хостеле, чтобы отгородить себе личное пространство – при этом веревки от него, натянутые между стоек двухэтажной кровати, прекрасно служат для сушки белья.

26/11/2019

Несмотря на то, что был уже конец ноября, каждое утро встречало туманной влажностью и затянутым облаками небом. Мне оставалось только сидеть и ждать у моря (а точнее, озера) погоды. Идти в горы с такими метеоусловиями было просто бессмысленно: ни тебе видов, ни минимального комфорта – холодно и сплошная сырость.

Но на четвертый день небеса немного прояснились, и за ближайшими хребтами, хотя и в дымке, показались вершины Аннапурны и Мачапучаре.

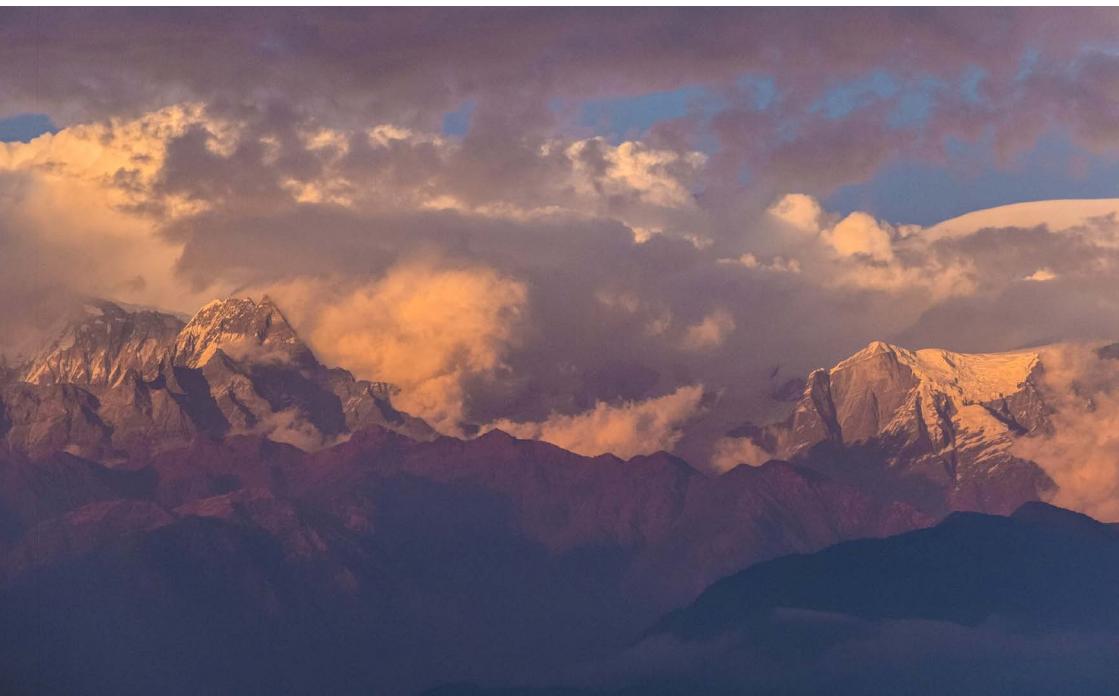
Изначально я не планировал в Непале никаких серьезных походов, так как с собой не было ни снаряжения (например, палатки), ни теплой одежды.

Вот весь список того, что у меня было в 55-литровом рюкзаке:

- гамак без москитной сетки (но и комаров в декабре уже нет – собственно, в нем я и планировал спать);
- спальный мешок +15 экстрим (то есть подходящий для ночевки летней ночью);
- газовая горелка с баллоном и металлическая кружка 0,5 л с крышкой для готовки на одного человека;
- швейцарский нож и металлическая чайная ложка;
- налобный фонарь.

Озеро Пхева

Вид с Сарангкота

Из одежды я обзавелся условным термобельем на воскресном фли-маркете (буквально –bloшиный рынок, а на самом деле место, где можно оставить свои ненужные вещи и взять что-то себе) в кафе «Umbrella». Это место мне посоветовала Аня, о которой позже я еще расскажу.

28/11/2019

Перед кольцом Аннапурны у берегов озера Пхева в непосредственной близости от Покхары находится гора Сарангкот (1590 метров), и в качестве небольшой тренировки после простуды я решил подняться на эту вершину.

Пустяковый поход на один день, и в принципе ленивым можно избежать этого подъема, воспользовавшись автобусом, идущим практически до вершины, но я бы не советовал этого делать, так как тропа красивая, интересная и вдобавок ко всему еще и несложная. К слову, спускался я уже в потьмах, ибо любовался закатом до последнего блика солнца, отраженного от снежной вершины Мачапучаре, или «рыбий хвост», как ее еще называют.

Помимо прочего, эта прогулка оказалась интересна вот чем. Примерно на середине подъема я попросил пополнить запасы воды – на хинди и по-непальски «пани» – у местных на стройке дома рядом с резервуаром, отмеченным на карте.

Местный фермер сначала хотел было продать мне бутылку минералки, но когда узнал, что я хочу обычной непальской «пани», пришел в неописуемый восторг: для него это было удивительно, как это – белый человек хочет обычной непальской воды. Почему-то большинство европейских туристов брезгуют пить из источников и водопровода и покупают воду в пластике.

После того как полулитровая пластиковая фляга из-под ракии была наполнена, добродушный непалец решил угостить меня своими «шишками», а накурившись и повеселев, позвал меня к себе домой, на небольшую ферму на склоне горы.

Гостеприимного фермера звали Кришна.

Кришна показал мне свой дом со скромным аутентичным сельским бытом – мазанными глиной элементами мебели,

как будто нарисованными иллюстратором сказок. Вход в жилище украшали козы рога, а по бокам от двери находились отпечатки ладошек. Сами домики были выкрашены в яркие цвета: оранжевый, зеленый, розовый, фиолетовый – и украшены слегка психodelическими узорами.

Жена Кришны напоила нас чаем и угостила бананами, сорванными тут же при мне с дерева. А после хозяин насыпал мне еще пакет «шишек» со своего огорода, улыбаясь солнышками карих глаз, обрамленных лучами морщин.

За такую щедрость я решил все-таки оставить небольшой «донейшн», хотя об этом изначально не шло и речи, однако Кришна попросил отдать деньги супруге. Та, в свою очередь, стала причитать, что он все пропьет, и принялась искать у мужа по карманам, не спрятал ли он чего лишнего.

Кришна очень хотел меня проводить до самой вершины, но, слава богу, жена не пустила его с этой миссией. Жестами она показала, что муж накурится где-нибудь со мной и убъется, упав с горы.

Кришна сказал, что мне можно приходить в любое время и оставаться у него на ночь, если я захочу.

Мы тепло попрощались, и я продолжил восхождение на гору, на вершине которой организована смотровая площадка, где вход для «белых», как обычно, стоит в разы дороже. Я отдал деньги как за непальца, улыбнувшись и сказав «Непали», и билетерша махнула на меня рукой и пропустила.

Это был один из удивительнейших закатов за все путешествие. Горы, ветер и облака рисовали поистине фантастические картины. В какой-то момент гора Мачапучаре предстала в виде цветка лотоса, взрывающегося розовыми лепестками воздушных масс, стекающих по всему склону в разные стороны.

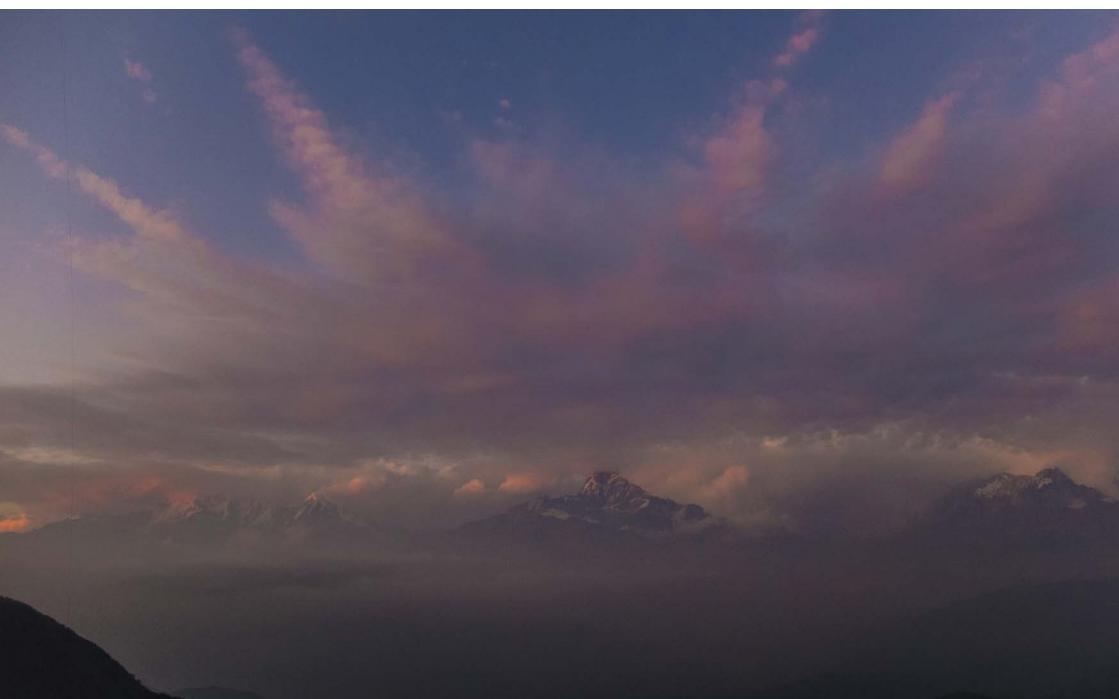
Более величественное зрелище сложно представить.

Воздух наполнился густыми сумерками, и я пустился в обратный путь по тропинке, которая мерцала исчезающими вечерними красками.

Благодаря именно таким маленьkim, уютным историям (их даже приключениями не назовешь – я имею в виду эпи-

Жилище Кришны. Кухня.

Вид с Сарангкота

зод с Кришной) я не люблю пользоваться транспортом, который, несомненно, сокращает время в пути, но лишает возможности погрузиться в местность глубже, разглядеть детали, доступ к которым не купить ни за какие деньги.

Сейчас на Сарангкоте японскими инвесторами ведется строительство канатной дороги. Как поведал Кришна, дорога будет строиться еще год. И тянется эта канатка на Аннапурну через Сарангкот – в путешествие без души, но со своими особенностями, конечно.

* * *

Рано утром, еще до рассвета, я выписался из хостела, оставил там на хранение часть вещей и ноутбук, и с телефоном в руке двинулся по маршруту Покхара – Панчес – Канде.

Поднявшись на первый холм этой гряды, я на некоторое время полностью перестал ориентироваться в пространстве, и на то было две причины. Во-первых, gps-навигаторы (особенно китайских «ноунейм»-брендов) не очень хорошо ориентируются в горах, а во-вторых, с утра была сильная облачность, что на гряде выглядело как густой туман.

Явно напрашивалась пауза для завтрака, так как у меня еще маковой росинки во рту не было, а я уже полтора часа поднимался в гору, и дальнейшее движение требовало дозаправки.

Это было очень правильное решение. Приготовив кофе (кстати, сербский «кафа и фабрика», прихваченный с собой из Белграда, но не тронутый до приезда в Непал и распакованный только в компании Ани – большой кофеманки) и перекусив печеньками с чаванпрашем и арахисовым маслом, я увидел на соседней вершине, буквально в двухстах метрах, знакомую по видам с крыши хостела буддистскую ступу, к которой я и шел, – World Peace Pagoda. Это была первая точка моего маршрута, и я бы точно ее пропустил, если бы туман не рассеялся.

Посетив храм и сориентировавшись на местности, я продолжил свой путь.

Я взобрался на смотровую башню на соседнем холме, а дальше пошел, игнорируя карту Maps.me, прямо по хребту, по

тропинке, которой нет ни на гугл-картах, ни на вышеупомянутой оффлайн-карте.

Должен вам сказать, это и есть самый настоящий трекинг, который всем настоятельно рекомендую (если у вас, конечно, есть элементарные навыки скалолазания: где-то придется подтянуться, чтобы продолжить движение). Если пойти по навигатору обычной тропой, таких пейзажей не увидать.

Тропа, по которой я шел, соединяла между собой множество небольших храмов, расположенных в самых высоких точках вдоль хребта гряды. Обычная дорога к этим храмам ведет по лестницам снизу вверх от «официальной» тропы, на которую я тоже спускался, когда дальнейшее продвижение по верху гряды становилось невозможным.

Тогда по пути мне попадались маленькие деревушки с добрешиими местными жителями, и каждый из них приветствовал меня еще издалека: «Намасте!» или «Хэллоу-Намасте!» – оставалось только улыбаться и «намастекать» в ответ.

Словно совсем малыши: как будто и не видели никогда туристов, судя по их реакции, но при этом наслышаны о таких диковинных «белых» особях по рассказам старших ребят.

Они настолько радостно тебя встречают, что начинаешь верить в Деда Мороза, причем Дед Мороз – это ты сам.

Было около четырех пополудни, когда я прошел половину пути до Панчасе. В Гималайских горах в конце ноября в четыре часа дня уже начинает ощущаться стремительное приближение заката, а потому я начал поиски места для ночлега.

Как оказалось, здесь это вообще не проблема. На моем маршруте, как уже упоминалось, было множество буддистских и индуистских храмов, рядом с которыми обязательно располагались небольшие ашрамы – убежища с крышей над головой, с очагом, а зачастую и с заготовленными дровами.

Один из таких ашрамов я и выбрал для ночлега.

Помимо удобств (да-да, неподалеку располагался настоящий туалет, хоть и с дыркой в полу), там была еще и питьевая вода в резервуарах и отличный вид на город и горы.

Один минус – у меня был экстремально легкий спальник для данных погодных условий: температура ночью падала

практически до нуля. Но все-таки я выжил и даже не простудился.

Конечно же, я мог остановиться в одном из гест-хаусов по пути, но ни один гест-хаус даже в Непале не сможет предложить вам тишины и спокойствия, которые царят на вершине холма в предгорье Гималаев. И уж точно ни один гест-хаус не предложит вам такого ясного, незасвеченного звездного неба над головой.

Я разжег костер прямо внутри ашрама. Помещение представляло собой что-то вроде остановочного павильона 2,5 на 3 метра с одной открытой стеной и очагом с импровизированной вытяжкой. Но то ли дрова были сырьё, то ли вытяжка была неправильно спроектирована – все помещение постоянно было заполнено плотным дымом от костра, хотя огонь я запалил в точности на месте кострища. В конечном итоге я плонул на затею с костром, дождался, когда прогорят последние поленья, и расстелил себе рядом с углами, предварительно обложив их камнями.

Какое-то время этот скучный источник тепла согревал меня, что позволило заснуть.

Проснувшись от холода еще задолго до рассвета, я укутался в спальник и ждал первых согревающих лучей, наблюдая, как великое светило, еще скрытое за холмами, играет гранями могущественных вершин в дымчатом, переливающемся воздухе.

Вы когда-нибудь задумывались над природой облаков, над их визуальным воплощением? Ведь не просто так все эти рисунки, не правда ли? Я думаю, что это реплики рельефа, над которым они проплывают. Облака – это своеобразное динамическое отражение земли на небе. Нам, жителям равнин, этого не понять. Наш ландшафт столь прозаичен для воздушных масс, что они уподобляются абсолютно любым образом, не обращая никакого внимания на расстилающийся внизу простор. Впрочем, ландшафт равнины до известной степени тоже определяет форму облаков, но далеко не так явно, как это делают горы.

Горные массивы, в свою очередь, образуют столь четкие

World Peace Pagoda

Храм на «треке» до Панчасе

воздушные скульптуры по образу и подобию своему, что их потом нетрудно угадать за десятки, а может, и сотни километров в виде облачных слепков, снесенных, будто украденных ловкими и сильными руками ветров, своеобразных природных скульпторов.

Так, блуждая среди облаков, уже ближе к полудню я вошел в какую-то деревушку, где, как всегда, меня поприветствовали местные жители – точнее, жительницы. После непродолжительного вступительного разговора непалки пригласили меня пить чай в свое жилище. Вся семья теперь со мной на фото, да что уж там – теперь и с вами. Очень приветливые люди и, как мне показалось, еще и любознательные. Наобщавшись и напившись чаю, я продолжил путь: в планах было дойти до вершины и заночевать уже сегодня на высшей точке горы Панчасе.

Тропинка местами представляла собой лестницу, которая, однако, периодически куда-то исчезала, а вернее, плавно перетекала в коровьи тропы. Это порой затрудняло ориентирование и накидывало лишние километры к пройденному пути, так как тупик такой дорожки обнаруживаешь, только дойдя до самого конца. Тупик означает, что корова, проложившая тропу, уже наелась, дальше идти не может и возвращается обратно тем же путем. Приходилось возвращаться и мне – не пробираться же дальше через колючие джунгли без мачете.

На всем пути я повстречали только рабочих, строивших эту лестницу. Несмотря на их небольшой рост, это люди-титаны. Просто немыслимо, какую работу они проделали, прокладывая эту дорогу.

Я дошел до деревушки Bhanjyang у подножья вершины, пожинал лапшой быстрого приготовления и выпил чаю, наслаждаясь закатом. Здесь, в Гималаях, я любовался, как это ни странно звучит, не падающим или выныривающим солнцем, а его отражением в снежных макушках крыши мира.

Последний бросок на вершину я начал уже практически в темноте. Это был изматывающий подъем после целого дня пути, хотя сам по себе он не был сложным. Я нашел для гамака прекрасное место с замечательным видом, заварил горяче-

Вид с Панчасе на Гималаи

Аннапурна

Непальская семья

Утро на вершине Панчасе

го «дянь хуна» (тоже, кстати, чай-путешественник, пересекший в багаже не одну границу) и приготовился к очередной битве с ночным холодом.

Меня ожидало настоящее испытание, потому что спать в гамаке на вершине горы в Гималаях первого декабря без соответствующей одежды, снаряжения и в легком спальнике – удовольствие для сильных духом или как минимум не для мерзлявых. Медитация помогает успокоить тело, избавляя от дрожи, и ненадолго погружает в сон, но в какой-то момент мороз пронизывает все слои одежды, заставляя снова дрожать, и ты просыпаешься, как от будильника на вибрации, с одной мыслью: «Поскорее бы уже вышло солнце!»

Так, полубодрствуя, полуспя, я «добрался» до утра. Зато после холодной ночи последовал удивительной красоты рассвет – чистый, раскрывающий всю красоту заснеженных вершин: Дхаулагири, Аннапурны, Мачапучаре, Манаслу и Хималчули.

Я покачивался в гамаке, пил горячий чай и мечтал, представляя себе, как спускаюсь по одному из этих огромных снежных полей на сноуборде, просчитывал свою траекторию, выбирал интересные траверсы – и за этим занятием на какое-то время заснул, пока на вершину не поднялись первые туристы.

Оставшаяся часть пути в Канде, где останавливается автобус до Покхары, уже не была чем-то особенно примечательна и не впечатляла расстоянием. По дороге мне попалась лишь забавная волейбольная площадка, представляющая из себя небольшое плато чуть ниже дорожного полотна, которое не имело никаких ограничителей в виде сетки-рабицы или тому подобного. Мне сразу же стало интересно, как долго игрокам приходится отыскивать мяч, если он улетит за пределы поля – ведь вниз на многие сотни метров уходила бездна.

В какой-то момент ко мне примкнул попутчик – учитель начальных классов, который каждый день проходит до своей школы семь километров в одном направлении, и откровенно говоря, я полностью понимаю и поддерживаю его в этом. Такую красивую дорогу лучше осваивать только пешком, а не в трясущемся автобусе с надписью «Deluxe», которая словно в

насмешку напоминала о музыкальной группе «Super Deluxe» и их известной песенке: «Full power 24 hour! No toilet, no shower! No toilet, no shower!»

Именно в таком автобусе я вернулся из своего трека и провел еще один день в Покхаре, чтобы мои ноги немного пришли в себя: хотя трек получился и несложный, но мышцы «перегрелись» от непривычной нагрузки.

* * *

Очередной автобус «Deluxe» за девять часов домчал меня до Катманду – всего-то двести километров. Несложный арифметический расчет показывает, что средняя скорость транспортного средства составила двадцать два километра в час, и это была не единичная ситуация, а в самом деле норма. Обыкновенно такие автобусы сзади украшают слоганы наподобие: «We make travel fun!» («Мы делаем путешествие забавным!») – и ведь это чистая правда! Чего стоит одно то, как кондуктор занимается сбором билетов и утрамбовывает пассажиров в автобус, сам при этом балансируя на нижней ступеньке на ходу, практически полностью вне автобуса, одной рукой держась за выступающую деталь, другой сжимая толстую пачку денег. Этот же кондуктор периодически залезает на крышу автобуса, чтобы снять оттуда чью-нибудь сумку или рюкзак, а потом проделывает то же самое с вещами из багажного отделения. Извлеченная оттуда поклажа покрыта сантиметровым слоем пыли.

С местным каучсерфером произошло какое-то недопонимание, и он меня не встретил. Пришлось поселиться в одном из хостелов, которые я заранее пометил на карте как запасной вариант. На следующий день я сменил место своего ночлега на совершенно новенький хостел (вернее, мини-отель, где были и полноценные номера), где оказался историческим первым посетителем.

Ночевка в кровати в восьмиместном номере обошлась мне в двести пятнадцать непальских рупий, что в Белграде равно цене одной – причем не «гурманской», а обыкновенной – плескавицы (это такая огромная котлета в булке с салатами).

Катманду. Патан Дурбар

Боднатх Ступа в Катманду

При этом в комнате, кроме меня, никого не было. В хостеле вообще не было никого из жильцов, за исключением очень гостеприимных хозяев – непальской семьи, которая и держала этот мини-отель.

Катманду очень пыльный город, и виноваты в этом не люди, а стихийное бедствие – землетрясение, случившееся в Непале в 2015 году, которое разрушило множество зданий и унесло тысячи человеческих жизней.

Последствия землетрясения непальцы расхлебывают до сих пор. Разрушенные дороги, на восстановление которых просто нет денег, каждый день поднимают в воздух тонны пыли, и дышать в городе из-за этого практически невозможно.

Впрочем, по Катманду я передвигался исключительно пешком и только один раз решил воспользоваться автобусом. Сначала я пожалел о своем выборе (пешком действительно было бы быстрее), но потом оказалось, что жалел я зря, ибо автобусный парк, откуда стартовал автобус до нужной мне деревни, был неправильно обозначен на гугл-картах. Водитель провез меня поближе к месту, и уже там нашелся провожатый непосредственно до автостанции.

На «бас стэнде» я совершенно случайно встретил брата каучсерфера, к которому я направлялся – в маленькую деревушку в тридцати километрах от Катманду. Этот брат и посадил меня на автобус, выхлопотав для меня сидячее местечко прямо рядом с водителем, с прекрасным обзором через ветровое стекло.

По дороге мне даже удалось разглядеть Эверест далеко-далеко за первой грядой гор.

Уже по прибытии мальчишка лет десяти-двенадцати, мой попутчик, проводил меня непосредственно до дома каучсерфера Маду.

Таким образом мне удалось избежать поисков дома после изнурительной двухчасовой поездки (да-да, именно столько времени непальский автобус преодолевает расстояние в тридцать километров), в отличие от японца Тая – другого каучсерфера, который вместе со мной остановился у фермера Маду в его доме. Таю пришлось побегать по горам, и в поисках «бас

Катманду. Свойамбу Ступа

Катманду. Пашупатинатх

стэнда» он был не так удачлив.

В итоге мы встретились с Таэм у фермы Маду, но самого Маду, как и всей его семьи, мы не застали – они были «на террасах», то есть работали.

Я заварил чай на газовой горелке, достал печеньки с арахисовой пастой, пару батончиков «сникерс», и мы стали ждать, согреваясь «дянь хуном» и немного подкрепляясь.

Один из соседей Маду подошел к нам и, как ребенок, хотя ему было лет тридцать, стал вертеть в руках газовую горелку, на которой только что вскипела вода. Когда загадочное устройство было сложено в предмет размером с кулачок и урано в полулитровую кружку, сосед вообще выпал в осадок, решив, что перед ним черный маг или как минимум колдун.

Спустя часа полтора Маду вернулся, мы познакомились, и он показал нам свое незатейливое хозяйство.

Сейчас у Маду достаточно неплохой надежный дом из бетона и кирпича, построенный на деньги, которые были собраны с помощью краудфандинга, организованного для него одним из каучсерферов.

Дело в том, что в 2015 году Маду потерял очень много.

Во время землетрясения у него погибла дочь.

Я не стал расспрашивать Маду о подробностях этого несчастья, так как прекрасно понимал, что любые воспоминания о том страшном событии причинят ему боль, однако в красках представил, как это могло произойти.

Дети в этих местах, лишь только научатся ходить, сразу же начинают лазать, как по детской площадке, по террасам, где в зависимости от сезона растет то рис, то пшеница. Они возятся с маленькими буйволятами в грязи и соломе, в то время как мама-буйволица стоит тут же поблизости и то и дело тычет своей массивной черной мордой в обоих детенышах.

Другого выбора у непальских деревенских малышей нет – это их повседневная реальность, уйти от которой никак нельзя. Пока семилетний Сандип в школе, двухлетняя Сусана остается с мамой Сарасвати, в то время как та готовит обед. Ни о каких детских садах в деревне нет и речи.

Примерно в два пополудни Сарасвати пойдет на ферму

с обедом (вареная картошка в мундире и специи с солью – пища здесь самая что ни на есть простая): за спиной корзина с едой – чуть позже она наполнит эту корзину хворостом, – в руках маленькая Сусана.

А тропинка на ферму – это для неподготовленного человека и без землетрясения испытание, опасное для жизни. Уж поверьте мне, я эти террасы порядком излазил.

Многие участки пути идут по тесным кулуарам, по которым бегут стремительные потоки воды, местами совсем в узких расщелинах. Если путник туда свалится, то основательно застрянет, и его захлестнет вода, а скорее всего, полностью поглотит течение. Не знаю, купались ли вы когда-нибудь в водопаде средней высоты, но думаю, ощущения сопоставимы, за тем лишь исключением, что из кулуара невозможно выбраться, так как он постепенно исчезает под завалом.

Тряска длится непрерывно минуту. Ни сидеть, ни стоять в это время просто невозможно. Повезло, если в момент землетрясения вы оказались непосредственно на террасе – тогда снижается риск упасть в кулуар. В противном случае упавший, если не захлебнется водой, окажется завален всем, что неизбежно будет нанесено сверху: обломками скал, которые уже десятилетиями подтачивала вода, кусками обрушившихся зданий, что располагаются выше по склону и построены в буквальном смысле из камней, а также «из говна и палок».

Воображение рисовало страшные, апокалиптические картины происходившего в конце апреля 2015 года.

Другие злосчастия Маду, конечно же, ничто перед утратой дочери, хотя и они были существенными для семьи, ведь потеря домашнего скота для фермера – это лишение практически основного источника пропитания. В той ужасной катастрофе погибли стада буйволов и коз.

Человеческие жертвы, по официальным источникам, составили почти девять тысяч. Еще шесть тысяч пропали без вести, со слов Маду.

Страшные цифры. И это всего 7,8 балла из 12 возможных.

Мысли об этом не покидали меня весь следующий день, когда мы вместе работали, подготавливая почву для пше-

Террасы

Маленькая Сусана

ницы. Еще совсем недавно на этой земле был выращен рис, аккуратно срезан, убран и сложен в мешки. Сено от риса собрано в стога в форме хижин с конусной крышей и предназначается на корм буйволам, молоко которых мы пьем по вечерам. Кстати, оно оказалось на удивление вкусным для меня – большого нелюбителя молока. Не такое насыщенное, как коровье, не такое жирное, чуть сладковатое.

Прошу прощения, мои достопочтенные читатели, за такое резкое и, возможно, неэтичное переключение с одной темы на другую – мне хочется как можно скорее перейти от рассказа о трагедии к описанию трудовых будней фермера. Работа у него действительно неимоверно тяжелая, учитывая, что вся земля обрабатывается либо вручную, либо с использованием скота, примитивными орудиями наподобие деревянных плугов из позапрошлого века.

Мы с Таэм помогали разбрасывать по террасам компост, предварительно разложенный по угодьям кучами из корзин, словно гигантские «куличики», которые лепят дети в песочнице, – примерно по два-три «кулича» на террасу. На поверхности такая куча подсохшая, а внутри – стандартное компостное месиво, которое мы голыми руками раздербанивали на маленькие кусочки и разбрасывали, как сеятели, постепенно спускаясь по склону.

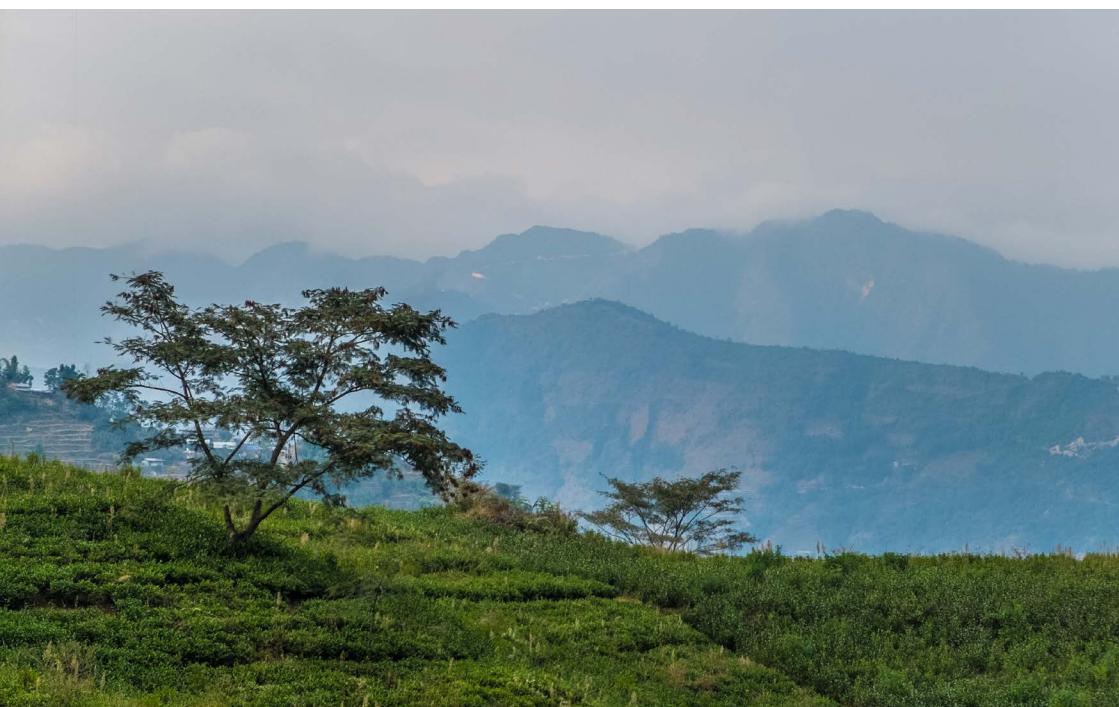
Внутри компостной массы, помимо дождевых червей, иногда попадались грибы, всевозможные насекомые: медведки, жуки, – однако, зная о печальных подробностях жизни Маду, я понимал, что глупо сейчас нежиться со своими иррациональными страхами – надо просто делать свою работу.

После того как компост распределен по террасам, все перепахивается деревянным плугом на упряжке из двух парнокопытных. Пахарь проходит по каждой террасе туда-обратно шесть-семь раз, постепенно перемещаясь сверху вниз по склону, расчерченному линиями, как по градиенту с ровным шагом. Таким образом, вся гора оказывается словно математической моделью идеально построенных функций – подлинное единение человека и природы.

Потом обновляются покрытые всевозможными травами

Фермерские будни

Чайные плантации

стенки и «брустверы» террас: всю зелень необходимо обрубить инструментом, похожим на помесь мотыги и лопаты. Этим я занимался уже на следующий день, и знаете, не смог продержаться и сделать хотя бы десятую часть того, что сделал Маду. Правда, я и не хотел перетруждать спину и натирать руки до мозолей – режим путешественника исключает подобные нагрузки, иначе будет сложно продвигаться дальше по маршруту. Но даже при таком подходе руки у меня на следующий день все-таки болели.

Так и проходили деревенские будни. Каждый день сквозь сон я слышал, как вся семья поднимается с первыми лучами солнца. Воздух в это время еще слегка морозный, а Сусана уже бегает босиком, лопоча что-то свое детско-непальское, и даже родители ее не всегда понимают. Бойкая, озорная девчушка нарезает километры между домом и хлевом-кухней по холодной земле.

Хлев-кухня – это помещение, которое раньше служило убежищем для семьи Маду, до того как построили новый, капитальный дом. Впрочем, и в новом жилище с удобствами дело обстоит традиционно по-непальски: это просто дырка в полу, рядом – ведро с водой и кувшинчик.

Сейчас во временном пристанище располагаются хлев, кухня и подобие гостиной, в которой все мы: несколько человек, козы, буйволица и буйволенок – завтракаем и ужинаем на земляном полу, расстелив циновки. В одном углу чавкают травой, в другом – картофелем, рисом и далом.

Кстати, рис мы ели постоянно, кроме завтрака (на завтрак подавалось пара чапати и полстакана чая): на обед и ужин это была наша основная пища. Конечно, в наш рацион вносили легкое разнообразие тушеные травы, картошка, дал, овощи, а вечером – молоко, но на восемьдесят процентов он состоял из риса.

За четыре дня подобное меню мне успело изрядно надоесть, однако семья Маду потребляла это все с превеликим удовольствием всю свою жизнь, каждый божий день.

После завтрака Маду отправлялся на ферму, Сандип в школу (каждый день, кроме субботы), а Сарасвати до двух часов

дня оставалась дома, следила за хозяйством и готовила обед, который в два часа пополудни несла на ферму. Корзина за спиной, в руках – маленькая Сусана. Повторяюсь... Как постоянно повторяются и будни фермеров. В Непале нет такой зимы, как в России, когда «крестьянин торжествует», избавленный от повседневных полевых забот.

После обеда Сарасвати работала на террасах наравне с Маду – перемалывала мотыгой то, чем становился грунт после наших с Маду действий, а потом наполняла хворостом корзину и, как только начинало темнеть, отправлялась в обратный путь – с корзиной, полной дров, и дочуркой на руках. Как-то она доверила нести Сусану мне, и это оказалось весьма рискованным мероприятием. Тропинка местами очень скользкая и обрывистая, на что, впрочем, малышка не обращала внимания и всю дорогу играла с косичкой в моей бороде.

В один из дней вместо работы я устроил себе трекинг на вершину горы, у подножия которой располагалась деревня Маду. До самой вершины я так и не добрался, что было и не-обязательно – очень уж облачная погода выдалась в тот день, а значит, и панорама была бы совершенно неинтересной – ни одной горы Больших Гималаев не видать.

На вершине, тоже на террасах, раскинулась чайная плантация под названием «Эверест».

Очень красиво и тихо, словно медитируя, растут чайные кусты. Они как будто накапливают в себе спокойствие и уют, царящие вокруг Гималаев.

Плантацию, как я понял со слов Маду, организовали и финансировали японцы, но местные коррупционные деятели растратили все средства, и сейчас эти чайные сады находятся в полуzapущенном состоянии, а потому можно беспрепятственно прогуливаться среди чайных кустов.

* * *

Откровенно говоря, у меня не лежала душа к тому, чтобы долго находиться с семьей Маду. Сложно объяснить, но что-то выталкивало меня из этого по-своему прекрасного, самобытного места, и что-то отталкивало меня от этих по-своему

красивых и добрых людей.

Кажется, что все мысли, чувства и слова Маду и Сарасвати были пронизаны горем утраты, сколько бы они ни пытались это скрыть.

Конечно же, Сандип, а тем более Сусана, не могли ничего помнить о тех событиях, но мне показалось, что и на Сандипе, на его поведении, отразилась семейная трагедия.

Впрочем, мальчишка он очень артистичный и общительный, как и его двухлетняя сестренка. Он уже пытается говорить по-английски, и у него это даже неплохо получается для его возраста и условий, в которых он растет.

Увы, к моменту, когда я упаковал рюкзак, сорванец уже убежал в школу, и мне не удалось с ним нормально попрощаться.

Я сел на автобус до Катманду, направляясь туда как в пересадочный пункт и место, где смогу в тишине и спокойствии (да-да, в том самом хостеле, где вновь заселился единственным гостем) обдумать свое дальнейшее путешествие.

Когда путешествуешь с билетом в один конец, обычно не планируешь свои перемещения заранее. Все приходит само по принципу «на ловца и зверь бежит». Так получилось и здесь: набросок окончания путешествия по Непалу нарисовался еще на границе Индия – Непал, в ожидании выездного штампа. Русско-китайская пара опытных путешественников, наоборот, ожидала въездные штампы. Парень (к сожалению, забыл его имя) поведал мне о деревне Саураха и национальном парке Читван поблизости. Туда-то я и поехал из Катманду на очередном пыльном автобусе, хотя в этот раз и повыше классом – «Super Deluxe».

Буквально за пятнадцать минут до Саурахи наш автобус попал в небольшое ДТП – мы «подбили» неудачно поворачивавший налево через всю проезжую часть легковой автомобиль. Если честно, я так и не смог разглядеть следы повреждений ни на автобусе, ни на легковушке, но как только авария случилась, за четверть часа на месте происшествия собралась толпа в человек тридцать, и все бурно обсуждали инцидент, словно событие мирового масштаба.

Дорожная полиция, надо отметить, приехала очень быстро

В деревне Саураха

Национальный парк Читван

и так же быстро все зарегистрировала, а я тем временем успел выпить чашечку непальского чая с молоком в придорожной чайной.

Добравшись до Саурахи, я долго искал свой отель, потому что его администрация по неведомой причине неправильно отметила место на карте. Поиски у вели меня в противоположном направлении, но зато подарили встречу с совершенно инопланетным носорогом, который банально жевал травку на поле возле козочек и лошадок.

Должен сказать, что не очень весело искать отель с названием «Jungle journey» в деревне, где слово «jungle» использовалось в девяноста девяти процентах всех названий. У меня не было абсолютно никакой уверенности в том, что местные посылают меня в нужном направлении.

Но пасущийся носорог стал для меня приятной паузой в долгих поисках. Это было поистине сюрреалистическое и очень яркое впечатление. Как оказалось впоследствии, оно было гораздо мощнее, нежели прогулка на каноэ по реке с аллигаторами и восьмичасовой поход с двумя гидами по Читвану.

Удачи сменились неудачей, и тот самый день – единственный за три месяца моего пребывания на Индостане, когда я решил выбраться в джунгли, ко всевозможным диким зверушкам, – оказался дождливым.

Стоило нам сойти на берег с каноэ, на котором мы приплыли по реке с крокодилами в национальный парк, как сразу пошел дождь – сначала мелкий, потом все крупнее и крупнее, и наконец все мы промокли в меру качества и правильности выбора своей одежды.

Единственным ярким впечатлением от той прогулки оказалось разведение огня под смотровой башней, в которой мы прятались от дождя и обедали, – да и оно осталось ярким только потому, что наши действия, как выяснилось позже, были нелегальны. Как только мы частично просушили свою одежду и готовы были выдвигаться дальше (к счастью, дождь к тому моменту на час-два перестал идти), гиды не только потушили костер, но и полностью очистили место преступления

от улик. Я сначала не понимал, зачем они с такой скрупулезностью ладонями собирают влажные угли и золу и бросают их подальше в мокрую траву. Гиды объяснили: разведение огня в национальном парке сурово карается законом. Если кто-то обнаружит следы костра – обязательно вычислят нарушителей, так как все экскурсии и посетители регистрируются.

Естественно, на смотровой башне прятались от дождя не только мы (я, Шива и Лакшми – именно так звали моих гидов). Там подобралась интернациональная компания: путешественники из Китая, Австралии, Нидерландов и еще нескольких стран, а также их гиды.

В парк разрешено входить только с двумя проводниками, так как там случаются нападения животных на людей. В основном это атаки на местных жителей, которые собирают травы и ягоды и нередко набредают на жилища носорогов, а те, в свою очередь, попросту защищают своих детенышей.

На той прогулке мы смогли увидеть через ветвистые заросли только несколько видов оленей, каждый раз стремительно исчезавших в чащобе леса, как только у кого-нибудь из нас под ногами хрустела ветка. Сфотографировать что-либо без «телевизора» было абсолютно нереально, да и с телевизором удалось бы заснять разве что птиц. Названия всех этих пернатых на английском не задержались в памяти, но мы увидели достаточно много редких и диковинных птиц – правда, на почтительном расстоянии. Бинокли гидов помогали рассмотреть детали, но никак не запечатлеть эту красоту.

Среди названий птиц мне запомнилось только «кинг фишер» (король-рыбак) – раньше я думал, что это только название марки индийского пива с птичкой на логотипе. Орнитолог, надо признаться, из меня никакой. И тут же на фоне слухов про какого-то голодного уханьского китайца подумалось: «Ну, с летучими мышами вроде разобрались, а вот всех ли птиц можно есть? Вдруг среди них есть ядовитые?»

Еще мы встретили пару носорогов, тоже на почтительном расстоянии, и повидали вблизи очень много носорожьего и слоновьего дерhma, которое я фотографировать не стал.

Также мы видели следы тигра и не раз могли разглядеть

с каноэ крокодилов – правда, над поверхностью воды лишь слегка виднелись черточки глаз.

На этом, пожалуй, все, и больше рассказывать не о чем – просто погулял под дождем по лесу в компании двух непальских парней.

На следующий день уже светило солнце, но лишних пятидесяти баксов на повторную прогулку у меня, к сожалению, не было, и я направился в сторону границы с Индией, в Лумбини. Это скорее деревушка, нежели городок, – место, где, по поверью, родился Будда и сделал свои первые шаги.

Лумбини, если отбросить поселковую его часть, – это большая, порядка десяти квадратных километров, зеленая территория, на которой расположено около двадцати храмов, принадлежащих разным национальным ветвям буддизма. Многие храмы находятся в процессе строительства. Любая страна может построить здесь свой буддистский храм. лично мне понравился вьетнамский, но в целом от всего этого новодела осталось легкое впечатление «диснейленда».

Еще совсем немного времени – и поезд из Горакхпурा понесет меня (надеюсь, на отдельной полке) в Коллам, что на юге Индии в штате Керала, а дальше на другом поезде я направлюсь южнее, в Варкалу.

* * *

*«Когда я допил все, что было у них меж оконных рам,
Я сел на первый subway в Тируванантапурام»* © Б.Г.

Пожалуйста, никогда не повторяйте мой опыт путешествия Лумбини-Варкала, если вы не уверены в своей психологической устойчивости. Впрочем, обо всем по порядку.

На границе при личном досмотре девушки-пограничницы нашли пакетик сахара из самолета в кармане «крышки» моего рюкзака. Обычно при обыске досматривают только это маленькое отделение, не проникая в основной объем багажа, поэтому не советую перевозить что-нибудь запрещенное в этой части поклажи. Работу свою пограничники выполняют чисто формально – им лень разбираться с содержимым всей поклажи.

На мою беду, девушки не знали, что значит слово «sugar» по-английски, и как я ни старался, так и не смог объяснить им, что находится в бумажном пакетике. Они унесли сахар на экспертизу, а вернувшись, одна из девиц стала как попало запихивать уже вскрытую упаковку обратно в рюкзак, на что я ответил спектаклем, показывая им, что это действительно сахар, – просто высыпал его на стол: «This is sugar». Зачем мне вскрытый пакетик, из которого, не дай бог, сахарные крупинки рассыплются по всему рюкзаку и станут приманкой для муравьев?

Далее на въезде в Индию все обладатели электронных виз ждали по несколько часов, пока у пограничников то ли заработает система, то ли курьер доедет до соседнего погранпоста в аэропорту и проверит наши данные. Лично я ждал три с половиной часа.

Именно там, на границе, я познакомился с парой соотечественников – Олей и Игорем, которые приехали раньше меня и ждали на час дольше. У Оли за спиной был рюкзак с парашютом, объемом больше, чем сама Оля. Игорь оказался обладателем израильского паспорта, чему я всегда очень завидую, когда вижу на погранконтrole – вот же удобно с таким путешествовать, если, конечно же, речь идет не об арабском мире (хотя для этих целей у многих держателей голубых паспортов есть про запас и красненький – то бишь российский).

Только к вечеру мы (уже общей компанией) добрались до Горакхпуря. До поезда оставалось несколько часов, а потому искать гостиницу смысла не было, и я решил переждать на вокзале рядом с помещением, где проводили время работники железной дороги. Они даже угостили меня чаем – хорошие дядьки, ничего не скажешь. Широта индийской души скрывается в простых людях, в таких банальных местах, как вокзал, и в такую незатейливую минуту, как часы ожидания утреннего поезда. К слову, пока мне с поездами везло: они ходили как кварцевые часы – без задержек.

С билетом на поезд в итоге вышла промашка – мне досталась боковая полка в «слипере», рассчитанная на двоих, на которой мы оказались втроем, так как мой сосед пригласил

на полку еще и товарища без места.

А дальше как в тумане... За окном мелькали типично воронежские пейзажи, с той лишь разницей, что вместо берез бесконечно проносились пальмы. Иногда поезд пробирался через настоящие трущобы на окраинах какого-нибудь города. Казалось, вагоны обрастили убогими хижинами и становились частью этого пространства. Неиспользованные запасные пути устилались сари, брюками и всячими платками – те сушились на солнце.

Вход в каждую хижину украшали мандалы, нарисованные детьми. Буквально один шаг со ступеньки, и можно побывать у кого-то в гостях. И опять: пальмы, пальмы, пальмы...

С восьми-девяти часов утра и до восьми вечера мимо меня проходили продавцы всевозможной еды, воды и чая, с периодичностью буквально в пять секунд – ей-богу, не вру!

Продавцы непрестанно кричали: «Пани-утер!» (вода), «Пакора!» (жареные в кляре хлеб, картошка, зеленый чили или какие-нибудь другие овощи), «Бирьяни!» (рис с курицей, яйцом или овощами), «Чай-кофе!» – люди в красных футболках (форма официальных продавцов от индийских железных дорог) периодически сталкивались между собой, а иногда шли один за другим вплотную. Например, друг за другом могли идти два торговца водой и кричать поочередно: «Пани-утер!» – так что их крики начинали напоминать эхо, некие мантры, психodelически нанизанные на бесконечные тоннели плацкартного вагона, в каждое восьмиполочное отделение которого порою набивалось до пятнадцати-двадцати совсем не тихих пассажиров.

Порой в течение дня продавцы начинали проходить реже – до трех раз в минуту. Это продолжалось недолго, после чего они начинали ходить с еще большим усердием.

Компанию продавцов разбавляли всевозможные попрошайки, которые, проходя мимо, принимались похлопывать меня, теребить за ногу или за руку, всячески привлекать внимание и объяснять, что я должен дать им денег. В какой-то момент я стал отвечать им тем же и начал пытаться отбирать у них рупии.

Очень часто попрошайки представляли из себя вполне упитанных и благообразных женщин в сари, которые подходили ко всем, что-то весело покрикивали, громко хлопали в ладони, а потом начинали тормошить конечности пассажиров и совать в лицо купюры, на что я отвечал им хлопком по задницам и попыткой вырвать из их рук деньги – зачастую немалую пачку рупий, зажатых между пальцев, словно у кондукторов в местных автобусах. После такого женщины, естественно, быстро от меня убегали, охая и ахая. Изначально их попрошайничество напоминало часть какого-то свадебного ритуала, и кто-то из индийцев, на удивление, давал им деньги.

Когда мы проснулись после первой ночи, которую провели втроем на полке – соответственно, высаться толком не удалось, – выяснилось, что поезд идет с опозданием в двенадцать часов. Двенадцать!

Честно говоря, мне повезло, что я вообще смог вырваться на юг, так как в тот момент по всей Индии шли забастовки и даже бунты, особенно в северных штатах. Я слышал о драках и погромах. В бунтующих областях отключали Интернет и прекращали транспортное сообщение.

Опоздание, скорее всего, было связано именно с этими событиями – многие рейсы отменялись, и это повлияло на общую логистику.

Очень смешно на фоне общей ситуации смотрелся слоган компании «Индийские железные дороги»: «Быстро. Надежно. Безопасно».

В последние сутки пути – кажется, в районе Ченнаи – в мой вагон заселилась орава шиваитов, от мала до велика в черных одеждах и с горящими глазами. Они умудрялись принимать душ прямо в поезде, что как будто подчеркивало их чистоту, но при этом ели, как настоящие свиньи. Однажды они попросились на мою полку поесть «всего на пять минут» – после все сиденья были заляпаны желтым масала-карри-маслом от бирьяни.

В следующий раз я просто отказался пустить их и показал пальцем на соседние полки.

Только в последнюю ночь, когда поезд шел уже по Керале,

мне удалось поспать, вытянув ноги, которые уже начинали болеть в области коленей, так как все время были в полусогнутом положении. Их не удавалось свесить с полки в проход – все время кто-то ходил мимо, больно ударяя по голеням ведрами с водой или баками с чаем.

Это было серьезным испытанием на прочность силы духа, которое я выдержал и даже не тронулся умом. Семьдесят два часа железнодорожного индийского ада пройдены.

Я добрался до старинных друзей в округе Тируванантапуром, в городке Варкала. После Непала здесь жарко, влажно и есть Индийский океан. К хорошему, как известно, быстро привыкаешь, а отвыкать не хочется.

Первую неделю я провел у друзей – с ними же и встретил Новый год, и это было очень сильное и приятное впечатление. В последний раз мы виделись пять лет назад, но при встрече нам показалось, что этих лет как будто бы и не было вовсе, несмотря на то что тут же в доказательство обратного бегал и ревился пятилетний Феликс – точная копия одновременно и папы, и мамы, что бывает, как мне кажется, довольно редко.

По определенным причинам перед самым Новым годом, 29 декабря, мне нужно было переехать в другое место, а потому я заблаговременно стал подыскивать себе жилище.

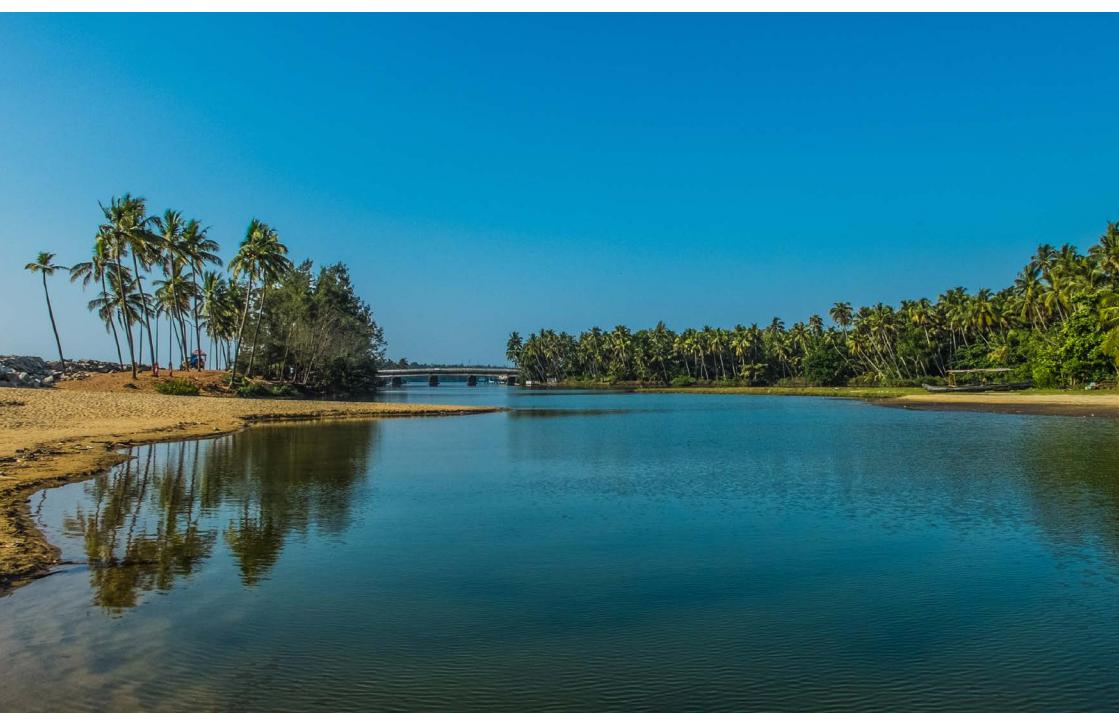
В одной из групп на фейсбуке мне подсказали название «хоум-стэя» (вид хостела или отеля, когда путешественник живет в семье за деньги, то есть нечто среднее между каучсерфингом и букингом – сервисом для поиска коммерческой недвижимости). Загуглив местоположение, я направился на поиски дома.

По указанному на гугл-карте адресу, а вернее, в обозначенной точке, ничего не оказалось, и я решил пойти в сторону Клиффа. Клифф – это прибрежный утес с пешеходной улицей, магазинчиками и ресторанами и прилегающим к отвесной стене пляжем, самое привлекательное для туристов место Варкалы – по сути, пешеходный центр города. Я стал заходить во все дома с вывесками «хоум-стэй», попадавшиеся на пути.

Зайдя в первый же дом, я встретил удивительной красоты девушку Тамеллу, с которой мы начали разговаривать на ло-

Цветок лотоса

Пляж недалеко от Варкалы

маном английском.

В какой-то момент Тамелла не знала, как сформулировать мысль, и сказала: «Я не знаю, как это сказать по-английски, могу только по-русски». «Russian?» – переспросил я. «Yes, russian, russian»... «Тогда можно перейти на русский», – предложил я, и мы оба рассмеялись.

Тамелла – наполовину русская, наполовину азербайджанка, девушка (правильнее было бы сказать «женщина», но для меня она именно девушка) со сложной, неординарной судьбой. Я не буду называть ее возраста, скажу лишь, что воспринимал ее как помещенную в тело тридцатилетней женщины душу двадцатипятилетней девчонки-задиры. Это было тем более странно, учитывая подробности ее жизни, которые она открыла мне за время гостевания в «хоум-стэе» «Ом Шива» и которые я не могу привести здесь. Опишу лишь один из интересных фактов, характеризующий ее весьма ярко.

Почти каждый день Тамелла ходила на лестницу, ведущую к пляжу с Клиффа, и с помощью мотыги и щетки приводила эту лестницу в порядок, очищая от окаменевшей глины, намытой за сезоны дождей – муссонов. Эта девочка с красивыми, скульптурно выточенными чертами лица, нежными линиями груди под футболкой, с тонкой талией и по-восточному очерченными бедрами, в дни тропической жары орудовала мотыгой, до ссадин, до синяков на теле, причем совершенно безвоздездно – просто для людей: чтобы им было лучше, чтобы никто не поскользнулся на крутых ступеньках утеса.

Весь немаленький особняк «хоум-стэя» – двухэтажный дом с огромным холлом-гостиной, растянувшимся в высоту на два этажа, обрамленный галереей по всему периметру со входами в разные комнаты, включая мою, – Тамелла отмыла и начистила до блеска собственными руками. Делала это она, во-первых, просто потому что хотела жить в чистоте, а во-вторых, ей были по-человечески очень близки хозяева этого дома.

Сначала Сутья, хозяйка «Ом Шивы», показала мне очень опрятную, чистую комнату с большой двуспальной кроватью за пятьсот рупий, что превышало мой бюджет, и я объяснил

это Сутье. Тогда она предложила мне маленькую комнатку, не столь уютную, где на стенах были разводы от влаги после сезона дождей. Впрочем, в помещении было все, что нужно: рабочий стол в виде железобетонной плиты в торце комнаты, кровать и вентилятор. Сутья добавила, что в стоимость входит чай и можно пользоваться кухней, но больше всего меня привлекла цена – двести рупий за все удовольствие.

Я оставил небольшой задаток и отправился на пляж.

По заселении мы очень сдружились с Тамеллой, и когда я стал спрашивать Сутью, сколько я должен платить за вкусные завтраки и ужины, а также за фруктово-овощные фреши и прочие приготовленные с любовью вкусности, которыми она нас потчевала в течение дня, Сутья ответила: «Ни каких проблем. Тамелла мне как сестра, а ты друг Тамеллы. Не волнуйся. Все хорошо».

Я все-таки мысленно заложил в свой бюджет лишнюю сотню рупий в день на продукты, которые Сутья покупала, чтобы приготовить еду, но когда настал день оплаты и я протянул лишние деньги – она, недоумевая, собралась было вернуть их мне обратно, мотивируя это по-прежнему нашими дружественными и чуть ли не родственными связями. И все же я настоял на том, чтобы она приняла эти деньги, поблагодарил и обнял ее, объяснив, что хочу так выразить свою благодарность за пребывание у нее в гостях.

Подобное поведение в столь туристическом месте было для меня удивительно. Вероятно, слова «гость – это бог», которые часто встречаются в профилях керальских каучсерферов, здесь, в Индии, действительно претворены в жизнь.

Варкала убаюкивала и нежно разглаживала все шероховатости моей жизни.

Давно мне не было так по-домашнему уютно и спокойно. Но целью моего путешествия было именно путешествие, постоянное перемещение из одной точки в другую, хотя я и позволял себе в пути длительные остановки, чтобы прочувствовать энергетику места, насладиться ею, а иногда просто отдохнуть от дороги и получить капельку удовольствия от созерцания «здесь и сейчас». Оставаясь в одном месте чуть дольше опре-

деленного – кем? мною же – времени, я физически ощущал необходимость в движении и срывался в дальнейший путь. Так случилось и здесь, в Варкале. Какой бы успокаивающей и уютной она ни была, моя сущность требовала странствий и смены картин перед глазами.

Представьте, три недели мы «проводили» в Варкале будто за один миг. «Представь» – это слово Тамелла использовала с регулярной частотой, и я повторил его в небольшом стихотворении, которое посвятил той волшебной женщине:

Я стою на коленях, поглощенный молитвой, – представь...
Ты идешь на оленях через тундру по небу вплавь.
Я гляжу в отражение и не знаю, где сон, где явь.
Ты – мое поражение и победа моя – представь...

Тамелла попросила не будить ее перед уходом. Рюкзак я собрал еще накануне, тогда же попрощался с друзьями и, скрепя сердце, обогреваемый первыми солнечными лучами, как всегда пешком, отправился на вокзал Варкала-Сивагири.

Следующим пунктом моего путешествия была южная точка полуострова Индостан – мыс Каньякумари, где сходятся Аравийское и Лаккадивское моря и Бенгальский залив. Это место, откуда можно наблюдать, как солнце восходит из Бенгальского залива и садится в Аравийское море.

Кроме этого зрелища, храма в Сучиндрэме, статуи Тируваллувар и монумента Вивекананды, там больше нечего и смотреть.

Часть пути от железнодорожной станции я прошел пешком, а основное расстояние преодолел с помощью автостопа, спросив дорогу до форта у случайного водителя.

Местный форт, кстати, меня совсем не впечатлил, разве что удивила несоизмеримо большая плата за вход и не соответствующее этой плате содержание: за стенами форта буквально ничего не было.

От форта до крайней южной точки мыса я прогулялся вдоль береговой линии. На пути мне попадались то рыбацкие поселения, то корабельные верфи, где раздавался стук молотков

Храм в Сучиндраме

Каньякумари. Монумент Тируваллувар

по судам, напоминающим модели Ноева ковчега. Суденышки точь-в-точь походили на хрестоматийный рисунок из детской библии, но вмещали от силы десяток пар крупного рогатого скота, что, впрочем, все равно выглядело весьма внушительно рядом с маленькими каноэ, разбросанными то тут, то там вдоль берега.

Все встречные с изумлением и любопытством провожали меня взглядом, иногда здоровались, иногда спрашивали, откуда я, но чаще именно удивлялись и немного стыдливо отводили глаза в сторону.

Собаки от души облавливали меня: их будоражил стафф для тренировок с огнем – шест из пластиковой трубы с деревянными затычками по краям, как будто я пришел по их душу. Не оказалось ни одного бодрствующего пса, который не удостоил бы меня своим вниманием. Собачья брань тут же передавалась «из уст в уста» по местности, разносясь вдаль гавкающим эхом.

Пополнив в поселке запасы еды и напитков (в Индии я пристрастился к «Маазе» – фруктовому напитку с мякотью манго, который за тридцать пять рупий продается в любой дыре), я отправился в обратный путь по берегу до места, которое предварительно еще при свете дня выбрал для ночлега. Для этого как нельзя лучше подошли густые заросли акаций за стеной парка, сооруженного вокруг маленькой статуи Свами Вивекананды, прямо у моря. Место оказалось укромным, и я заранее расчистил его от колючих веток – оставалось только повесить гамак, а это при определенной сноровке занимает не больше пяти минут.

Солнце сквозь марево одарило меня своими последними лучами, ускользая в прибое океана. Уже в темноте на пути к своему логову я встретил городского сумасшедшего с размытой радужной оболочкой и беззубым гнилым ртом, производящим нечленораздельные слова непонятного происхождения. Старик – хотя сложно было назвать реальный возраст бедолаги – отчаянно жестикулировал, преграждая мне дорогу и давая понять, что «туда» ходить нельзя, при этом подкреплял свою пантомиму выразительным жестом, «перерезая»

пальцем горло, как ножом.

Мне, в свою очередь, ничего не оставалось, как отвечать ему жестами непонимания, дублируя их голосом на английском. Поняв-таки, что его рот не способен производить знакомые мне слова, юродивый наклонился к песку и пальцем написал слово «дьявол», подкрепив написанное уже неоднократно исполненным жестом «бритвой по горлу и в колодец» и показывая в направлении, куда я шел.

Я заверил его, что за меня можно не беспокоиться, и указал на палку в моих руках. Он улыбнулся, покачал головой и вроде бы успокоился, а я продолжил свой путь до «лагеря».

Успешно добравшись до места, я натянул гамак, приготовил лапши и лег спать под ласковый шум океана.

Горло мне, конечно же, никто не перерезал, и рано утром меня вполне обыденно разбудил своими предрассветными ритуалами находящийся неподалеку храм Каньякумари Тирупати. Сам же рассвет, ради которого на берег выползло немало индийцев, не впечатлил: небо было в дымке, и солнце долго выходило будто из-за гор без какой-либо феерии, создавая впечатление студийного софтбокса.

Я вернулся в гамак, чтобы доспать несколько часов, переждал в тени акации послеполуденную жару, почтывая что-то из Кобо Абэ, а потом отправился гулять вдоль берега в сторону Аравийского моря – туда, где провожают солнце. Впрочем, закатилось оно столь же бесславно, как и вышло с утра.

После ночевки в гамаке, в том же потаенном месте, утром я сел на «Бангалор экспресс» с нужной мне остановкой в Коччи и прекрасными видами Западных Гхат вдалеке на протяжении всего пути – и вот я здесь, в одном из крупнейших городов штата Керала (его название в переводе с малаялам буквально означает «земля кокосовых орехов»), пью с местными ребятами «тодди», слабоалкогольный напиток из кокоса, по вкусу напоминающий квас. Мы сидим на заднем дворе фермы и болтаем о всяких глупостях, подбрасывая в костер пальмовые листья. Звездный мрак южной ночи затягивается дымом наших подношений. Все имеет смысл. В свое время.

* * *

Индия – поистине страна максимальных контрастов. В то время, когда миллиард индийцев сжигает пластиковый мусор у себя во дворах и готовит пищу на огне, каждый день превращая в пепел мегатонны дерева, при этом выбрасывая в воздух бесчисленные массы угарного газа и копоти, в городе Коччи функционирует первый в мире аэропорт, работающий исключительно на энергии солнца.

Шаг вперед, два назад!

В Коччи я остановился как раз неподалеку от этого аэропорта – в деревеньке Алуга. Моим новым пристанищем стала вилла с тремя спальнями, кухней, гостиной и огромным задним двором с кокосово-банановым лесом, которую хозяин (мой «хост»), инженер-техник в том самом экологически чистом аэропорту Коччи, снимает за семь тысяч рупий в месяц.

Алуга, как говорится, не ближний свет, но уж очень удачно подобралась компания из веселых индийских каучсерферов. Среди нас оказалась и российская девушка Тамара, сломавшая ногу в Дели, неудачно ступив под тяжестью рюкзака.

Каждый день мы устраивали небольшие вечеринки с пивом, а то и с чем-нибудь покрепче. Томе приходилось терпеть компанию пьяных и укуренных индийцев, а в состоянии измененного сознания они иногда и чудят – впрочем, именно эта тусовка вела себя весьма прилично.

Вдоволь наползавшись по форту Коччи и в очередной раз забравшись на водонапорную башню (как я уже писал, они в Индии почему-то обычно не охраняются, что для меня удивительно при том подходе к безопасности, который здесь выработан повсеместно), я выдвинулся в сторону Гокарны, которая считается местом рождения Шивы, с остановкой в Мурдешваре – городе, где находится огромная статуя Махадева, за восемьдесят километров от Гокарны.

Билет на поезд я не бронировал заранее, а посему решил прокатиться «дженерал»-классом (самым дешевым – тем, которым я ехал из Дели в Агру): всего-то двенадцать часов езды из Коччи до Мурдешвара.

Поезд тронулся в два тридцать пополудни – самая жара.

Форт Коччи

Форт Коччи

Перроны и вагоны раскалены, от асфальта пышет жаром, словно от раскаленной буржуйки в строительной бытовке.

Я забился в тамбур, заняв местечко между открытой дверью, стенкой и тут же устроенным умывальником, на раковину которого впоследствии и сел, причиняя при этом некоторые мучения своему мягкому месту.

Рюкзак удачно примостился на карабине практически под потолком и никому не мешал, а сам я, «укрившись» дверью, выдерживал натиск выходящих и заходящих пассажиров, штурмующих поезд на каждой станции.

Народу было очень много, буквально каждый кубический сантиметр был заполнен вещами и людьми. Так и прошли первые шесть часов пути.

Само собой, при таком раскладе в вагоны «дженерал»-класса не заходят ни продавцы еды, ни контролеры – им просто не пробиться через массу людей, – и поэтому билет до Мурдешвара я покупать не стал. Сначала у меня была мысль взять билет на «слипер» без места, где все-таки посвободнее, но онлайн такой билет было не купить – все квоты оказались исчерпаны, – а в кассах я обнаружил очередь часа на полтора, в то время как поезд отправлялся через полчаса. Потому я и решил проехаться «зайцем», а в оставшееся до отправления время подкрепиться «чикен бирьяни» (специально приготовленный рис с курицей): все-таки перед тяжелым испытанием были нужны силы.

После восьми вечера вагон стал посвободнее, а как только часовая стрелка миновала девять – можно было уже сидеть на диванах. Кто-то даже разлегся и хрюпал на верхних сидячих и багажных полках.

Последние два часа давки мне ехалось и вовсе легко: удалось занять козырное место на ступеньке входа в вагон. Входные двери в индийских поездах не закрываются во время движения – прикрывают их разве что сами пассажиры, когда очень холодно, – а потому в любой момент можно спрыгнуть с поезда или просто свеситься наружу на полном ходу.

Встречный поток воздуха на скорости врывался в мои легкие, даря уйму свежести и прохлады после дневного зноя, а

Статуя Шивы в Мурдешваре

также капельку адреналина, заставляя забыть обо всех неудобствах. Какой же это все-таки кайф – сидеть в тамбуре на ступеньке и смотреть на мелькающие мимо пейзажи на скорости восемьдесят километров в час! Надо только быть осторожным и не ставить ноги ниже первой ступеньки, так как платформы в основном построены на уровне чуть ниже нее.

Вначале я расслабился и спустил ноги до следующей ступеньки, но когда поезд ворвался, не сбавляя ходу и оглашая окрестности своим голосистым гудком, на очередную неостановочную станцию, даже легкое соприкосновение кончика сандалии с краем платформы оказалось весьма ощутимым. Я тут же переставил ноги повыше, переглянувшись с соседом по ступеньке – судя по чертам лица, непальским парнишкой. Тот, в свою очередь, после этого старался держать свои ноги вровень с полом – наверное, вспомнив какую-то страшилку из детства про поезда, – а я спрятал ступни за защитные рейлинги вдоль дверного проема.

В три часа ночи я сошел на станции Мурдешвар и пошел в сторону моря и храмового комплекса.

Добравшись до моря, я прилег в спальнике прямо на песок вздремнуть на несколько часов до рассвета, разместив рюкзак в изголовье, как подушку.

Как водится, меня разбудили крики гуляющих и купающихся поблизости индийских туристов.

Я исследовал комплекс, сделал несколько фото и отправился обратно на станцию, чтобы еще до полудня добраться до Гокарны.

Поезд пришел почти вовремя – это оказалось что-то вроде нашей электрички, то есть локальный поезд все с тем же дизельным локомотивом, но состоящий полностью из вагонов «дженерал»-класса. Однако он был практически пустым, и при желании можно было поспать часок-другой до Гокарны на верхней или даже нижней полке.

При изучении гугл-карт мне подумалось, что в Гокарне лучше всего остановиться на Райском пляже («Paradise beach»), до которого от станции было двенадцать километров. Пройти все это расстояние пешком под палящим солнцем,

испытывая себя на прочность, конечно же, казалось соблазнительным, но в какой-то момент я схитрил и сел на автобус, сократив дистанцию вдвое.

«Последняя миля» из-за глюков навигатора в горной местности затянулась и превратилась в несколько километров – получилось так, что я досконально изучил весь холм, отделявший Райский пляж от пляжа Белекан.

Уже на месте стало ясно, что мой выбор оказался более чем удачным. Меня ожидала практически утришская атмосфера.

Утриш – это заповедная территория в Краснодарском крае недалеко от Анапы. Четыре лагуны, затерянные среди скал и лесов реликтовых можжевельников, заселены хиппи, панками, скинхедами, йогами, ВДВшниками и прочими соверенно не сочетающимися в обычной жизни элементами. При входе на территорию этого мини-государства со своими порядками и законами красуется огромный бакен с граффити «Оставь одежду всяк сюда входящий!», и большинство так и поступает.

Так и здесь в тени пальм и олеандров были развешены гамаки и стояло несколько палаток. Песчаные пляжи Гокарны разрезаны острыми черными вулканическими утесами, которые отделяют от береговой линии небольшие кусочки и образуют укромные «карманы», где можно повстречать нудистов.

Минуя утесы, можно было взобраться к источнику чистой питьевой воды, а беспокоиться о еде вообще не приходилось: на пляже работала семейная походная кухня, где предлагалось за пятьдесят рупий полакомиться вкуснейшим омлетом с поджаренным хлебом, овощами и имбирем, а за семьдесят рупий – невероятным тхали с восхитительным овощным салатом (если честно, такого роскошного салата в Индии я еще не встречал: обычно салат здесь представляет собой просто крупно нарезанные овощи). Большой стакан чая – стандартные десять рупий, что тоже удивительно при полном отсутствии какой-либо конкуренции, так как пляж, по сути, дикий.

Среди работников заведения был немного чокнутый Омар, который носился с нечленораздельными криками и приветствиями («халоу!») по всей бухте, отгоняя коз и коров от им-

провизированного огорода. Иногда это действие перетекало в сцены в духе Кустурицы и изрядно забавляло зрителей.

Среди постояльцев пляжа оказалась пара из Казахстана, которая, к сожалению, на следующее утро уехала, оставив о себе очень приятные впечатления. Было также еще несколько русских ребят и черногорец Дарио, с которым я смог немного попрактиковаться в сербском. В общем, недостатка в общении на Парадайзе я не испытывал.

Примерно неделю я провел в этой райской идиллии, засыпая каждую ночь в гамаке, убаюкиваемый шумом Аравийского моря. Чистое небо, не засвеченное городскими огнями, было инкрустировано бриллиантами созвездий и планет.

Время от времени я выбирался на пешие радиальные прогулки в Гокарну. Запомнилась, например, прогулка в пещеру Шивы, где в дальнем, очень душном помещении, окуренный благовониями и не только, Баба сидел, медитируя... в телефоне.

Находиться в самой пещере долго не хотелось из-за «украшенного» воздуха, и моим следующим пунктом достопримечательностей в тот день стал храм Маликарджуна.

Я уже долго шел по жаре, когда меня со звуком рокочущего вертолета нагнал мотоциclist на «роял энфилде». Парень европейской внешности и моего возраста поинтересовался, куда я направляюсь. По акценту я понял, что общаюсь с французом, сообщил ему, что иду смотреть на индуистский храм неподалеку, показал ему карту, и байкер предложил меня подвезти.

Представьте мое удивление, когда я узнал, что его зовут Рено. Дело в том, что большую часть своей автомобильной жизни я водил именно машины марки Рено. Последний свой «рено кангу» я продал перед поездкой в Индию, но здесь это доброе французское имя вдруг продолжило оказывать мне транспортные услуги.

Рено решил сделать вместе со мной крюк в сторону храма и не пожалел об этом.

Спрятанный в джунглях комплекс оказался постройкой хотя и современной – возможно, десятилетней давности, – но

Paradise Beach

Храм Маликарджуна

очень качественной, выполненной по старинным технологиям, с филигранной резьбой по камню и дереву.

Одно для меня осталось загадкой: зачем храм спрятали так глубоко в джунглях. Посещают его, судя по всему, довольно-таки редко, так как до ближайших поселений несколько километров.

Последнюю ночь в Гокарне я провел прямо на пляже, расположившись на дне перевернутой лодки. Но количество предварительно выпитого индийского алкоголя не позволило мне адекватно оценить свое ложе, и наутро я обнаружил, что слегка измазался в собачьем деръме, которое прилипло к лодке и замаскировалось песком.

Я второпях отмыл все, что было можно, в море – к счастью, масштаб бедствий был не столь катастрофическим, однако уровень моего похмелья оказался поистине колossalным. Три бутылки крепкого пива и сто восемьдесят миллилитров рома «Олд монк» сделали свое грязное дело.

В автобусе меня спасло только то, что креветки и омлет (отлично приготовленный омлет из местного магазинчика, и прошу заметить, всего за двадцать рупий), съеденные накануне, уже переварились. Когда после литра ледяной воды, купленной на первой остановке в Маргао, меня стало тошнить от тряски прямо в окно автобуса, это отчасти напоминало льва в Петергофе, которому Самсон разрывал пасть: меня рвало практически чистой водой.

Переезд из Гокарны до Арамболя требует смены четырех автобусов (Гокарна-Маргао-Панаджи-Мапуса-Арамболь) и порядка семи часов пути в самое жаркое время дня: старт из Гокарны приходится на восемь утра. В моем состоянии все это представлялось нестерпимой пыткой, которую я уготовил сам себе. И все-таки я выжил, добрался до друзей и теперь, чистенький и вкусно пахнущий, пишу эти строки.

* * *

Первые две недели в Гоа я прожил в «Арамбольске», как его в шутку называют из-за обилия «руссо туристо». Это даже похлеще, чем Будва в августе. Я взял напрокат на целый ме-

сяц скутер «хонда нави» и катался по окрестностям, изучая образцы архитектуры северного Гоа: Мапуса, Чапора, Анджуна, Маргао и прочие городки и деревни были теперь для меня в легкой транспортной доступности.

Штат Гоа когда-то был португальской колонией, и все здесь напоминает об этом: начиная от конструкции обычных жилых домов с черепичными крышами и заканчивая архитектурой католических кирх, которых здесь, может быть, даже больше, чем индуистских храмов – мандиров.

Байк в Гоа – это необходимая составляющая комфорта. Конечно же, можно перемещаться «вторым номером» на мотоцикле друга или вообще автостопом, который там в целом неплохо развит, но свобода передвижения дорогостоящего стоит. Благодаря «навигации» я уже два раза побывал в соседнем штате Махараштра, до которого всего несколько километров от соседнего с Арамболем Керима, но тут и там – это две большие разницы, как говорят в Одессе.

Добраться в Махараштру можно через мост, а можно на бесплатном государственном паромчике с урчащим дизельным двигателем, закоптанном где-то в недрах суденышка.

В Гоа все дороже, нежели в других штатах (кроме алкоголя, который здесь продаётся на каждом шагу).

Гоа – это вообще не Индия, если уж говорить «положа сердце на руку».

Человек, который отправился в Гоа по пакетному туру и не выезжал за пределы штата, не может утверждать, что побывал в Индии. С тем же успехом, сделав пересадку с рейса на рейс в Исландии по пути в США, он мог бы сказать, что побывал в Исландии, но на самом деле это неверно.

Впрочем, данная логика касается и других стран. Например, нельзя побывать в Египте, прилетев в Шарм-эль-Шейх и не выезжая за пределы этой туристической резервации. Такое путешествие можно сравнить с длительным пребыванием в пересадочной зоне аэропорта с кафешками и duty free.

Уже традиционно в Гоа распространены flea-маркеты, плетущие свои корни с феньками еще из восьмидесятых, а то и раньше, хипповых годов двадцатого века.

В Арамболе тоже есть такой рынок. Прямо на кромке пляжа вдоль береговой линии люди раскладывают свою продукцию или предлагают услуги по массажу, мехенди и прочему дредоварению. На Сансет-маркете, как называется эта «блошка» из-за вечерних часов проведения, непосредственно на закате, большинство торгующих – опять-таки граждане стран СНГ. При этом Сансет-маркет – хипповская традиция с сорокалетним стажем, изначально он задумывался как рынок авторских хэнд-мэйд товаров для всевозможных дауншифтеров. А теперь здесь русский дух, здесь Русью пахнет, жареными пирожками, хворостом (помните эту сладость родом из детства?), соленьями и хачапури. У меня до сих пор сердце уходит в пятки, когда в памяти всплывает громогласный крик Васиша – продавца вышеупомянутых грузинских лепешек с сыром.

Русские люди заставят есть гречку кого угодно и где угодно: «Нам, русским, за границей иностранцы ни к чему», как утверждает Борис Борисович в песне, которую я уже цитировал.

Традиция усугубляется чисто отечественным подходом к процессу: за торговое место идет борьба вплоть до угроз расправы! Я сам стал свидетелем одной такой разборки.

В общем, тут весело, и компания у меня подобралась, как обычно, веселая.

Из вечеринок я пока посетил только Ecstatic dance в the Source. Это совсем не рейв, и не на ночь, а вечером, и похоже скорее на смесь дискотеки и кундалини-йоги, но мне понравилось, и все два часа, что длилось мероприятие, я танцевал без перерыва на отдых.

Также однажды здесь я присоединился к спонтанно собравшейся тусовке из двадцати человек. В ночи мы поднялись на холм посреди Арамболя, где на вершине стоит шиваистский храм, и под виртуозный аккомпанемент гитары и перкуссии пели мантры до утра.

Впрочем, безусловно, нашелся «лик» (сербское слово, обозначающее некую персону), забредший совершенно случайно на наше сорище и инициировавший то, что называется:

Сансет-маркет в «Арамбольске»

Арамболь

«Давай наше цоевское! Гаечный ключ переломлен пополам!»
(цитата из древней контркультурной газеты «Иванов»)

Подобная «фестивальная» импровизация в формате джема мне сейчас гораздо больше по душе, нежели рейвы. В таком действе определенно есть душа. За тогдашний опыт огромное спасибо Ане Шленской, благодаря которой все эти случайные (случайные ли?) люди собрались так спонтанно и волшебно.

Вообще в Индии рядом со мной всегда оказывались свои, все случалось в нужное время, в нужном месте и как нельзя лучше.

После почти двух недель в Арамболе я переехал в «Гоа Клиник» в Нижнем Мандреме.

Мои дальнейшие слова – совсем не слоган и не рекламный текст, а скорее квинтэссенция местного образа жизни.

Точно так же стиль жизни на Балканах можно описать нарицательным словом «кустурица» (термин был придуман, когда мне в Сербии довелось участвовать в организации одного фестиваля электронной музыки, что тянет если не на отдельную книгу, то как минимум на небольшую повесть).

«Гоа Клиник» – это название терапевтического кабинета в Мандреме, который занимается первичными приемами и решением вопросов со страховыми компаниями. Скажем, если бы я обратился в обычный госпиталь с полным комплектом оборудования и врачей, то мне пришлось бы оплачивать все лечение самому, а уже в Сербии, в Белграде ехать в офис страховой компании на улицу Устаничку со всеми бумагами из больницы и выпрашивать деньги, и не факт, что мне бы эти деньги выплатили. При обращении за медицинской помощью через «Гоа Клиник» не пришлось бы ничего оплачивать. Все вопросы за некий процент решаются сами по себе, и что особенно приятно – эту комиссию оплачивает страховая компания.

«Гоа Клиник» находится в здании, где, помимо самой клиники, на втором этаже, считая от нулевого, располагается интересная квартира, этакий квазисквот.

Главный жилец этих апартаментов – Дима, известный под псевдонимом Глюк.

«Пациенты Гоа Клиник»

На «Парадайз-бич» в Махараштре

Дима – это человек-вулкан, постоянно извергающий из себя мегатонны шуток, подколов и стеба, накрывая все пеплом черного юмора, до которого, впрочем, охоч и я.

Мы познакомились с ним и с Аней в Белграде. Гуляли, пили много пива – в общем, делали все то, что и полагается делать «бродягам Дхармы». Из нашей компании только Аня, кстати, не пила и не пьет, что, несомненно, достойно уважения. Все это было года за три до моего путешествия на Индостан.

С Аней мы встретились вновь как раз в Покхаре в ноябре девятнадцатого года, в первой части моего путешествия во время месячного «визарана» в Непал – я уже упоминал об этом.

Аня – настоящий пилигрим. Светлые кудри, стройная, подтянутая фигура: накачанный тяжелым рюкзаком торс и изящно подсущенная, рельефная спина. Аня путешествует в одиночку по всей Азии всеми возможными способами, включая автостоп, и обладает просто колоссальным кладезем знаний о регионе.

В частности, именно она мне поведала о гокарнских гамаках за двести рупий. После в Варкале друг уверял меня: «Машит, ну ты же понимаешь, что гамак не может стоить двести рупий!» – оказывается, может! Именно за такую цену я и приобрел гамак в Гокарне.

У Ани был такой же «навик», как у меня, но угнаться за Аней порою было очень сложно. Она выкручивала ручку газа до упора и, распевая что-то из русского рока, буквально летала по дорогам Гоа.

Как-то мы вместе поехали в Махараштру побродить по территории заброшенного завода «Шелл». Аня знала его местонахождение только приблизительно, и, добравшись до района поисков, мы начали останавливать и расспрашивать проезжавших мотоциклистов.

Сразу же нам на помощь пришел местный парнишка, который вызвался проводить нас к заводу. Сам он никогда туда не ездил, а потому ему было интересно там полазать, к тому же в компании двух белых туристов из Гоа.

Сам завод оказался огромной заброшенной территорией с

недостроенными объектами для перегонки нефти и в целом ничего интересного из себя не представлял – разве что отлично подошел бы для съемок постапокалиптического фильма.

Мы недолго побродили по нему и отправились на «пара-дайз-бич» – нередкое, как вы уже поняли, название для пляжа в Индии.

Аня жила в палатке на крыше «Гоа Клиник», но пользовалась всеми благами квартиры-сквота. В момент, когда я выписался из Арамболя, Аня выписалась из квартиры в «Гоа Клиник», и на освободившееся место в гостиной меня любезно пригласил Глюк.

Что может быть прекраснее, чем спать под мерный шум вентилятора, разгоняющего комаров? Пожалуй, только почивать на природе, в гамаке, под громкое шипение океана, а в Гоа это вовсе не проблема.

Кстати, москитов у моря в ветреную погоду обычно не бывает – их просто сдувают. Но в этот раз я все-таки выбрал толику домашнего комфорта и тахту с поролоном.

Помимо Димы и Ани, в «Гоа Клиник» в разное время жили Оля (девушка Димы), Никитос, Лена, Карен – и автор этих строк.

Если Дима – это человек-вулкан, то Никитос – это человек-ураган, летающий по Северному Гоа на своем FZ в совершенно неприемлемых состояниях. Впрочем, большинство участников дорожного движения из наших соотечественников не уступают ему в этом, что делает передвижение на байке по Гоа занятием весьма рискованным.

«На достаточно длительном промежутке времени вероятность выживания каждого из нас стремится к нулю» © Чак Паланик, «Бойцовский клуб».

* * *

В один из теплых пятничных нижнемандремских вечеров я приготовил кастрюлю оливье, и мы с Никитосом сразу же съели половину, а потом, недолго думая, рванули в Анджуну на рейв.

В Анджуне все устроено таким образом, что, если вы не лю-

битель стоять непосредственно у саунд-системы, а сторонник танцев под луной у кромки теплой воды, ласкающей босые ступни и согревающей щиколотки (ночи в Гоа в феврале порою прохладные), то можно даже не платить за вход, а скакать под музыку, предаваясь единению с океаном. Не нравится музыка на этой вечеринке – можно пойти дальше вдоль моря и выбрать себе «лайнап» по душе.

Какое-то время мы так и плясали с Никитосом на берегу, пока ему не заблагорассудилось попрыгать у колонки, причем на халяву. Мы выбрали точку, где собирались проникнуть на территорию вечеринки, продумали план – подтянувшись, залезть на террасу, – и Никитос пошел первым. Я приготовился вторым, но тут увидел, что из-за одного из соседних столиков вышел, судя по всему, охранник и пошел за Никитосом. Вскоре к охраннику присоединился второй. Я как раз хотел в этот момент забраться внутрь, воспользовавшись тем, что охрана отвлеклась на моего приятеля, но с другой стороны, что мне там без него было делать? Попытка найти Никитоса у входа не увенчалась успехом, музыка испортилась, трансформировавшись в какой-то неритмичный «дарт», и я пошел по берегу в сторону «Shiva Place» – одного из культовых трансовых мест.

Туда весь сезон можно было пройти бесплатно именно по морю, чем я и воспользовался в этот раз, бодро отплясав до самого утра.

Зачем? О, это замечательный вопрос, когда вы задаете его сами себе!

Для меня транс как жанр музыки – многофункциональный инструмент. Такую музыку можно использовать как жизненный метроном. Скажем, в экстремальных видах спорта она помогает расчленять сложные трюки на составляющие и отсчитывать время исполнения каждого элемента в привязке к тактам.

Сам же рейв – это возможность стопроцентно ощутить свое тело в связке с мозгом через погружение в транс. Конечно же, это можно сделать и без толпы людей поблизости, но во время рейва начинается самое интересное – ментальное взаимо-

Старый Гоа

И снова португальское наследие

действие с людскими массами на одной волне. Если оседлать такую волну, открывается уйма возможностей.

Пока я не могу объяснить это словами, так как изучал эту область исключительно на практике, но наверняка все это связано с физическим устройством нашей души. Есть в ней что-то, что можно и пощупать, и измерить в общем смысле.

Зависая на балконе квартиры в «Гоа Клиник», можно было наблюдать целый паноптикум из прибывающих в «нашу больничку» пациентов с разного рода проблемами и просто российских туристов-пакетников, то есть «понаехавших» буквально на одну-две недели по купленному турку и греющих свои кости на прекрасных песчаных пляжах.

Признаться, мне обычно очень неуютно находиться в местах скопления наших людей из числа «пакетников»: я начинаю испытывать постоянное чувство стыда за них и свою родину, потому что поведение этих особ порою максимально неадекватно.

Неадекватность может настичь кого угодно, но чтобы в таких масштабах...

Еще с нашего балкона в «Гоа Клиник» мы однажды наблюдали битву орлана и нескольких ворон. Зрелище было захватывающее и эффектное. Орлан пытался украсть воронье яйцо из гнезда, расположенного в основании верхушки пальмы, но вороны позвали на помощь собратьев, и те вчетвером чуть не заклевали неудачливого хищника.

С нашей просторной террасы сквозь пальмы можно было видеть кусочек моря и пляжа. Это был крайне «залипательный» балкон – Никитос не даст сорвать. И, как вы понимаете, выбираться из этого места было тяжело, а главное, не хотелось – оно держало своими балконными лапами и будто бы шептало на ухо: «Оставайся... Здесь же так хорошо... Зачем тебе рваться куда-то, в какие-то странствия... Посиди в удобном ротанговом кресле с подушками еще немного... Еще чуть-чуть...»

Словом, «Гоа Клиник» – это не просто медицинское учреждение, это местный стиль жизни, а также приватный ча-

тик в «теле» для всех сопричастных, который существует и по сей день.

22/02/2020

Имея в распоряжении байк, я, конечно же, хотел опробовать его в путешествии на более или менее значительное расстояние. Своей целью я выбрал Хампи и построил на карте траекторию в виде условного овала, чтобы посмотреть побольше достопримечательностей и не возвращаться обратно той же дорогой.

Первой точкой моего пути был Палолем в Южном Гоа, где уже не первый год останавливаются ребята, с которыми я познакомился в Непале в Покхаре.

Денис и Алена – прекрасная международная русско-украинская пара. Мы встретились в Покхаре не без помощи Ани. Она жила с ними в одном и том же «хомстэе», и мы «случайно» (тут я не могу сдержать усмешку) все вместе пересекались на общей террасе. В то время мы устроили кинотеатр на стене соседнего дома, попивая пиво на балконе, чем вызвали недовольство соседа-соотечественника, который, впрочем, предпочел выразить свои эмоции по-английски.

Обо всех подробностях поездки в Хампи обязательно напишу чуть дальше, а сейчас приведу только факты и цифры.

До Палолема из Мандрема – **99 километров**.

В Палолеме я провел два дня – уж очень мне понравился местный «Парадайз бич» – и поехал дальше в Гокарну.

Из Палолема до Гокарны – **103 километра**. Здесь я также провел два дня.

Из Гокарны до Банаваси – **108 километров**. Я осмотрел храмовый комплекс Мадхукешвара и решил в тот же день доехать до Хампи.

Из Банаваси до Хампи – **244 километра**. Итого на пятый день своего «трипа» я преодолел **554 километра**, не считая плутаний, которые, само собой, случались.

Предупрежу байкеров и автомобилистов: не выбирайте для навигации *Maps.me*. Это отличные офлайн-карты, но они нормально работают только с пешими прогулками. С боль-

шими скоростями «мэпс.ми» не справляется. Такое не страшно на дороге в чистом поле, где просто нет других вариантов траектории, но в городе это просто катастрофа. Подъезжаешь к перекрестку, и навигатор начинает крутить карту туда-сюда, так что сориентироваться после этого просто нереально. Поэтому на весь километраж, пройденный мною, можно смело накидывать десять процентов из-за шуточек электроштурмана. Возможно, виноват китайский «ноунейм» смартфон.

В Хампи и его окрестностях я провел три ночи, затем направился в Айхолу, до которой было *139 километров*, и после осмотра достопримечательностей сразу же поехал в Бадами, до которого оставалось всего *35 километров*.

В Бадами я решил не ночевать, тем более что там произошел неприятный инцидент с мартышками, о котором подробнее напишу позже. Я направился в сторону водопада Сурла, выбрав по пути точку для ночлега на берегу искусственного озера Малапрабха – до него было *85 километров*.

Утром следующего дня я выехал в Сурлу полюбоваться водопадом – это еще *128 километров* – и в тот же день около четырех часов пополудни совершил заключительный бросок до Мандрема продолжительностью *71 километр*.

Итого получилось *1012 километров*. Добавим погрешности навигатора, мои собственные ошибки в навигации, из-за которых пришлось поколесить по местности, и сумму можно смело округлить до *1100 километров*.

01/03/2020

Пляж Палолем расположен на самом юге Гоа в маленькой, пару километров в ширину, бухте, окруженной рифом и небольшим островом Каника, который чем-то напоминает остров Святого Стефана в Черногории – только Каника не освоена, хотя и обитаема. Говорят, островок находится в чьей-то собственности. Во время отливов остров превращается в полуостров, и к нему можно перейти по камням.

За «стач-даунами» – закатами, при которых солнце уходит за горизонт в стороне океана, словно падая в воду, – приходилось идти за мыс и подниматься на невысокий утес по тропинке.

Палолем

Банаваси

Алена и Денис – спокойные и рассудительные ребята, все время создают вокруг себя комфорт и уют.

Расписанные стены и всевозможные декораторские штучки в стиле бохо придают жилищу Алены и Дениса теплую, домашнюю атмосферу.

После заката и вкусного ужина, частично приготовленного (кстати, на индукционной плитке, с которой ребята путешествуют), а частично взятого навынос в «отеле» (да-да, именно так в южной части Индии почему-то называются кафе и ресторанчики), мы смотрели какой-нибудь фильм, обсуждая по ходу сюжета попутные темы.

Скажем, перед просмотром «Однажды в Голливуде» я не преминул рассказать ребятам реальную историю Романа Полански и Чарльза Мэнсона.

Мне кажется, без этой информации фильм очень сильно «сдает» в сознании неподготовленного зрителя. Тем временем Тарантино творит новый жанр в кино – «альтернативная реальность». Впрочем, наверное, это спорный момент, и фантазии на тему прошлого, в духе «если бы да кабы», уже неоднократно эксплуатировались продюсерами и ранее.

Небольшой казус случился у нас, когда ребята попросили меня нарисовать дерево на одной из стен.

Сначала Денис предоставил мне как художнику полную свободу, выдав при этом всего две краски: флюoresцентную зеленую и оранжевую.

Я начал реализацию своего замысла, но в процессе Денис строго-настрого запретил мне пользоваться оранжевой краской: она показалась ему слишком яркой. В итоге работа оказалась незаконченной, так как по задумке у изображенного мною дерева должны были расти плоды или цветы в виде мандал – трех- и четырехлистных лотосов, подобно тем, в которые заключены символы чакр.

Всего предполагалось нарисовать тонкой кисточкой девять оранжевых мандал, но Денис был категорически против столь ярких пятен на стене, чем меня немного огорчил, не дав завершить задуманное.

Подытожу: если вы решили связаться с художником – дове-

ряйте ему. Не диктуйте свое мнение. Позволительный максимум – это рекомендательные пожелания. Исключения можно делать для творческих групп, но и такие случаи должны обходиться без диктаторства.

Впрочем, я сам по жизни эгоист, а эгоист-художник – это эгоист в квадрате. Относительно собственного творчества – в кубе.

Главное, что ситуация с деревом никак не омрачила наш дальнейший совместный досуг. Надеюсь, ребят не сильно расстроит этот фрагмент моей истории.

Кажется, это было у Набокова: мол, не стоит обижать писателей – они могут вас увековечить с дурной славой. Я, конечно, не обиделся, да и Денису дурной славы не хочу ни в коей мере, а до Владимира Владимировича мне как до Уханя летучей мышью.

Честно говоря, Палолем больше ничем меня не впечатлил. Бессспорно, это тихое, уютное место как нельзя лучше подходит для консервативных влюбленных парочек или молодых родителей с маленьенькими детьми, что иногда одно и то же.

Первый участок моего пути от Мандрема до Палолема был, по сути, тренировочным броском на байке и оказался, пожалуй, самым тяжелым. Из Мандрема я выехал слишком поздно – около полудня, когда уже вовсю пекло солнце, и всю дорогу провел в шлеме, испугавшись разговоров о полиции, которая лютует в Гоа на каждом углу, «окучивая» туристов без шлемов.

Путь через Гоа, ко всему прочему, очень сильно перегружен трафиком, поэтому передвигаться приходилось очень медленно, а если дорогу еще и ремонтировали, что встречалось постоянно, поездка превращалась в невыносимую пытку пылью из-под колес автобусов и грузовиков.

Уже в поездке до Палолема я начал приобретать загар мотоциклиста – сильно запеченные локти и предплечья, лицо, голени и колени. Но какой же это непередаваемый кайф – лететь, обдуваемому горячим ветром, обгоняя всех и вся, закладывая «навик» в поворотах и прыгая на «лежачих полицейских», иногда просто забывая притормозить, а порою

намеренно подгазовывая перед прыжком.

В следующее свое путешествие по Индии я обязательно обзаведусь настоящим байком и проеду по всему маршруту на нем – это теперь моя маленькая мечта, одна из многих.

Да и в Непале это будет актуально, учитывая среднюю скорость передвижения на автобусах в тех краях.

Отгостив у ребят две ночи и учтя предыдущий опыт старта в полдень, я выехал в этот раз пораньше, около девяти утра, и направился в сторону Гокарны – уж очень мне понравилось отдыхать на тамошнем Парадайзе.

В Гокарне случилась моя первая встреча с индийской полицией. До этого мне удавалось, по совету Глюка, обезжать полицейских, когда они меня тормозили, и давать газу – погони никто не устраивал.

В тот раз меня остановили два копа, стоявшие на перекрестке. Скорее из любопытства я решил их послушаться, хотя в любой момент мог газануть и улететь в неизвестном направлении, но полицейские почему-то даже не попытались вытащить ключи из байка. Более того, найдя у меня паспорт, они тут же вернули его, не заглянув внутрь. А вот когда копы добрались до «пяточки» в целлофане и зажигалки с трубкой, то изъяли их и держали при себе, сразу приступив к выбиванию денег. Начали они с суммы в тысячу рупий.

Периодически копы отвлекались на других участников дорожного движения, давая мне возможность в любой момент уехать, оставив им трубку и «пяточку», которые сами по себе стоили семьдесят рупий. Но я почему-то решил остаться до конца и узнать, чем история закончится.

А дальше состоялся примерно следующий диалог:

– Ну, давай хотя бы пятьсот рупий, – не унимался полицейский.

– Нет, братишка. У меня перерасход, поэтому могу предложить сто рупий, – настаивал я на стандартной цене.

– Ну, что ж с тобой делать, давай, – резонно согласился коп.

Я положил купюру в шлем, и полицейский опустил туда руку, оставив взамен трубку, зажигалку и «пяточку».

Точно такой же случай произошел потом со мной ночью у

По пути в Хампи

Хампи

фонтана за Сиолимским мостом. И точно так же копы все вернули за двести рупий, пожурив и пригрозив, что если найдут в следующий раз, то возьмут пятьсот!

Содержимое моих документов при этом никого не интересовало (водительского удостоверения у меня не было – была распечатка фальшивых прав, сверстанная в фотошопе), впрочем, как и наличие шлема на моей голове, поэтому весь оставшийся маршрут я проехал без «защиты» (реальной защиты этот шлем не дает, а только весьма условно страхует от штрафов). Даже от насекомых этот головной убор не спасал: на нем отсутствовала маска.

Максимальная скорость «навика» – 70 км/ч под горку, а на ровных участках и того меньше – 65 км/ч, однако даже на этой скорости столкновение с крупными насекомыми весьма ощутимо. Единственное, что спасало глаза, – это реакция. Стремительно приближающееся к глазному яблоку насекомое очень хорошо видно, и я успевал или закрыть глаз, или увернуться.

Пару раз на полном ходу мне прилетали в плечо и переносицу какие-то насекомые размером с крупных майских жуков, и это, должен сказать, было очень неприятно, если не больно. Но езда без шлема – это был мой выбор, хотя и не буду спорить, что не совсем правильный. Впрочем, отсутствие шлема дисциплинировало меня как водителя, и я перестраховывался во всех неоднозначных ситуациях на дороге, каковых здесь, в Индии, тьма-тьмущая.

«Индийчики», как называет их Никитос, любят создавать опасные ситуации из ничего. Траектории их движения напоминают клубок спутанных нитей: люди постоянно застревают в пробках, как в узлах, но при этом очень быстро все распутывают, и поток этих нитей словно пульсирует от неподвижности до скорости 50-60 км/ч.

Полный хаос царит даже на автомагистралях. Четырехполосная дорога с разделителем может легко использоваться с обеих сторон от отбойника во всех направлениях. Понятие «встречная полоса» здесь в принципе условно, и никто не напрягается по этому поводу даже на участках с круговым дви-

жением, а вся коммуникация между участниками движения происходит при помощи звуковых сигналов.

В этот раз Парадайз-бич столкнул меня с нерадивой англичанкой, лет сорока пяти на вид, которая подражала индийским женщинам – те будто бы метут улицу перед своим домом, но на самом деле просто поднимают пыль в воздух, заставляя окружающих дышать ею.

На мое замечание по этому поводу жительница туманного Альбиона стала оголтело кричать, чтобы я не лез не в свое дело и вообще не трогал ее, так как она находится на своей территории.

Я не стал возражать, а на следующий день она, очевидно, позабыла об инциденте. С ее соседом, тоже англичанином, мы потом встретились на вечеринке в Арамболе: то была причудливая смесь рейва и гипноза – впрочем, танцевать мне понравилось и в сопровождении гипнотизерши.

Покинув Парадайз в семь утра, пока большинство гамачников и палаточников еще спали, и выехав из Гокарны около восьми, в районе полудня я добрался до Банаваси и прогулялся по местным храмам. Много времени это не отняло, поэтому я решил в этот же день доехать до Хампи, преодолев таким образом более трехсот пятидесяти двух километров среди бесконечных хлопковых и кукурузных полей и банановых рощ.

Последние пятьдесят километров пришлось проехать уже в темноте. После заката летающие насекомые становятся просто невыносимыми. Если днем они попадаются редко, то вечером летят на свет фары, и мне приходилось постоянно протирать глаза и сплевывать тщедушные тушки, застревавшие между губ (губы нужно было плотно сжимать, чтобы не наплотитьсяочных бабочек и мотыльков). Это природное явление так и называется – «мухин час», и байкеры стараются избегать поездок в позднее время.

Уже после восьми вечера я добрался до Хампи и решил не искать в темноте место для ночлега, а за триста пятьдесят рублей снять комнату в «хоум-стэе» с общим душем и туалетом «indian/nepali style».

Утром я отправился изучать окрестности и сразу понял,

что заночевать можно было практически где угодно: повсюду оказались раскиданы гектары древней «жилой площади», выстроенной из монолитных каменных блоков. Это напоминало детали гигантского доисторического лего, разбросанные среди скал, рек и кокосовых плантаций.

Масштабы древнего строительства вызывают подлинное восхищение наравне с величиной храмов в Египте, таких, как храм Карнака рядом с Луксором и храм двух фараонов под Асуаном. Карнака – Карнатака...

Если подняться на вершину одного из холмов и взглянуть на другие горы вокруг, кажется, что скопища огромных валунов и природных платформ, скалы, конструкции которых порою приобретают совершенно скульптурный и архитектурный облик, – это разрушенные храмы, построенные богами-титанами когда-то давным-давно, еще до всех известных нам цивилизаций.

Вдоволь нагулявшись, я сел на байк и поехал на другой берег реки Тунгабхадра, чтобы перед закатом подняться на холм Анджанадри.

Сам подъем очень удобный и организован в виде настоящей лестницы, а в конце путника ждет сюрприз – колонка с совершенно бесплатной фильтрованной холодной водой.

Место и вид, который открывается с высоты, просто потрясающие – все пропитано невероятно доброй энергией, пульсирующей по всей долине. Краски неба подчеркивали это своей динамичностью, и временами создавалось впечатление, будто я поел грибочек с картошечкой. Лисичек или маслят. Ну, вы понимаете, как это бывает в местах, где душа выворачивается наизнанку. Нет, я не про психиатра.

Мне, конечно же, захотелось остаться заночевать прямо там, на плато, чтобы утром встретить рассвет.

Публика на закате подобралась примерно такая: 45% – индийцы, 45% – русскоговорящие и 10% – все остальные нации, вместе взятые.

Я выбрал удобную точку для проводов солнца и сел созерцать окружающие красоты.

Рядом со мной расположилась группа туристов из русско-

Храмовые комплексы в Хампи

Закат на холме Анджанадри

говорящих стран под предводительством русского гуру-шамана, который проводил со своими подопечными то ли сеанс холотропного дыхания, то ли какие-то другие кундалини-техники – я не вдавался в подробности, но мне было искренне жаль этих дев, ищущих духовный путь. Они лежали на холме с закрытыми глазами и внимали словам псевдо-гуру (мое субъективное мнение!), пропуская, возможно, красивейший в их жизни закат – вместо того им приходилось наблюдать за цветными точечками, которые летают в визуальной составляющей сознания, если сомкнуть веки. А гуру тем временем вещал, любуясь феерией небесных и земных красок.

Сеанс закончился, когда спустились сумерки.

Все туристы уже ушли с плато – остались только «холотропщики» и ваш покорный слуга.

Гуру нарочито громко, видимо, чтобы я тоже услышал, сообщил своей группе, что теперь на вершине ночевать нельзя, хотя раньше было можно, и они стали собираться.

Под раздаваемые гуру советы «от Капитана Очевидность» (например, о том, что в темноте необходимо ступать на носок, а не на пятку) вся группа удалилась в сторону спуска вниз, а я достал газовую горелку, приготовил чай и, немного перекусив, натянул гамак, готовясь ко сну.

Следующий день подарил мне восхитительный рассвет. Я успел снять гамак еще до того, как на шоу пришли первые туристы.

* * *

К моменту, когда солнце взошло, на плато собралось уже слишком много любопытствующей публики, чтобы я мог спокойно приготовить себе кофе.

Быть об заклад: если бы я начал разбирать газовую горелку и кипятить воду, вокруг меня собрались бы пара десятков индийцев, как на файр-шоу.

Пройдя немного вниз по лестнице с вершины холма, я свернулся на тропинку, которая привела меня к пещере очередного Бабы, устроенной под длинным утесом, выпирающим, как козырек.

Кто-то построил стены, отгородив подобие квартиры, и оставил настоящий дверной проем – правда, без двери.

«Прихожая» была тоже хорошо защищена от дождя и ветра – там-то я и приготовил себе завтрак, а позавтракал уже на солнышке, на одном из утесов, напоминающих греческие Метеоры. Я могу уже не упоминать, что вид открывался феерический: другого мое путешествие не предполагало. Одной из моих целей было «сделать себе красиво» (дизайнеры и архитекторы меня поймут).

За всю прогулку по Хампи я так и не смог найти большую каменную колесницу с купюры в пятьдесят рупий, как ни взглядался с разных холмов в подробности храмовых комплексов. Колесница была одним из важных пунктов в моем личном списке «сделать себе красиво».

Спустившись с Анджанадри, я нашел какой-то гестхаус с кафешкой (единственный работающий на другом берегу реки Тунгабхадры, так как сезон уже заканчивался), заказал там омлет и чай, поставил на зарядку аккумуляторы для камеры и выяснил у местных, где же скрывается колесница.

Оказалось, что колесница расположена в храме Виттала, до которого я вчера не дошел буквально пятьсот метров. Что-то сбило меня с пути и увело в обратную сторону.

Я оставил рюкзак и байк в гесте, так как на байке мне придется бы возвращаться на двадцать километров назад из-за большой речной преграды и скудного количества мостов.

Передо мной был альтернативный вариант: за двадцать рупий перебраться на другую сторону реки на «паромчике» в виде моторной лодки и пройти пешком пару километров.

Само собой, я так и сделал, повторно насладившись прогулкой под палящим солнцем. Конечно, приходилось как можно большую часть пути скрываться под колоннадами древних строений, часть из которых облюбовали бездомные, а в одном из пафосных каменных зданий расположился полицейский участок.

Храм Виттала, яркий представитель дравидийской архитектуры, был построен в пятнадцатом веке, в период правления короля Деварада Второго. Это действительно настоя-

щий бриллиант и рукотворное чудо, но, откровенно говоря, я ожидал увидеть в нем колесницу гораздо больших размеров. Почему-то мне она представлялась размером с трехэтажный дом, поэтому я решил предварительно проверить, есть ли колесница внутри, поднявшись на вершину соседнего холма – все-таки вход в храм стоил шестьсот рупий, а находившееся в нем скрывали высокие каменные стены и резные ворота. Большинство комплексов построено именно по такой схеме.

Но как виртуозно это сделано – поистине поражает.

Огромные каменные блоки филигранно подогнаны один под другой, а резьба по камню настолько художественна и точна, что начинаешь сомневаться, действительно ли все это построили люди.

Колесницу с холма я так и не разглядел и пошел внутрь на удачу.

Как я уже говорил, колесница оказалась гораздо меньше – именно поэтому мне не удалось рассмотреть ее с утеса, так как я ожидал чего-то более внушительного. Впрочем, я ее даже видел (это стало понятно потом по фотографиям), но не понял, что это именно она.

Закончив осмотр храма Виттала, я вернулся к байку и отъехал несколько километров от Хампи в направлении следующего пункта моего маршрута – Бадами.

Совершать маршрут-бросок до Бадами в тот же день я не стал и нашел для ночлега прекрасные тенистые деревья в непосредственной близости от небольшого водопада. Это был скорее искусственный водный каскад, куда направлялась лишняя вода из канала, который тянулся из водохранилища с дамбой, построенной чуть выше.

Днем это место было людным. Туристы заполняли все «джакузи» каскадов и прыгали со скал – в основном индийцы, но попадались и европейцы. Я натянул гамак и наслаждался жизнью. Туристы с некоторой завистью (у них ведь не было гамака), но все же одобряюще смотрели в мою сторону. Местные интересовались, не собираюсь ли я здесь спать, а я, в свою очередь, не раскрывал интриги и в какой-то момент снял гамак и уехал в неизвестном направлении (а на самом деле – за

Каменная колесница в храме Виттала

Река Тунгабхадра

ужином и пивом).

Вернувшись на закате и отужинав на одном из речных камней, я уже в темноте повесил гамак на прежнее место, попил горячего чаю и лег спать.

09/03/2020

Бадами.

Утром я проснулся слегка простуженным.

Засыпая с вечера, я укрылся спальником, не заворачиваясь в него, так как было тепло, но ночью вода в водопаде быстро остыла, как и ветерок, постоянно гулявший вдоль русла реки, и мне основательно продуло шею.

Все это наложилось на дневной перегрев – слишком много времени я провел под агрессивными солнечными лучами во время прогулок.

В общем, легкая простуда была налицо, и я решил не оставаться дольше в Хампи (но обязательно вернуться сюда в будущем), а продолжить путь в направлении «дома», то есть «Гоа Клиник».

До Бадами я доехал без приключений. Ну, как без приключений...

На дороге здесь постоянно что-то происходит, и приключения воспринимаются как норма – перестаешь обращать на них внимания и чему-либо удивляться.

Во время пути мне бросались под колеса «навика» многочисленные собаки, коровы, обезьяны и кошки, которых здесь совсем мало.

Один раз даже слон медленно проплыл по асфальту, переходя дорогу. Кроме этого случая, мне в Индии не везло на слонов – я повстречал их только в Непале, в Саурехе.

А еще мне попались на пути маленький торнадо (совсем безобидный, метров десять в диаметре) и человек-паук – какой-то странный индиец, который на руках и ногах передвигался по дороге, как бы прижатый к земле всем телом, натурально, как паук или краб.

Бадами не сильно уступает Хампи в культурном и визуальном содержании, но при этом городок не пользуется по-

Бадами

Бадами

пулярностью у массового туриста. Это удивительное место посоветовал мне водитель авторикши, когда я присел в тени баньяна, чтобы изучить карту для дальнейших перемещений. По его же рекомендации я поднялся на Анджанадри в Хампи.

Бадами очень напоминает Петру в Иордании своими ущельями в скалах и удивительными храмами на утесах.

В самом городке тоже много древностей прямо посреди хаотичной и пестрой жилой застройки. Местные жители укрываются в этих святынях от жары.

Живописное озерцо окружено обветренными скалами причудливых форм, и повсюду храмы, храмы, храмы.

И сотни мартышек, от которых нужно тщательно все прятать.

Забавная история случилась там со мной из-за этих красномордых дьяволов.

Я не очень удачно, как впоследствии выяснилось, припарковал свой байк у черного входа в археологический музей, оставил на нем привязанный рюкзак и стал подниматься на утес.

Место было очень красивое, и стоило бы уделить ему больше внимания, но, осмотрев все детали, я поспешил спуститься с другой стороны холма, со стороны официального входа в музей. Подходя к байку, я застал следующую картину: какие-то местные подростки скатывали «навик» под горочку, а нижнее отделение рюкзака было открыто и явно выпотрошено.

Сразу же мое сознание стало рисовать картины того, как коварные «индийчики» воруют мои вещи и угоняют байк.

– Какого хрена вы делаете?! – почти закричал я, побегая к месту «преступления».

– Мы просто обычно играем здесь в крикет и не хотели бы, чтобы ваш байк пострадал, – сбивчиво объяснил мне старший из пацанов.

– А почему рюкзак открыт, и где, черт побери, моя газовая горелка и газ?! – продолжал я негодовать, успев оценить масштабы бедствия. Пропали только горелка и газовый баллон. Основное отделение и карманы не были открыты.

— Это не мы! Это обезьяны! Обезьяны — зло! Они создают проблемы, — стали оправдываться ребята.

— Я не верю вам. Обезьяны не могли открыть эту молнию, — и действительно, когда я набивал дно рюкзака мягкими вешками, защищая кухонный комплект и создавая удобство для спины, открыть молнию становилось очень сложно. Сказывался возраст рюкзака и большое количество застежек, строп, блоков.

Я просто не мог поверить, чтобы мартышки могли открыть нижнее отделение.

И тут один из подростков нашел газовый баллон без горелки.

Отойдя в сторону буквально на пятнадцать метров, я обернулся и увидел, что обезьяны опять мгновенно оккупировали байк и с новым усердием приступили к изучению рюкзака.

Постепенно я начал понимать, что ребята были правы, а мои подозрения оказались ложными.

Кружку я нашел уже за оградой музея. Чуть выше по склону валялась и горелка.

Я извинился перед молодыми бадамцами, поблагодарил их, посмотрел еще один храм в городе и поехал в сторону водохранилища Ренукасагар, где присмотрел себе на гугл-карте место для ночлега.

Кстати, основной совет, который можно дать любому, и начинаяющему, и продвинутому путешественнику — как можно дальше и глубже изучайте карту местности. Рассматривайте и сопоставляйте сразу несколько разных карт: информация на них может не совпадать, что дает почву для анализа и поиска подводных камней.

Гугл-карты в режиме «спутник» при грамотном подходе могут предоставить вам любые данные, которыми обычно владеют только аборигены. Никогда еще путешествовать по укромным уголкам не было так просто. Сейчас можно исследовать весь мир, не выходя из своей комнаты, и вполне вероятно, что кто-то так и поступает.

Уже на закате я добрался до огромного озера, спустился на байке к берегу, проехал вдоль лагеря местных, но так и не

понял его назначения. Поселение выглядело как цыганский табор из пары десятков автодомов.

Я остановился под баньяном с маленьким мандиром прямо у кромки воды. Повесив гамак на развесистых лапах бенгальского фикуса, я приготовил ужин и горячий чай и наслаждался затухающими мазками послезакатного света, идеально повторенными на застывшей глади воды.

Выше по склону время от времени проезжали грузовики и мотоциклы. Я засыпал под их отдаленное рычание и размежеванный шум водоочистной станции неподалеку.

Падающие листья баньяна иногда возвращали меня в реальность, но вскоре я погрузился в глубокий сон до самого утра.

Утром я позавтракал в компании семейства лангуров.

Лангур – это черномордая мартышка. В отличие от красногордых, которые устроили ревизию моего рюкзака в Бадами, лангуры не такие агрессивные, практически цивилизованные. Я рассказывал в начале повествования, как один такой «пацан» залез к нам в хостел в Ришикеше.

Обезьянье семейство обступило меня еще на стадии приготовления кофе в момент, когда я доставал печеньки, но никто при этом не посягнул на мою собственность, даже когда пачка с хрустящими сладостями была открыта.

Самый крупный самец из стаи, отец семейства, просто сел рядышком и наблюдал за моей трапезой.

Я предложил печенье вожаку, который подошел ко мне ближе остальных. Он аккуратно его взял и не торопясь, вполне по-человечески, интеллигентно съел.

А потом все семейство разбрелось по территории под баньяном и приступило к завтраку сухими листьями, не беспокоя ни меня, ни байк, ни рюкзак.

* * *

От водохранилища до водопада Сурла было порядка 130 километров. Часть этого пути проходила по свежевысыпанному в качестве подушки крупному гравию, примерно такому же, из которого делают железнодорожные насыпи.

То еще удовольствие – на скорости 20 км/ч ехать как на диком (потому что неуправляемом) скакуне, глотая пыль от всех вырывающихся вперед машин, которые еще недавно на асфальтовом полотне я сам с легкостью обгонял.

Добравшись до Сурлы, я отобедал в столовке при местном отеле и отправился в трек, разузнав маршрут у местных. В ответ, по обыкновению, получил несколько стандартных вопросов («Откуда ты? Как тебя зовут?»), и уже в который раз, после того как люди узнавали, что я из России (мало кто знал, что это за страна такая – Сербия, а чаще ее попросту путали с Сибирью), мне сразу же начинали советовать никуда не улетать, а оставаться здесь, в Индии, потому что здесь безопасно. Я сначала не понял, о чем индийцы мне говорят, а потом выяснил, что речь идет о каком-то коронавирусе, отдельные разговоры о котором начались уже с первых дней декабря. На эту тему ползли какие-то анекдотические слухи и интернет-мемы, и их было сложно воспринимать всерьез. Улыбнувшись в ответ на напутствие, я заверил советчиков, что никуда не улечу и останусь в Индии, и они привычно и радостно закивали головой: «Ачча! Ачча!»

И все же странно, что люди так испугались какого-то мифического вируса. Конечно, это их личное дело: человечество подвержено множеству фобий, причем все они сводятся к банальному страху смерти – уродливому ребенку инстинкта самосохранения, и это рычаг, с помощью которого небольшая часть населения управляет остальными. Избавившись от каких бы то ни было страхов, наши личности винтиками и гаечками выпадают из машины государства – из системы. Если таких винтиков выпадет достаточно много, это приведет к поломке всего механизма.

Оставив свои недалекие мысли об устройстве мира, я направился к водопаду и сразу же пошел правильной дорогой, но на полпути меня сбила с толку компания каких-то не особо умных индийцев, хотя главный «сбивающий» был уже в весьма почтенном возрасте. Они стали кричать, что в сторону, куда я направился, идти не надо – мол, водопад не в том направлении. И я пошел обратно по руслу, пройдя в противо-

положную сторону четыре лишних километра. Сориентировавшись в конце концов по навигатору, я понял, что ухожу от цели совсем далеко, вернулся на исходную позицию, продолжив двигаться в «неправильном» направлении, и дошел-таки до водопада.

Само собой, я искупался в одной из многочисленных «ванн», составляющих русло реки.

Водопад был уже не столь полноводный, но я уверен, что в «мунсун» он представляет собой грандиозное зрелище.

Высота водопада – 250 метров, и даже тот небольшой поток воды, который можно наблюдать в самую засуху перед сезоном дождей, смотрелся эффектно.

Вода падала из проточного природного бассейна, где на тот момент свободно помещались около десяти человек. Таких бассейнов на плато было несколько, но самый глубокий и полноводный находился с краю. Вся вода по мере падения разделялась на капли, все мельче и мельче, а к середине водопада превращалась в водную пыль, образуя красивую радугу, уловить которую моей камерой оказалось сложно.

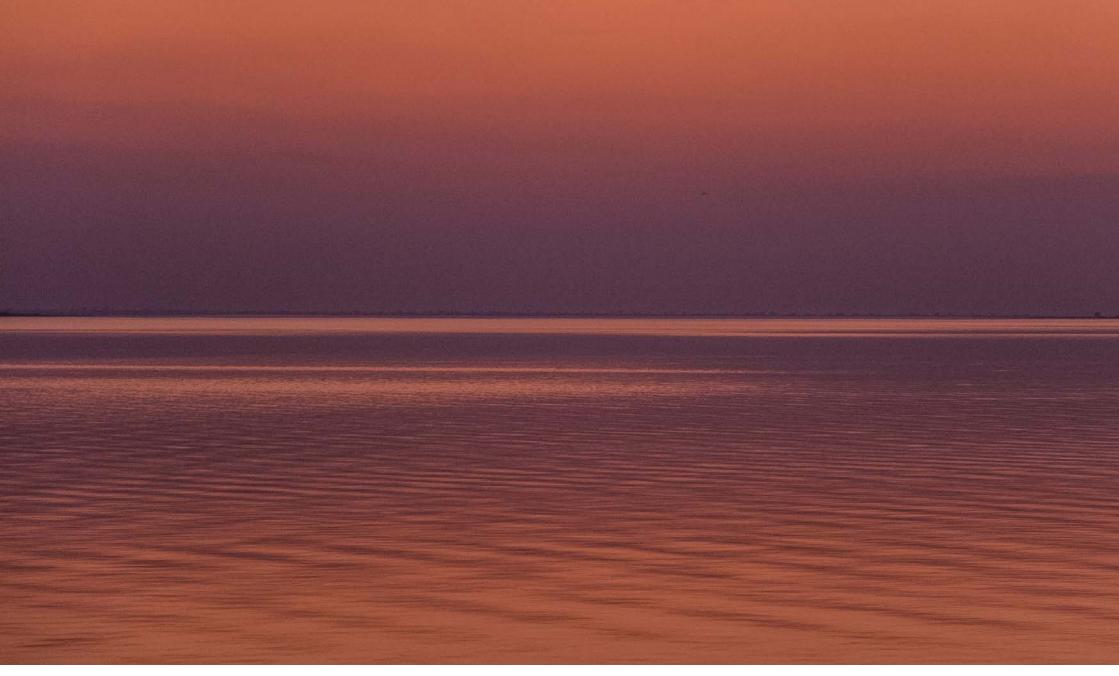
Высота перепада захватывает дух – непередаваемые ощущения для букашки вроде меня, ползающей рядом.

Интересно, насколько реально добраться до водопада во время полной воды, ведь большая часть тропы проходит именно по руслу. Вероятно, есть и верхняя тропа вдоль ущелья. Возможно, кто-то и сплавляется по этой реке, но если, не дай бог, что-то пойдет не так и сплавщики не успеют пришвартоваться до «выхода» – на 250-метровой высоте будет нужен парашют.

На обратном пути к байку я искупался в «бассейне» под малым водопадом, высота которого всего 50 метров (так заявляет источник, из которого я узнал про 250 метров большого водопада), однако мне показалось, что на самом деле гораздо меньше.

Подытожу эту главу моего путеводителя: Сурла – отличная точка на маршруте Гоа – Хампи, которую всячески рекомендую для посещения, а по возможности и с ночевкой.

Оставшиеся семьдесят с небольшим километров я прошел

Водохранилище Ренукасагар

Водопад Сурла

без эксцессов – в «Гоа Клиник» добрался еще засветло и даже успел искупаться и «посансетить» за баночкой «кинг фишера».

Я уже было расслабился после более чем двухсоткилометрового переезда, но тут выяснилось, что в квартиру «Гоа Клиник» заехал новый жилец, а Никитос съехал. Мое присутствие стало неудобным, и я решил отправиться в другое место – совсем недалеко, в Верхний Мандрем.

Стоило проехать более тысячи километров на маленьком байке, чтобы уже здесь, в Мандреме, в поездке всего на пять километров от дома одних друзей до дома других друзей вляпаться в ДТП с фонарным столбом.

Левая ступня получила сильный ушиб, растяжения и ссадины, а вот байк не пострадал, и управлять им не составляло проблемы, если не выезжать на бездорожье, где иногда нужно помогать себе ногами.

Злую шутку сыграла общая усталость вкупе с простудой, так как я перегрелся днем и переохладился ночью на водопаде в Хампи. Не буду вдаваться в подробности схемы ДТП, они весьма банальны: с точки зрения правил дорожного движения в случившемся был виноват «индийчик» на скутере, для которого я был помехой слева (в индийском варианте это правило работает наоборот – у нас оно называется «помеха справа»). Так как правилами приоритета тут не пользуются и понятие «главная дорога» отсутствует как таковое, молодой житель Бхараты рванулся в маленький проулок, в который я сворачивал в тот момент – и вместе мы никак не проходили в это узкое «горло».

Вообще в Индии существует своеобразная иерархия транспорта, в которой высшую касту представляют из себя автобусы, потом идут грузовики, потом автомобили, потом мотоциклы, завершают цепочку скутеры и велосипеды. А уж главная у водителя дорога или не главная – это никого не волнует.

Уходя от столкновения, я ускорился, одновременно маневрируя в сторону, и сначала чуть было не улетел в канаву,

так как было уже темно и не все ландшафтные детали можно было мгновенно разглядеть. Прибавив газу, я миновал канаву, словно перелетев препятствие, но все-таки, ускоряясь, задел стопой бетонный фонарный столб прямоугольного сечения.

Не будь я таким усталым, ничего подобного бы не произошло, да и случилось все на скорости пешехода, если не считать мое ускорение, когда я перепрыгивал через канаву.

Ситуацию усугубил формфактор моего байка. На скутере ноги размещены как бы в пределах корпуса и тем самым защищены – впрочем, на скутере я не стал бы ввязываться в такие авантюры. Но я не жалею, что взял именно «навик», хотя изначально планировал арендовать «хонду актива», так как в бытовом плане она выигрышнее и можно путешествовать со «вторым номером», поставив багаж перед собой.

Однако управляемость «навика» оказалась важнее в моих скитаниях, а рюкзак удачно закреплялся на пассажирском сидении, создавая тем самым для меня удобную и мягкую спинку, на которую можно было временно откидываться.

В Гоа на дорогах очень много лежачих полицейских. В Карнатаке их еще больше. В добавок ко всему в Карнатаке их никак не обозначают, даже краской, поэтому иногда они становятся неожиданностью.

Частенько я преодолевал такие «трамплины», не замедляя движения – на 50-60 км/ч, подпрыгивая и удачно приземляясь, а отточив технику прыжка, делал это уже намеренно – как ни странно, преодолевать подобные препятствия намного легче и приятнее именно на скорости.

Но вернемся к тому, что было после ДТП.

Итак, прихрамывая левой ногой в хлюпающем кровью сандалике, я поднялся на второй этаж особняка в Верхнем Мандреме, который полностью заселяли питерцы.

С Юлей и Настей мы познакомились еще до моего отъезда в Хампи.

Глюк как-то позвал меня за компанию в гости к питерцам, и я, конечно же, присоединился, так как был за любой кипеж, включая голодовку – наверняка дело дойдет когда-нибудь и

до этого.

Мы сразу сдружились, тут же почувствовав своих, родных людей.

Юля и Настя – это необычные в глазах современного общества мама и дочь.

Их можно скорее принять за подружек-одноклассниц или в крайнем случае дружных сестер – две дредастые девочки, постоянно шутящие и смеющиеся.

Через несколько дней к ним присоединилась Нина, дочь Юлиной подруги – молодая красавица, в которой элегантно сочетались черты английской леди из высшего общества и простой русской девушки из Сибири.

Время от времени Нина зарабатывала «шутингами» (съемками в болливудских фильмах), и одна из ее последних ролей была как раз в амплуа английской аристократки.

На первом этаже жили еще две прекрасные нимфы – Регина и Наташа, и они частенько поднимались к нам потусить или просто по-соседски «стрельнуть» сахара или картошки.

Для полноты картины скажу, что Юля профессионально зарабатывала на жизнь маникюром и педикюром, и по этой причине в доме постоянно были девушки, причем интересных, творческих профессий: например, певицы или гипнотизерши, те самые, концерты и рейвы которых я посещал в Арамболе, – и все красавицы, как на подбор.

Вдобавок Юля – весьма гостеприимная хозяйка, штет на машинке и прекрасно готовит. Никто не уходил из ее дома голодным или не отведавшим чашки вкусного кофе с корицей и куском «шарлотки» из манки и экзотических для наших широт фруктов.

В общем, временами мне казалось, что я, будто сэр Галаад из кинофильма «Монти Пайтон и священный Грааль», оказался в женском монастыре. Чтобы не нарушать гармонию пространства, я старался уделять внимание всем девушкам одновременно в равной степени. Это оказалось несложно, учитывая, что все они были мне симпатичны.

Двадцатилетняя Настя – нежное, юное создание, всегда на позитиве. Она ходила по дому и пела, надо сказать, весьма

хорошо поставленным тонким голосом, приятного тембра, со сладкими детскими нотками.

Она прилетела примерно за неделю до моего приезда в «Гоа Клиник».

В середине января Юля попала в аварию на байке, тоже повредив левую ногу – правда, намного серьезнее. Пока я хромал с бандажом на левой стопе, это выглядело даже забавно: двое коллег по несчастью нашли друг друга – практически семейка инвалидов.

Поскольку Юля попала в аварию и мама с дочерью лишились транспортного средства, Настя все время после прилета просидела дома, ни разу не выбравшись даже на пляж, до которого было около четырех километров.

Я к тому моменту как раз только что арендовал байк, и Юля сразу же после нашего знакомства доверила мне свою дочь в качестве «второго номера».

Более чем уверен, что я собрал не одну сотню завистливых мужских (и не только) взглядов вслед, проезжая на байке по Арамболю с красивой девушкой с дредами и скандинавскими чертами лица.

Вечером у Юли по обыкновению собиралось множество друзей, и особняк в Мандреме превращался в подобие клуба с веселыми разговорами, шутками-прибаутками и настольными играми.

Девочки стали для меня настоящей семьей. Мы готовили друг другу всевозможные вкусности, от оливье с курицей (это был уже второй раз за путешествие, когда я готовил такую версию салата – «столичный») до картошечки с грибами («шарлотку» из манки я уже упоминал).

Иногда большой «шоблой» на байках мы отправлялись на какой-нибудь отдаленный пляж – в Кериме или того дальше, где-нибудь в Махарашtre, ужиная на обратном пути в «отелях» со вкусной едой и низким «индексом роти», по остроумному выражению Димы.

Роти – это лепешки, которые указываются в меню в самом начале, и по их стоимости можно практически безошибочно определить, насколько дорогой тот или иной ресторанчик.

Там же, у Юли на балконе, я написал свою картину с видом на Хампи и сразу же подарил ее девчонкам.

Я бесконечно благодарен им за атмосферу, в которой прожил почти три недели.

Однажды Юля прямо с утра принялась за шитье и сшила нечто, способное вызывать дьявола или как минимум сводить людей с ума. Как в том меме:

– Смертный! Ты на 23-м круге ада – это мои владения! Как ты сюда попал?!

– Я шел на кухню за бутербродом и заблудился... Я не очень умный.

Нисколько не умаляю Юлиных умственных способностей, скажу больше – они на высоте. Так вот, Юля шила «бублик» резинки для волос и решила упростить себе задачу. Она сшила трубку «бублика» наизнанку, затем так же, наизнанку, сшила края этой трубки, оставив маленькую дырочку, через которую планировала вывернуть бублик, но, когда бублик выворачивался, получалась совершенно другая фигура: трубка с объемными стенками. Тоже, по сути, бублик, но кардинально трансформировавшийся.

Каждый, кто приходил в этот день к Юле, ломал себе мозг об эту практическую задачку из высшей математики, и мы каждый раз смеялись в момент выворачивания, наблюдая реакцию на лице человека, решавшего «головоломку».

Уже не в первый раз за время скитаний я скрепя сердце собрал рюкзак, и мы распрощались с питерцами. Расставались мы с обнимашками и практически со слезами на глазах, потому что полюбили друг друга за эти дни, как самых близких людей.

В моем телефоне был заготовлен скриншот авиабилета Мумбаи-Дубай, и я, как обычно, пешком взял старт до автобусной остановки в сторону Мапсы (или Мапусы). По пути у меня не получилось автостопить, так как все проезжавшие мимо были с пассажирами, а один-единственный индиец, который притормозил, попросил сто рупий за последние пять-

сот метров пути. Давно мне не встречалась такая откровенная наглость.

Полтора часа я прождал местный автобус из Мандрема и, чувствуя, что уже опаздываю на свой «слипер-бас» в Мумбаи, поднял руку и сразу же «поймал» очень доброго парня на скучере, путешествовавшего по Гоа в свое удовольствие .

Он подвез меня прямо к остановке, мы обменялись контактами, и я стал ждать автобус, но выяснилось, что тот тоже опаздывает.

Вообще «слипер-бас» – гениальное средство транспортировки человека из пункта А в пункт Б.

Представьте себе автобус, в котором вместо сидений с одной стороны двуспальные полки в два уровня, с другой стороны односпальные места, также в два уровня.

Я взял себе верхнюю отдельную полку.

Все ячейки можно отгородить шторками, а так как сам автобус без кондиционера, то можно открывать окна, а при желании даже курить. Двойные полки прекрасно подходят для интимных свиданий (при случае надо будет проверить эту мою гипотезу).

Хорошенько высавшись, я приехал в утренний Мумбаи, где меня встретил Аникет – каучсерфер двадцати лет от роду, скромный, интеллигентный парнишка, который мне очень помог с ориентированием по городу и рассказал об основных достопримечательностях.

В Мумбаи я влюбился буквально с первой прогулки. Эклектика готической английской архитектуры восемнадцатого и девятнадцатого века и ориентальных мотивов создает неповторимый и узнаваемый стиль этого города. Временами кажется, что ты оказался где-то в Европе, и лишь кокосовые пальмы возражают этому, салютуя своими раскидистыми листьями в разные стороны.

К сожалению, у меня не было достаточно времени, чтобы изучить город досконально – я прошелся только по основным туристическим маршрутам: Колаба, ворота Индии, пещеры Элефанта на острове в заливе, куда ходят пассажирские паромы, и пещеры Канхери в национальном парке Санджай-Гандхи.

В дальнейшем я планировал снова попасть в Мумбаи и потому полностью посвятил себя одному делу.

Я попросил Аникета помочь мне с покупкой байка перед моим вылетом в Дубай на очередной «визаран». По возвращении мне очень хотелось продолжить путешествие по Азии уже самостоятельно, на собственном мотоцикле, ибо, вкусив свободу и все прочие прелести такого способа передвижения, сложно сделать иной выбор.

Мы нашли через Интернет несколько свежих вариантов «роял энфилда» объемом 350 кубиков и посмотрели их.

Почему именно «роял энфилд»? Существует несколько доводов в его пользу. Во-первых, на Индостане это самый дешевый в обслуживании мотоцикл. Недорогие запчасти к нему можно найти практически в любой деревне, как и починить его в случае поломки, словно «Жигули» в России. Во-вторых, этот байк отлично зарекомендовал себя на бездорожье, а одним из моих желаний было вернуться в Непал и на север Индии, который я еще не исследовал.

В-третьих, «энфилд» неплохо заводится при отрицательных температурах и дефиците кислорода высоко в горах.

Выбор пал на ухоженного «железного коня» цвета хаки. Этакий «милитари стайл», уже подготовленный для перевозки небольшого, но достаточного для меня количества багажа, без звуковых эффектов глушителя. Совсем не хотелось собирать плохую карму на проклятиях тех, кого разбудит рокот глушителя «энфилда», сравнимый с вертолетным.

Мы уладили все формальности с бумагами и поехали учиться водить это чудо англо-индийской техники. Аникет, как любой индиец, умел водить байк, и поэтому я сел «вторым номером» и стал ждать момента, когда мы наконец доедем до безлюдной площадки, где можно будет изучить новую для меня технику.

Я освоил азы вождения и постарался довести до автоматизма навык переключения передач за то короткое время, что у меня оставалось до отлета в Эмираты.

В Арабских Эмиратах я планировал провести пять дней, ознакомиться со страной, провернуть очередной «визаран» и

Ворота Индии в Мумбаи

Главный вокзал в Мумбаи

навестить Гогу и Тасю, а дальше по возвращении в Индию не спеша поехать на север, где и провести «мунсун».

С Гогой и Тасей мы познакомились примерно двадцать пять лет назад – в годы нашего отрочества.

В те времена я был настоящим панком со всей атрибутикой: рваные джинсы и тетушкина джинсовая куртка «Lee», затертая до дыр, с нашивкой «Секс Пистолз» и кучей английских булавок и колец от пивных банок, купленная дедушкой в Японии незадолго до моего рождения, футболка с «Гражданской Обороной», грязный ирокез щеткой и прохудившиеся кеды.

Стояло очередное каникулярное дачное лето на бабушкиной фазенде. Я обожал это время полной свободы, разрешить которую отприскам способны только бабушки. Вполне приличные в другие времена года, подростки из интеллигентных семей летом дичали в подмосковных лесах, проводя свой досуг в постоянных авантюрах и возвращаясь домой уже на рассвете, собрав всю росу штанами джинсов.

Как-то на даче я прогуливался по грунтовой дороге, ведшей через лес и болото до полуразрушенной колокольни и заброшенного староверского кладбища из нескольких скошенных крестов и надгробных камней, замшевые надписи на которых было уже не разобрать.

Мне нравилось медитировать в этом месте.

И вот навстречу идет «шобла» разномастных тинейджеров явно неформального вида: то ли рокеры в майках с «Алисой» и «косухах», то ли металлисты, судя по майкам, явно купленным в «Давайке» (в 90-е годы – магазин рок-атрибутики «Давай-давай» на проспекте Мира).

Мы поравнялись. Многозначительно обменялись друг с другом взглядами и начали было уже расходиться в своих направлениях, как вдруг ребята хором крикнули мне вслед: «Панки, хой!»

«Панки, хой!» – проорал я им в ответ, и с этого момента началась наша дружба.

Сами Гога и Тася – брат и сестра, двойняшки. После школы они поступили в Строгановский институт и, окончив его, по очереди уехали в ОАЭ, где стали работать дизайнерами, архи-

текторами, ювелирами и просто художниками. Виделись мы крайне редко, а потому я решил совместить приятное с полезным и навестить старых друзей. Конечно, я мог воспользоваться каучсерфингом, но ребята разместили меня на арендованной ими вилле, в которой пустовала добрая половина помещений.

Вилла находилась в престижном районе Джумейра, а до пляжа было около десяти минут пешком. С крыши открывался неплохой вид на зубастые челюсти небоскребов во главе с самым высоким – Бурдж-Халифа.

Близнецы были заняты переездом на другую жилплощадь – ферму где-то под Дубаем.

А я торчал на вилле, или на пляже, или прогуливался по центру города, который мне показался бездушным и неприветливым. Все в нем казалось каким-то рафинированным и прилизанным, архитектура – вычурной и претенциозной в своей монументальности вместе с футуристичностью.

Помимо Гоги и Таси, на вилле жила Лера (девушка Гоги) и два брата-ливанца, один из которых был Тасиным партнером по бизнесу, а когда-то и любовником – непростой, скажем так, фон.

Также моими соседями была многочисленная братия кошек и собак. Тася взяла их как безнадежных питомцев, от которых все отказались. В основном это были психически искалеченные псы с явными признаками социопатии: каждый раз, когда я проходил мимо их импровизированного вольера, они кидались на меня со страшным лаем и явным желанием сожрать меня с потрохами.

Тайсон – огромный питбуль-терьер – как-то чуть не загрыз насмерть Татьяну по прозвищу Кот, общую подругу русского-ворящей троицы. Тася забыла закрыть дверь вольера, а питбуль, вырвавшись на свободу и обнаружив свежую, сочную жертву, вышедшую из дома покурить, в прыжке вцепился во внутреннюю сторону бедра Татьяны. Еще немного, и милаха перегрыз бы бедренную артерию.

Дело было в любом случае подсудное, так как все находились в состоянии подпития, а это в Эмиратах криминал. Что-

бы не создавать никому, включая пострадавшую, проблем с полицией, Таню нелегально «заштопал» знакомый ветеринар, а место ужасного шрама Кот впоследствии удачно прикрыла татуировкой с ветвями то ли сакуры, то ли магнолии.

Почему Кот? Да потому что она настоящий кот по своей природе, хотя и в женском теле, и фамилия подходящая – Бойкотова.

Впервые я познакомился с Котом через день после моего прилета в Дубай, когда она со своим молодым человеком, каким-то весьма успешным и богатым австрийским программистом, приехала к нам на ужин с барбекю. Красивая, фигуристая «дама треф» родом из Беларуси, с невероятной глубины зелеными глазами, с пухленькими губками на милом, слегка округлом личике. Она явно не принадлежала к типу женщины, в которую я мог без оглядки влюбиться, но в ее глазах читалось такое неприкрытое желание, а слова порою так сладко льстили, то восхваляя мое английское произношение (на самом деле ужасное), то просто признаваясь в любви на великом могучем в присутствии своего нерусскоязычного друга, что не пришлось долго ждать, когда мы окажемся в одной постели. Причем не в своей, а в Гогиной (впрочем, не без согласия Леры, которая оставила нас одних, удалившись в мою комнату).

Хочу отдать должное Коту: ее акцент был под стать моему, но как жеексуально звучала ее речь во время соития. Кот произносила банальнейшие фразы, нагнетая столько страсти, что это вовсю компенсировало ее полную неподвижность в процессе.

Можно было легко представить, что мы занимаемся сексом в квартале красных фонарей где-нибудь в Амстердаме. Впрочем, это были только мои фантазии. Как это бывает в реальности, я не знаю: реальность может быть абсолютно любой.

Сама Кот объясняла свою речь на английском тем, что привыкла заниматься любовью с иностранцами – за десять лет можно привыкнуть.

«To be honest», до сих пор немного стыдно за тот случай. Я предлагал Коту переместиться в мою часть виллы, но в тот

Дубаи

«Зубы» небоскребов

момент она не могла и думать о транспортировке своего изрядно подвыпившего тела.

После совершенного акта Кот сообщила пикантные подробности их местечковой «Санта-Барбары», что поставило меня в неловкое положение перед другом. Признаться, про бойфренда-австрийца я даже и не думал, а вот когда Гога вернулся с занятий, некоторое время было совестно смотреть ему в глаза. Впрочем, неловкость быстро улетучилась, когда мы продолжили уничтожать алкоголь уже все вместе, а Кот в итоге осталась спать со мной.

На следующий день пьянка продолжилась прямо с утра. Похмеляться девушки решили «Кровавой Мэри», ибо, кроме водки, из спиртного дома ничего не осталось. Никогда не забуду рецепт этого коктейля дубайского разлива. В качестве томатного сока использовался кетчуп из маленьких пакетиков, прилагающихся обыкновенно к пицце: разведенный водой, он смешивался с водкой. Даже не знаю, на что больше походило это мутное месиво, однако коктейль пользовался успехом, и уже в середине дня наши женщины достигли той же кондиции, что и в конце предыдущего.

Через сутки все пошло по новому порочному кругу – будто я попал в гребаный алкогольный день сурка.

Не то чтобы это было нормальное состояние для всех – конечно, нет. Подобный запой был вызван скорее стрессом из-за надвигающегося локдауна и неизвестности, паники вокруг вируса и пандемии – логично и предсказуемо. Я старался не думать об этом.

Да и терпеть такую вакханалию предстояло недолго. Утром следующего дня проторезевший Гога отвез меня в аэропорт Дубая, мы сердечно попрощались, и я направился к своему терминалу, на входе в который всех ожидала необычная процедура: пассажирам, провожающим и встречающим измеряли температуру неконтактным инфракрасным градусником.

Сотрудник аэропорта в медицинской маске и перчатках «выстрелил» мне в голову пистолетом-термометром и пропустил к стойке регистрации на рейс до Мумбая.

Информационный фон, описывающий ситуацию в эти дни,

постоянно менялся, причем не в лучшую сторону. То тут, то там появлялись новости об отмене рейсов и новых правилах нахождения в общественных местах. Виной всему была проклятая «корона», поработившая сознание людей, доведя их до панического страха.

Буквально неделю назад мы отмечали праздник весны Холи, и все население Гоа и Махараштры очень дружелюбно и доброжелательно относилось к белокожим туристам, хотя я принадлежал к этой категории весьма условно после полугода, проведенных в тропиках. Совершенно противоположная картина наблюдалась теперь, при моем возвращении из Дубая. Запуганные индийцы в масках и перчатках сторонились меня в аэропорту, как прокаженного. Были опасения, что меня не пустят на рейс, если вдруг повысится температура или перелет отменят, но все прошло как по маслу, и в третий раз за последние полгода я вошел в воздушное пространство Индии и даже приземлился, несмотря на все слухи вокруг пандемии, бродившие, как опавшая слива в бочке.

Сам я скептически относился ко всей этой противовирусной панике и мерам предосторожности, однако на всякий случай запасся парой перчаток и хирургической маской, чтобы не быть ограниченным в перемещении по общественным местам. Через пару дней власти официально объявили наличие маски и перчаток обязательным условием выхода на улицу.

Само собой, покидая самолет, я нацепил эти бесполезные, на мой взгляд, аксессуары – как минимум для того, чтобы обычные люди меньше шарахались от меня на улицах.

Аникует встретил меня на моем же (хотя формально принадлежащем ему) «эн菲尔де», и мы поехали к нему домой, где можно было в спокойной обстановке разработать дальнейший план действий в неожиданно сложившейся ситуации.

А ситуация не успокаивала ни малейшим образом. В СМИ, со слов Аникуета, шли разговоры о полном локдауне и закрытии границ между штатами. Мне очень не хотелось застрять в Махараштре, где из друзей у меня был только молоденький парень-каучсерфер – уже кое-что, но совсем не много.

Всем сердцем я рвался в Агру, а затем на север. Мои чув-

ства к Свити не давали мне покоя. Я понимал всю тщетность и безнадежность попытки, но мне было просто необходимо открыться и предложить Свити свою руку и сердце. Не сделать этого казалось выше моих сил. Это желание, по сути, двигало мною, исподволь координируя все мои действия. Изначально я планировал поездку в Гоа, но в Эмиратах пересмотрел свои намерения.

Из Мумбая до Агры – 1250 километров по кратчайшему пути, но из-за многочисленных участков ремонта на дороге я решил проложить маршрут иначе – длиннее на 200 километров, с ночевкой у водопада Хаджори, что примерно на полпути до Агры. Этот путь можно было преодолеть за два дня – теоретически и за день, но я не был готов к подобным подвигам: «наездник» из меня неопытный, и лучше было заложить на такое путешествие дня два-три.

Интуиция подсказывала, что надо торопиться, и я сразу же поехал закупать продукты, тент от дождя и трубку, чтобы сделать себе настоящий «боевой стафф», как мы, «файрщики», называем шесть с фитилями для файр-шоу.

Я позвонил Свити и сообщил ей, что выдвигаюсь завтра утром из Мумбая в сторону ее дома. Она радостно приняла эту весть, сказала, что у нее и ее семьи все хорошо и что они с нетерпением ждут меня в гости по знакомому мне адресу.

Ранним утром следующего дня, когда солнце еще только принявилось расписывать небо и все, что под ним, сочнейшей акварелью, слегка приглушенной утренними сумерками, я, тихо стрекоча, насколько это вообще возможно на Филе (именно такую кликуху заслужил мой «железный конь» – думаю, вы помните, как р-р-рычал Филя из «Спокойной ночи, малыши!»), выехал в направлении Агры.

Задача стояла добраться как можно быстрее, а потому я исключил из программы мотоброска просмотр любых достопримечательностей. Единственное, что я мог себе позволить, – это закат в каком-нибудь красивом уголке природы и последующая ночевка там же. На рассвете нужно было двигаться дальше, чтобы прорваться в Уттар-Прадеш до закрытия границ штатов.

В итоге я, конечно, скучавил сам перед собой и предусмотрил план «Б»: в случае, если доберусь до Вадодары до одиннадцати утра, посмотреть местные достопримечательности – многочисленные дворцы и храмы в окрестностях города.

Получилось так, как я и планировал: к одиннадцати доехал до Бароды (именно так этот город именовался раньше) и нашел удобную уличную парковку в тени огромных деревьев неизвестной мне породы.

В какой-то момент, прогуливаясь в окрестностях дворца Лакшми Вилас, я обратил внимание, что индийцы посматривают на меня неприязненными, даже ненавидящими взглядами, так что невольно захотелось прикрыть нижнюю половину лица банданой. Я так и сделал, и это несколько разрядило напряжение, но все-таки чувствовался дух непонятной злобы и смятения, витающий в воздухе.

В двухстах метрах на подъезде к байку, немного в стороне, я заметил, как трое полицейских избивали бамбуковыми палками щуплого «индийчика» лет двадцати пяти. Кровавое зрелище подстегнуло меня, и я машинально ускорил шаг, чтобы побыстрее оседлать Филю.

Уже сядясь на байк, я увидел, как один из полицейских поднял валявшийся неподалеку булыжник и с размаху опустил его на голову бедолаги. Не было никаких сомнений, что парень скончался от такого удара по голове, хотя издалека не удавалось детально рассмотреть то, во что превратилась чепушка.

Я спешно завел мотоцикл и рванул с места, унося ноги и колеса куда подальше. Мозг напрочь отказывался верить в то, что ему вещали глаза, но инстинктивно действовал под адреналином, который лился рекой. Впервые на моих глазах убили человека, причем совершенно зверским способом. Я задавался вопросами: «За что? Кем была эта личность?» – и гнал без оглядки, уворачиваясь от ударов бамбуковыми палками, наобум сворачивая в переулки, жители которых попрятались в свои хижины из-за беспорядков, стихийно хлынувших на улицы города.

То тут, то там я видел, как группы мятежников и полицей-

ских, утративших человеческий облик, избивали одиночек, и спустя непродолжительное время уловил закономерность: все избиваемые были без масок.

Добравшись до аэропорта, я проехал еще немного в сторону канала и спрятался в заросли вместе с двухколесным другом. Здесь можно было прийти в себя, выяснить последние новости в сети и списаться с друзьями, чтобы решить, как действовать дальше.

Я пытался понять, что вообще происходит. В голову лезли нелепые варианты. Самая жизнеспособная версия – революция – вызывала больше вопросов, нежели ответов. В то же время я находил во всем происходящем явные нотки зомби-апокалипсиса.

От Вадодары до Агры было три варианта пути: через Раджастан, через Мадхья-Прадеш, а третий маршрут пролегал примерно между ними, соединяясь с первым в районе Джайпуря.

После небольшого блиц-голосования среди моих фолловеров я решил ехать через Мадхья-Прадеш. Интуиция говорила, что там безопаснее.

О ночевке пока можно было забыть, хотя я на всякий случай выбрал и отметил на карте несколько вариантов предполагаемых убежищ. Также не подлежало никакому сомнению, что нужно обзавестись каким-нибудь оружием – хотя бы чем-то эффективным в ближнем бою, тоже на всякий случай.

На тот момент у меня был только швейцарский нож, которым в бою можно разве что самому себе отсечь пальцы. Моей программой-минимум было раздобыть пару крупных кухонных ножей: с их помощью на базе своего стаффа я смог бы соорудить что-то наподобие яри – японского древкового оружия, неметательного копья с клинками на обоих концах. Да и в принципе, говоря начистоту, хороший кухонный нож – это уже отличное оружие.

Я двинулся в путь, напялив шлем и закрыв лицо банданой – так местные не обращали на меня никакого внимания. В Годхре на развале я купил два крупных кухонных ножа с крепкими деревянными ручками и убрал их в кофры на Филе так,

чтобы они всегда были под рукой.

В этом городишке все еще было спокойно. Я взял уличной еды: самос и чикен-бирьяни – и поехал дальше, чтобы утолить голод где-нибудь вне населенных пунктов, в стороне от людей. Километрах в пятнадцати от Годхры обнаружилось небольшое живописное озерцо. Я остановился на пустыре под баньяном неподалеку от храма и приступил к трапезе.

Помимо фаст-фуда, который пока еще работал, но по сводкам из Интернета, стихийно закрывался то тут, то там, у меня был запас консервов и «бомж-пакетов», а также сладкого печенья, соленых галет и чаванпраша – особого, как считается, целебного джема из фруктов со специями – на несколько дней пути.

Я созвонился со Свити, и она сообщила тревожные новости: в Агре начались беспорядки. Сказала, что мама очень волнуется за меня. Это было взаимно – я тоже волновался за них. Однажды во время моего гостевания в Агре, в ночь после свадьбы, вся семья спала, заперев дом на ключ, и тогда мне невольно пришлось разбудить Свити, чтобы она открыла мне входные ворота. На следующее утро я спросил Свити: «А зачем вы закрываете ворота, если при желании можно легко пролезть сверху, над ними?» Такой трюк, конечно, не прошел бы беззвучно из-за скрипа, но едва ли это остановило бы злоумышленников. Безопасность всего семейства была под угрозой. Утешало лишь то, что у папы хранилось огнестрельное оружие для самообороны, а это в сложившейся ситуации представляло серьезный козырь.

Я уже доедал бирьяни, когда в чат «Гоа Клиник» в телеграмме пришло сообщение от Димы: «Местные мастера научились растачивать и настраивать выхлопные трубы „эн菲尔дов“ таким образом, чтобы звук двигателя один в один походил на длинную очередь из автомата Калашникова. Логическая схема в сочетании с инстинктом самосохранения новоявленных „зомби“ тотчас отводит их в сторону от объекта, имитирующего звук стрельбы». Тут же у нас завязался диалог в чате:

– Глюк, ты серьезно считаешь, что это зомби-апокалипсис?
Что у вас там происходит?

– Мэш, я только что видел, как шестеро в масках замочили молодую пару «пакетников», выходивших из супермаркета с сумками продуктов. Просто. За то. Что они. Были. Без масок. Продукты, конечно же, отобрали.

– Пиздец. Я тоже тут уже успел осознать кое-что. Слу, а откуда механики могли так быстро узнать про эту фишку с глушаком «энфилда»?

– Да это старый гоанский понт, который наложился на свежие впечатления, вот и родился креатив.

– Так ты реально знаешь гаражи, где могут сотворить такое с глушителем?

– Ага. Более того, еще сделают переключение режимов на ходу в боевой и обратно. То есть количество выстрелов в очереди сможешь сам контролировать.

– Отлично! Давай сделаем так. Тут неподалеку я видел гараж. Рольставни были закрыты, но я все же попытаю удачи по телефону. Скинь мне, плз, телефон своего умельца, свяжу их напрямую, и возможно, это действительно сработает. Мне надо как-то проехать еще 800 километров.

– Лол, я вообще-то пошутил, но чем черт не шутит! Прошу прощения за каламбур))) – отрапортовал Глюк.

По счастливой случайности мотомеханик оказался-таки свободным и находился поблизости. Он созвонился с гоанским гуру, и тот за пару «батлов» вискаря, которыми Глюк безотлагательно снабдил кудесника, раскрыл технологию великого понта. Я же во время зомби-адаптации Фили дополнил Димин креатив и вырезал маленькой ножовкой, которая была в наборе «швейцарца», модель АКМ-47 из сухой доски, сгладив неровности и добавив рельефной реалистичности лезвием ножа. Тут же покрасил его имевшейся в гараже черной краской, а кроме того, как и планировал, соорудил яри из стаффа и двух ножей. Кевларовые фитили я решил оставить в конструкции – на всякий случай.

Через пару часов все было готово, я отблагодарил слесаря-механика и двинулся дальше.

Нашу с Глюком безумную тактику я проверил на первом же блокпосте. «Усачи», как обычно, перекрывали дороги в не-

которых местах, проверяя документы у проезжающих, только теперь усы прятались под масками. Полицейские не пользовались никакими спецсредствами для работы с населением – лишь собственными телами и бамбуковыми палками.

Останавливаться на блокпосте не хотелось. Еще меньше хотелось разгоняться и идти на таран на мотоцикле – последствия могли быть непредсказуемыми. Мой план был следующим: метров за пятьдесят до поста достать из кофра модель «калаша», а метров за двадцать «открыть стрельбу».

Эффект оказался потрясающим. Уже за десять метров до КПП последний полицейский запрыгнул за бетонные ограждения по краям дороги, и я с диким ржанием (потому что это действительно выглядело очень смешно, как в болливудском боевике, ей-богу) и с короткими очередями успешно миновал первый блокпост. Метрах в десяти за ним я заметил несколько мертвых тел вдоль дороги: двух индийцев без маски и одного белого. В маске. Хм. В моей теории была пробита брешь.

Однако как же быстро выработалась привычка к смерти вокруг! Зрелище мертвых тел уже не вызывало столь бурных эмоций, как в первый раз. Я сразу же вспомнил свой духовный опыт в Варанаси и некоторое время размышлял об этом, пока полностью не переключился на навигатор и дорогу.

Мысли падали звонкими каплями на темя, будто под древней китайской пыткой. Да, это были всего лишь минуты, но сознание находится вне времени и, как черная дыра, позволяет вместить в себя объемы, которые в обычное время собираешь годами.

Подобная бесконечность сознания и порождает своеобразную вечность души. Только эта вечность лежит вне времени – вне любых векторов.

Получается, что вечность всех увиденных мною сегодня мертвцев подошла к концу?

Доехать до Агры засветло я, конечно, не успел. Осталось примерно двести километров, и в районе Шивпури навигатор предложил свернуть в сторону водохранилища Мадикхеда, на берегу которого я рассчитывал высаться до первых лу-

чей горячо любимого мною светила (с большой надеждой на взаимность – по крайней мере судя по моей «камуфляжной» окраске в виде конопушек).

В обычной обстановке можно было бы продолжить движение и в сумерках, даже несмотря на «мухин час», но я понимал, что тактическая уловка с автоматом, а точнее, его мульяжом может работать только при свете дня. Впрочем, впоследствии выяснилось, что это не так и с учетом небольших изменений в сценарии моя хитрость прекрасно справляется с задачей прохождения блокпостов в темноте. Нужно лишь поставить на телефон, а лучше – на планшет, специальное приложение, разработанное Глюком по моей просьбе. Программка с максимальной яркостью запускает на экране анимацию выстрелов в темноте, ориентируясь на звуки автоматной очереди из глушителя. Вот только открывать стрельбу нужно заранее – метров за пятьдесят, и тогда успех гарантирован. Но это было позже, а тогда я подкрепился горячим чаем с чаванпрашем и лег спать.

Утром я быстро вскипятил воду для кофе и в бодром темпе позавтракал, чтобы немедленно выехать. Оставшиеся двести километров удалось преодолеть практически без проблем: я с легкостью миновал два поста полиции и несколько нападений со стороны обезумевших в масках. Однако везение не могло продолжаться так долго. Следовало ожидать от провидения какой-то подлянки, и оно оказалось до педантичности пунктуально.

Буквально за пятьдесят километров до цели у меня лопнул тросик сцепления. Это довольно часто происходит в Азии из-за высокой влажности, вызванной сезоном дождей и, как следствие, повышенным воздействием коррозии.

Я спрятал Филю в кустах и отправился на поиски гаража, где можно было исправить поломку. Самому мне не удалось бы справиться, так как я не взял с собой никакого инструмента – это не делает мне чести как путешественнику, хотя и было оправдано спешностью моих сборов. В паре километров от места поломки я все-таки нашел гараж, но ворота оказались закрыты, и внутри не ощущалось признаков жизни. Тогда я

стал аккуратно стучать во все близлежащие ставни. С третьей попытки я, на свою удачу, выступал какого-то мадхьяпрадешского парнишку лет пятнадцати, и он вызвался мне помочь. Кое-как, больше жестами, я объяснил ему, в чем проблема, и, захватив набор инструментов, новый тросик на всякий случай и небольшой ассортимент еще каких-то расходных запчастей, мы на «активе» с копьем яри наперевес, как рядовые всадники апокалипсиса, выехали в направлении моего Фили.

Копье, между тем, получилось отменное. Материал грипа – обмотки – удобно и мягко ложился в руку, амортизируя удары и исключая какое-либо скольжение. При хорошо поставленном ударе такое яри способно было перерубить руку средних размеров. Два тридцатисантиметровых лезвия по краям очень хорошо могли и колоть, и рубить мягкую плоть. Впрочем, пока эти свойства мне еще не пригождались, и достаточно было грозного вида самого оружия, чтобы мародеры начинали менять траектории движения, сворачивая куда-нибудь, лишь только завидев копье у меня в руках.

Нам нужно было проехать буквально два с половиной километра, и даже на этой короткой дистанции мы умудрились нарваться на две группы агрессивно настроенных индийцев, которые пытались нас сбить камнями, однако подходить вплотную боялись.

С нами не было звукового оберега Фили, выручавшего меня все эти долгие переезды на границах между штатами. Да и в обычных селах, где озверевшие жители пытались под предлогом вируса уничтожить всех, кто отличался цветом кожи, трюк с АК спасал безотказно.

И вот появилось заветное убежище. Мы заехали в заросли, и Джиту (так звали механика-подростка) приступил к ремонту. Я же начал готовить обед из лапши, соевого мяса и вкусного острого соуса, похожего на нашу аджику. Именно об этом мы и договорились в качестве оплаты ремонта: продукты питания в последние дни очень поднялись в цене, после того как все магазины оказались закрыты, а сообщение внутри страны остановилось, нарушив всю логистику поставок провианта. Если еще вчера можно было с легкостью купить все, что угод-

но, то сегодня я не встретил на своем пути ни одного открытого магазина. Положение становилось все хуже и хуже. Когда-то я в шутку, в угоду своей анархической сущности, мечтал об апокалипсисе, желательно с приставкой «зомби». Было похоже, что мои грезы начали воплощаться.

Только вот, как обычно, мечты разбились о непрошибаемую стену реальности. Уже потом я понял, что срубать или отстреливать человеческие головы не приносит никакого удовольствия.

Отдельно оплатив Джиту запчасти и одарив его банкой острых сардин, я отправился в дорогу, в свои последние пятьдесят километров среди обезумевших полицейских и обывателей, потерявших человеческий облик. На пути лежали десятки, а возможно, уже и сотни трупов без масок. Тела были разбросаны то тут, то там и начинали смердеть под жарким индийским солнцем, привлекая на трапезу миллионы мух.

В такие моменты я ускорялся, чтобы быстрее проехать зловонные участки, но иногда это было сложно из-за черного, едкого дыма от горящих покрышек, по непонятным причинам сжигаемых повсюду.

В какой-то момент из-за дымовой завесы я попросту не заметил очередной блокпост, когда мне наперерез побежал полицейский, стреляя из пистолета. Я выжал максимум из Фили, нырнув в черное облако, и тут же взлетел на «лежачем полицейском», протаранив в грудь вооруженного настоящим «калашниковым» стражи порядка.

Филя приземлился задним колесом прямо на череп бедолаги. Я с трудом удержал руль и баланс, чтобы не завалиться после встречи с таким препятствием. Сразу же затормозив, я сбежал за стволом – было глупо не воспользоваться такой возможностью и не завладеть трофеем.

Полицейский, конечно же, не выжил после полученных травм, но в той ситуации мне не пришлось делать выбор. Убийство произошло непреднамеренно, а в противном случае, скорее всего, я схлопотал бы пулю из последовавшей вслед очереди. Тогда у меня просто не было времени на размышления – пресловутый инстинкт самосохранения делал

из меня жестокое, расчетливое животное, способное убить и намеренно, если того потребуют обстоятельства.

Завладев оружием, я рванул дальше. Я был уже на подступах к Агре – оставалось километров пятнадцать, не больше. Настоящая штурмовая винтовка как-то сразу придала мне уверенности, но впрочем, я по-прежнему пользовался мнимыми очередями из глушителя в целях экономии патронов. Одной обоймы надолго не хватит, а внешнего вида настоящей пушки со звуковым сопровождением было достаточно, чтобы распугивать толпы на моем пути.

И вот уже знакомый перекресток Мадху-Нагар с автобусной остановкой, поворот на Деври-роуд, еще немного – и покажется пруд, а точнее, болото на Сайник-Вихар. Вот он, тупиковый проулок, ведущий к дому Свити. Похоже, здесь все тихо, беспорядки пока не добрались сюда. Я дал последнюю предупредительную «очередь» и свернул на последние, судьбоносные пятьдесят метров.

Металлические въездные ворота, аккуратно выкрашенные в цвет темного шоколада и заботливо украшенные мишурой колючей проволоки, кто-то уже открывал изнутри. Молодец глава семейства – смекнул, что к чему, и своевременно фортифицировал убежище: сразу видна практичность бывалого вояки.

Я въехал по пандусу внутрь дома, спрыгнул с Фили и припал на одно колено, коснувшись папиной стопы, а папа, в свою очередь, благословил меня, притронувшись к моей лысой обгоревшей, пятнистой, словно леопардовой, макушке. Такое же благословение последовало и со стороны мамы, которая, как обычно, возилась с готовкой на кухне, но тотчас выбежала на звук мотоцикла. Мы обнялись и начали оживленно обсуждать происходящее, но в первую очередь я поинтересовался, где Джай и Свити.

– Они уехали за продуктами в магазин воинской части. Только там сейчас можно что-нибудь купить, – ответила мама, а я удивился тому, как хорошо я ее понимаю и сам изъясняюсь на хинди. Неужели знание языка пришло ко мне вот так само собой, без каких-либо усилий с моей стороны? Это пора-

зило меня буквально на мгновение, и разговор продолжился. Сначала я поведал о своих приключениях по возвращении в Мумбай. Слушая меня, мама постоянно вздыхала и взволнованно кивала.

Затем папа рассказал, что буквально накануне вечером ввели военное положение – да-да, именно военное, а не чрезвычайное. Семьям военнослужащих выдали штурмовые винтовки, по единице на каждого совершеннолетнего члена семьи, и велели сделать запасы еды, чем и занимаются сейчас Джой и Свити. Они перетаскали уже больше двух центнеров дала и центнер риса. Основная проблема в том, что ехать на мотоцикле одному очень опасно – повсюду устраивают засады с целью отобрать еду, поэтому Свити едет «вторым номером» и в случае необходимости отстреливается. Я представил себе эту картину и улыбнулся. А уж как смеялся папа, когда я поведал ему про наше с Глюком изобретение!

Я не был голоден, ведь мы с мастером уже поели после ремонта Фили, и было решено подождать молодежь, чтобы побороть всем вместе. Конечно же, мы немедленно стали пить чай с моими любимыми ладху – лакомством в виде сладких шариков с орехами, – приготовленными Свити, и дальше болтать о том-о сем. Было заметно, что родители взволнованы в ожидании детей: те задерживались – вполне возможно, по уважительным причинам. Созвониться с ними не было никакой возможности, так как мобильную связь отключили еще ночью. Об Интернете и речи не шло. Работали лишь отдельные АТС, обеспечивавшие некоторые районы связью по стационарному телефону.

Всем офицерам запаса, к которым принадлежал и пapa Свити, выдали по несколько мобильных радиций, но без усиливающей антенны радиус их действия существенно снижался. До воинской части было около пяти километров, и большую часть пути до магазина сталкеры оставались без связи со штабом.

Главными вопросами, которые я задал хозяевам, были – что творится и чего следует ожидать? Ответ я так и не смог получить. Военные тоже хотели бы знать что-то о ситуации,

но командование не спешило их информировать. Да и владеют ли они сами информацией о том, что происходит с нашим сумасшедшим миром?

За размышлениями и разговорами прошел еще час, а это значило, что до темноты оставалось всего два-три часа. Нужно было ехать на поиски ребят.

Я быстро сгрузил с Фили вещи, принял от папы пару рожков от АК и зарисовал карту пути до воинской части, выслушав подробные объяснения и пометив ориентиры.

Медлить было нельзя, так как в темноте поиски были не только бесполезны, но и опасны.

Я выбрался по узким улочкам Сайник-Вихара к главной дороге, стараясь придерживаться того маршрута, что мне продиктовал папа. Ехать быстро было невозможно из-за ограниченной видимости – повсюду валялись горящие автомобильные покрышки, попадались и трупы.

Через пару километров я услышал перестрелку как раз впереди по ходу моего движения и подготовил оружие к бою. Немного разогнавшись, заглушил двигатель и медленно подкатился поближе к месту стрельбы. Там я увидел, как трое индийцев пытаются выкурить кого-то из убежища – швейной мастерской, явно не так давно выстроенной, с железобетонными стенами и перекрытиями. Отстреливавшиеся укрепились на крыше – неплохая огневая точка.

Я оставил Филю метров в трехстах и стал короткими перебежками продвигаться вдоль по улице к баррикадам, за которыми скрывались осаждавшие.

Метров в тридцати я выбрал позицию за стареньkim «амбассадором» классической модели, сделал несколько одиночных предупредительных выстрелов и прокричал:

– Ребята! Я не хочу никого убивать, мне нужно только пробраться дальше в сторону воинской части! Кого вы там пытаетесь завалить?

– Что тебе там понадобилось, в этой части? Жрачка уже кончилась, вот пытаемся забрать последнее, да эта парочка не дается, черт их подери! Давай, проваливай, пока цел! – грубо отшил меня один из стрелявших.

– Братишки! У вас пистолеты, а у меня «калаш». Со своей позиции я вас быстро перестреляю, пикнуть не успеете, – урезонил я их. – А потому не советую встревать. Так что там за парочка?

– Да пацан с девчонкой рис везли. Мы их байк подбили, и они теперь скрываются в этой артели, – более мирным тоном ответил переговорщик.

И вдруг чуть дальше с крыши я услышал крик Джоя:

– Мэш! Это ты?! Добро пожаловать в Агру! Такой ты ее еще не видел! Ха-ха-ха! Впрочем, и мы ее такой видим впервые.

– Я! Рад тебя слышать! Со Свити все в порядке? – взволнованно прокричал я в ответ.

– Да! Я здесь! Мэш! Как здорово, что ты вернулся! – ответила Свити своим ярким и нежным голосом.

– Бро, ты не мог бы оказать нам услугу и перестрелять этих молодчиков? А то они нам уже изрядно поднадоели, – вполне логично продолжил беседу Джой.

– Никаких проблем, братишка! – и не успел я докричаться эту фразу до конца, как герои-мародеры бросились из-за баррикад врассыпную через тесные капилляры пыльных переулков.

– Джой, что с твоей рацией? Выбирайтесь по одному, я буду вас прикрывать.

– Рацию прострелили, байк тоже. Принято! Жди нас!

Оставались считанные секунды до долгожданной встречи с друзьями. Я сменил позицию, устроившись среди баррикад, и буквально через сорок секунд увидел Свити, груженную рисом – она несла килограммов двадцать пять, не меньше, обвесившись тяжеленными сумками и держа в руках автомат. Как же мне хотелось подбежать и обнять ее! Но это было бы слишком опасно и равносильно безумию – всем остаться без прикрытия ради минутной слабости. Мы обменялись взглядами без слов – такими сияющими в чуть влажных от счастья глазах, и это было равносильно самым крепким объятиям, на которые только способны мужчина и женщина. Сцена длилась не больше пары секунд, но их оказалось достаточно, чтобы все прочувствовать и понять.

Мне оставалось только быстро объяснить Свити жестами,

в каком направлении двигаться к мотоциклу, и продолжить прикрывать Джоя. Тот уже показался, таща свои сорок килограммов риса. Я подхватил часть сумок, и мы побежали к Филе.

– А где туалетная бумага? – спросил я Джоя во время этой пробежки.

– Иди к черту, Баба!

Мы рассмеялись и приступили к погрузке риса на Филю.

– И все-таки удивительно, что они пробили движок вашей «хонды», рацию, которая, кстати, спасла тебе жизнь, – а в мешках ни одной дырки.

– Мэш, не обижайся, но ты слишком любишь поболтать. Не отвлекайся, пожалуйста, и поехали уже скорее, наа?

Я и не обижался. Не всегда, но в некоторые минуты я действительно становлюсь чересчур разговорчивым. Был как раз один из таких моментов.

Закончив с погрузкой риса, я сел за руль, вслед за мной – Свити, последним устроился Джой, благо вся троица не отличалась избыточным весом и габаритами. Мы тронулись, и теперь уже брат с сестрой сообща с разных сторон прикрывали нас автоматным огнем.

Домой мы доехали быстро, минут за десять – до заката оставалась еще уйма времени. Папа моментально открыл ворота, и, пока я завозил мотоцикл, родители и дети поспешили обнять друг друга. Я слез с Фили, и Свити сделала шаг в мою сторону. В следующую секунду уже обнимались мы. Нет, в этих объятиях не было сексуального подтекста, и все же они были столь нежными и обволакивающими – будто бы я в жаркий день прыгнул со скалы в прохладный священный поток Ганга, воды которого подхватывают гречное тело и заботливо несут вниз по течению.

Мы соприкоснулись лбами и некоторое время – сейчас уже сложно понять, сколько это длилось – близоруко смотрели глаза в глаза, не выпуская друг друга из объятий. Подспудно я начинал понимать, что подобное поведение при родителях, возможно, непозволительно, а впрочем, я доверял Свити и надеялся, что она не допустит дурного в наших действиях.

Мы улыбались друг другу, как дети, а ее голос шептал мне какие-то странные глупости. Тут я словно совершил оборот на месте на триста шестьдесят градусов и понял, что Джой, мама и папа очень быстро фрагментарно исчезают: сначала ладони, потом ступни, ноги, руки, туловища, и, наконец, тело каждого схлопывалось до одной улыбки, которая тоже превращалась в черную точку и исчезала.

Меня изрядно встряхнуло, а затем я провалился вместе со Свити куда-то в подземную глубину. Рядом уже никого не было, и я осмелился на поцелуй. Ее губы без колебаний приняли мои. Это было ни с чем несравнимое удовольствие – нет, не так: квинтэссенция экстаза.

Мои ощущения перестали принадлежать только мне – это были наши общие переживания: что-то новое, ранее неизведанное. Издали послышалась музыка, один из моих любимых псай-транс треков – «Lullaby» (англ. «Колыбельная») от Psigh, тонкий, убаюкивающий женский голос, распевающий на непонятном языке. Эта же мелодия стоит у меня на будильнике, хотя в какой-то момент я перестал ставить любимые треки на будильники и звонки – иначе моя любовь к ним впоследствии исчезала.

Звук колыбельной нарастал, к нему начала примешиваться жужжащая вибрация – мозг вырвал из реальности: «Ты проснулся, чувак! На самом интересном месте, хе-хе!»

Это было серьезное потрясение. Я уже окончательно принял окружавшую меня реальность и свыкся с тем, что рядом были и Свити, и убийства, и зомби, и вообще полный три-четырнадцать-пятнадцать-...здец. Погрузиться в такое – и проснуться под звуки будильника где-то в районе Джумейры-2 в Дубае, в душной комнате с назойливыми мухами, чтобы успеть на самолет до Мумбая, как минимум обломно. Сразу же стало ясно, откуда взялись столь прекрасные познания в хинди. Вот балбесина!

Удивительно еще и то, что я перестал помнить сны больше двадцати лет назад. Наверняка они мне снятся, но просыпаясь, я не помню ровным счетом ничего. И тут – пожалуйста, целый survival thriller, который еще и полностью запечатлел-

ся в памяти.

Только одна мысль заставляла мою сонную физиономию расплываться в улыбке: я все-таки лечу в Индию, к близким мне людям, и скоро встречусь со Свити.

Но не тут-то было. Не успел я позавтракать и почистить зубы, как пришла смс-ка, что мой рейс до Мумбаи отменяется в связи с закрытием международного сообщения из Арабских Эмиратов по причине все той же пресловутой «короны». Ничего другого не оставалось, как остаться гостить на вилле у Таси с Гогой, тем более что в ближайшее время они собирались переезжать на загородную ферму с финиковыми пальмами, верблюдами, козами и, конечно же, пустыней с барханами. Все это мне виделось в перспективе как коммуна художников.

Однако планам оказалось не суждено претвориться в жизнь.

С закрытием государственных границ в эмиратах Дубай буквально сразу же был введен очень жесткий локдаун: комендантский час с восьми вечера до шести утра, обязательное ношение масок и перчаток абсолютно везде – даже при поездке в одиночку в собственном автомобиле. Естественно, за нарушение этих правил чрезвычайного положения грозили огромные штрафы. При этом в других эмиратах меры для борьбы с вирусом были не столь жесткими.

Чуть позже правительство ввело пропуска на перемещение, получить которые можно только по местной сим-карте, а ее у меня как раз и не было – я же не планировал надолго оставаться в Эмиратах, прилетел всего на пять дней.

Тогда-то мне и пришла в голову идея выразить все это безумие локдауна, и небывалого сна, и предшествовавшего странствия в форме букв, сложенных в слова, когда, проснувшись, я перепрыгнул из одной реальности в другую, будто перейдя сквозь зеркальную гладь. Мое путешествие длилось с начала октября, а теперь я, запертый на так называемый карантин, пропускаю белградскую весну – одну из красивейших весен во всем мире. Сколько это заточение должно продлиться, было абсолютно неясно.

О дивный новый мир!

Я и представить себе не мог, что так скоро стану героем антиутопического романа, но там, в Дубае, со мной случилось именно это.

Ровно месяц прошел с моего прилета на Ближний Восток, и большую его часть я провел в изоляции на вилле с парой художников и ливанскими братьями. Ситуация в мире складывалась так, что от меня ускользала последняя надежда вернуться в Индию, поскольку страна закрылась для туристов. Вернуться в Сербию я тоже не мог: попросту не было рейсов. Единственный вывозной рейс до Белграда я пропустил, так как не представлял, как проходить карантин без жилья. Остановиться по каучсерфингу или у друзей не представлялось возможным – в новых реалиях это было еще и противозаконно. А остаться без ВНЖ из-за глупого нарушения дурацких законов меня тоже не прельщало. Никто не владел точной, действительно полезной информацией, а из ленты постоянно лился поток негативных новостей, даже если у них была и хорошая сторона. Например, неоднозначной была новость, гласившая, что туристические визы для всех, кто застрял в Эмиратах, автоматически продлеваются до конца года. На дворе, между тем, стояла только середина апреля. Совсем не хотелось торчать в этом полицейском арабском государстве до 31 декабря – момента, до которого продлили турвизы, – но тогда вырисовывалась именно такая перспектива.

Мне, несомненно, повезло, что удалось остановиться у друзей на вилле, где был внутренний двор, а значит, возможность погулять, потренироваться с шестом и даже пожарить шашлыки. Еще я мог в любой момент подняться на крышу, полюбоваться оскалом зубов-небоскребов и позагорать с «киндалом» в руках. Кстати, именно на этой дубайской крыше я впервые прочитал «Мы» Евгения Замятиня. Так получилось, что ранее эта книга, оформленная автором как двадцать конспектов, ускользала от меня, но теперь атмосфера происходившего вызвала неистребимое желание ознакомиться со всеми антиутопиями, к которым я не притрагивался прежде.

Дни однообразно стекали в горлышко колбы песочных часов, не принося с собой ничего нового, и каждую ночь я лишь

Дубай. Марина

Хор-Факкан

переворачивал эту склянку вверх ногами, погружаясь в пучину горячего тропического сна (да-да, сны продолжили сниться и запоминаться, складываясь иногда в многосерийные истории).

Температура за бортом ежедневно повышалась, и теперь ее показатели были близки к сорока градусам в тени. Такая здесь весна в апреле, но можно было догадаться, что летом предстоит жара еще хлеще.

С мая-июня пятую точку будет обжигать кипятком из гигиенического душа, ведь вода поступает туда из баков на крыше. Именно поэтому водонагреватели в «несезон» приобретают противоположную функцию – сохраняют комнатную температуру своего содержимого. Из холодного крана течет горячая вода, а из горячего – холодная.

Кондиционер в моей комнате сломался, и мозги плавились от жары, а потому, помимо творчества, лентяясь в состоянии анабиоза, я, бывало, просиживал часы в фейсбуке, а то и в тиндере, листая «кандидатуры» влево и вправо. В основном влево и в основном прости... меня Аллах... туток. Тут, в Эмиратах, это среднестатистический контингент тиндера. Отвратительные, накачанные силиконом губы, груди и попы. В какой-то момент я просто задался этим вопросом непосредственно в своем профайле: «А есть ли здесь нормальные девушки?! Не проститутки!»

И буквально на следующий день я «совпал» с одной симпатичной филиппинской девушкой, на шесть лет младше меня. Две недели мы переписывались с ней в телеграмме (да-да, она оказалась продвинутой в плане коммуникаций) и вот наконец решились на свидание в разгар пандемии. Тогда и началось самое интересное.

Как я уже говорил, в Дубае ввели самый жесткий режим локдауна из всех эмиратов. Чтобы выйти из дома, например, в аптеку или продуктовый магазин, следовало получить разрешение по одной из целей «первой необходимости», причем делалось это исключительно по местной сим-карте, которой у меня не было.

За несколько дней до описываемых событий правило уже-

сточили: теперь разрешение можно было получить только раз в три дня, но к счастью, со дня моего последнего визита в алкогольный магазин прошла уже неделя. Подобные закупки я совершил скорее с целью банальной прогулки, но и допинг для принятия новой отвратительной реальности тоже был необходим, так как захваченный из Индии чаррас на тот момент подошел к концу.

Утром я попросил Тасю оформить мне разрешение по ее сим-карте. Однако выяснилось, что на одну сим-карту можно зарегистрировать только одно разрешение в течение трех дней, а Тася использовала эту квоту для себя еще вчера.

Слава богу, у моей новой филиппинской подруги Дианы оказалась лишняя сим-карта, и в последний момент она смогла оформить «пермит» (разрешение) на мою, а точнее, нашу общую вылазку.

Я аккуратно срезал во дворе несколько побегов бугенвиллеи – здесь они растут повсеместно в виде крупных кустов, – поставил ветки с красивыми розовыми цветами в бутылку из-под колы, налил воды, упаковал в плотный темный пакет, затем в рюкзак и отправился на свидание.

Мы договорились встретиться у продуктового магазина примерно на полпути между нашими домами. Диана чуть-чуть опоздала, как и полагается девушке, но все же встреча состоялась. Как вы понимаете, узнать друг друга в масках не так уж просто, но людей на улицах почти не было, и потому мы справились и с этой задачей. Диана сразу же вручила мне сим-карту, и я почувствовал себя свободным человеком, за что ей огромное человеческое спасибо!

Мы прогуливались среди стеллажей супермаркета и общались. Диане нужна была определенная смесь для выпекания блинов, но здесь ее не нашлось. Мы пошли в другой магазин, уже ближе к дому Дианы, а по пути я подарил ей цветы – естественно, в пакете, чтобы не увидел случайный полицейский патруль и не заподозрил нас в преступном свидании. Пакет, впрочем, я убрал обратно в рюкзак, чтобы вручить его еще раз уже у дома, до которого проводил Диану, злостно нарушив все мыслимые правила. Мы еще немного пообщались

у подъезда, она сняла маску и улыбнулась – я улыбнулся в ответ, тоже приспустив маску на подбородок. Время поджидало, так как разрешение действовало максимум три часа, а нужно было еще успеть вернуться домой, зайдя по дороге в магазин, где собирались толпы людей, выстраиваясь в огромные очереди непосредственно перед комендантским часом. И я отправился в обратный путь.

Уши уже болели у основания – их сдавливали резинки маски. Я спешил домой в новых сандалиях, купленных в Бомбее, и к тому моменту они до крови натерли мне ноги. Глаза щипало от пота, скатывавшегося по горячemu лбу. Горько-соленая влага у края маски частично попадала в уголки глаз, а частично просачивалась дальше и застrevала в щетине между щеками и маской. И все-таки я благополучно преодолел дистанцию до места, обозначенного в «пермите», не встретив по пути ни одного патруля. Или мои сталкерские навыки растворили полицейских в раскаленном дубайском воздухе, или они все были на намазе, но так или иначе, мне везло. До дома оставалось примерно два километра – с этого момента прогулка перешла в статус легальной. Я снял сандалии, но это не очень помогло: теперь приходилось перебегать от одного островка тени к другому по раскаленной тротуарной плитке.

Так, за десять минут до окончания действия «пермита», я добрался до дома с обожженными ступнями, но все-таки счастливый и довольный своими приключениями.

Я поторопился и, не обдумав, выложил в сеть текст о встрече с Дианой. Само собой, нужно было ограничить доступ к публикации для Таси и Гоги, так как впоследствии тема свиданий обернулась для меня серьезными неприятностями.

Дни в изоляции продолжали докучать своим однообразием. Иногда на ужин мы жарили мясо на мангale и практически каждый вечер играли во дворе в преферанс или покер под доносившиеся из громкоговорителей трели муэдзинов и следовавшие сразу за ними предупреждения о комендантском часе. Леру не очень радовали наши карточные пристрастия, ибо сама она не была любительницей такого времязпрепровождения, а потому не питала к нему никакого интереса и не

хотела научиться играть хотя бы в покер.

Все наши посиделки сопровождались немалым количеством алкоголя, покупаемого в тридорога в ближайшем магазине. Дешевые магазины были или недоступны из-за невозможности оформить «пермит» для дальней «прогулки», или попросту закрыты в ходе безжалостной борьбы с эпидемией.

День рождения Кота мы отмечали через видеосвязь. Она сидела у себя дома в Шардже, мы – у себя во дворе на вилле, однако это не помешало нам всем тогда прилично напиться. И все же, в отличие от остальных, я старался ограничивать себя в потреблении зелья и не пил до захода солнца, как истинный мусульманин. Перед закатом я тренировался с бамбуковым шестом, а уже после тренировки давал себе волю в рамках разумного. В ситуации полной неопределенности нужно было как-то снимать стресс. Пытка неизвестностью очень давила на мозг, кому-то в меньшей степени, кому-то в большей. Кот периодически устраивала истерики на тему «мы все умрем!», и не согласиться с ней было невозможно.

Я же старался уходить от негативных мыслей, погружаясь в чтение и живопись. Здесь я впервые попробовал писать маслом, создав две пейзажные работы, посвященные Индии, благо у Гоги и Таси, художников, были и краски, и кисти, и холсты, и растворители, и конечно же, мольберты – все, что нужно для творчества.

Однако все равно душа требовала свободы – хотя бы свободы выбора. Я же – впрочем, как и все, – был лишен этой привилегии. Запертые в четырех стенах, как в тюрьме, мы были вынуждены общаться только друг с другом. Отсутствие выбора в этом смысле меня несомненно угнетало, хотелось вырваться наружу, чтобы поговорить с кем-нибудь еще – или хотя бы просто пройтись рука об руку со священным молчанием на устах.

Диана игнорировала мои предложения встречи, хотя мы мило общались в «телеге». Причины находились разные: то серьезная загруженность по работе, то болезнь, а возможно, ее соседки по квартире запретили свидания в разгар бушующей эпидемии. Я же как человек свободный от обязательств

познакомился в тин들ере с еще одной девушкой – из Нигерии. Встретиться с ней было слегка проблематично, так как она жила в соседнем эмирате, то есть не очень близко, и трехчасовое ограничение на выход из дома мешало нашей встрече.

И вот во время очередной онлайн-пьянки с Котом все стали расспрашивать меня про Диану, а я по глупости и недальновидности схвастнул и рассказал, что у меня в «арсенале» еще и нигерийка есть.

Тут началось такое...

– Зай, ты ебанутый? – совершенно спокойно спросила Кот, на что я мог только улыбаться и соглашаться, ведь судя по многим моим поступкам, для них, да и для многих, я был отчаянным персонажем. Desperados, jebiga (сербское матерное ругательство, аналог «мать его»)!

– Действительно, Мэш, это уже слишком! – тут же насела Тася. – Ты знаешь, кто такие нигерийцы?! Да это самый криминализированный класс здесь. Мэш, тебя просто приведут в квартиру, в которой будет сидеть пять нигерийцев, и вытрясут все деньги!

– Тась, пожалуйста, не нагнетай. Нельзя с подобными стереотипами подходить к таким вопросам. У тебя и индийцы все плохие, а это в корне не так! – попытался я ее урезонить, но тяжелой артиллерией из 2,4-гигагерцевого эфира выстрелила Кот:

– Ты хоть представляешь, в каких условиях она живет? Там их десять в одной комнате, и неизвестно еще, кто и чем болеет!

Лера, уже в сильном подпитии, до того все время с азартом поддакивала подругам, но в тот момент полноценно включилась в побивание словесными камнями и, практически визжа, выпалила:

– Да-а-а, Мэ-э-эш, я не хочу, чтобы ты принес всю эту заразу сюда!

– Ну, не собирался я с ней встречаться! Она далеко живет, в Шардже. Мы просто в чатике общаемся, – попробовал я их успокоить, но они перешли уже на новый виток, выбирая камни покрупнее.

– В Шардже? – с интонацией директора школы переспросила Кот. – Я в Шардже живу. Тут этих нигерийцев до хрена, и я знаю, в каких условиях в «шерингах» живет это отребье...

Экзекуция продолжалась по кругу в том же духе и не думала заканчиваться. Гогины попытки вступиться за меня лишь раззадоривали девочек. В итоге мне ничего не оставалось, как пожелать всем спокойной ночи и покинуть кухню, где совершалась порка.

Я вернулся к себе в комнату и погрузился в просмотр индийского сериала «Махабхарата» на сон грядущий, но не прошло и часа, как в комнату завалилась изрядно подвыпившая Тася и затянула старую песню про смертельно опасных нигерийцев. Я поначалу пытался прийти к компромиссу и перенести беседу на утро, объяснить, что происходит сейчас – это насилие над моей личностью, но Тася не унималась. Оставалось только игнорировать ее – я откровенно не понимал, как еще вести себя в данной ситуации. Тасина реакция последовала незамедлительно:

– Мэш, я когда-то знала тебя совсем другим! Я думала, что ты нормальный, а ты ненормальный!

– Ок. Я в курсе, – кратко ответил я, и Тася удалилась, но спустя полминуты вернулась и бросила мне:

– Я не хочу, чтобы ты оставался здесь дальше. Как можно скорее съезжай с виллы.

– Ок, – спокойно ответил я и незамедлительно приступил к поискам вариантов на каучсерфинге.

Непростое это занятие, должен сказать, во времена пандемии и Рамадана одновременно. Статистически на сто отправленных запросов я получал один положительный ответ. Отказники ссылались на сам Рамадан – мол, у них семья сейчас гостит, – а также на пандемию. Очень часто люди отвечали, что сами застряли неизвестно где, и это вполне могло быть правдой.

Сначала меня согласился приютить архитектор из Индии, из штата Керала. Он заехал за мной на своей вполне неплохой машине (не помню точно марку – какой-то бизнес-класс а-ля «тойота камри»), и мы поехали к нему домой. Жилище архи-

тектора находилось на границе Дубая и Шарджа, неподалеку от международного аэропорта и буквально в трех километрах от смертельно опасной нигерийки. Сама судьба вела меня к Джой. А ну, не ржать! Да, ее тоже звали Джой – провидение частенько подбрасывает мне подобные шуточки.

Естественно, на следующий же день мы договорились встретиться у многоэтажки, где она жила и куда я дошел бодрым шагом, истосковавшись по прогулкам. Несколько дней назад, с наступлением священного месяца, отменили жесткий локдаун, и теперь можно было без пропусков выходить на улицу с шести утра и до десяти вечера.

Джой слегка смущенно вышла из лифта в юбке до колен и яркой розовой блузке, без маски. Ее черные волосы были собраны в пучок, и скромный макияж неброско лежал на лице, выделяя красивые, миндалевидные глаза. Мы немного скомканно познакомились, «по-сербски» пожав друг другу руки, и сразу же пошли в ближайшую аптеку за масками. Оказывается, все эти почти полтора месяца Джой ни разу не выходила из дома, и встреча со мной была ее первым появлением на улице. Средств защиты у нее, соответственно, не имелось.

Джой купила с десяток масок, и мы отправились искать какой-нибудь работающий ресторан. Вскоре нашелся ченнайский «хотел» индийской – точнее, ченнайской – кухни с хорошим ассортиментом свежевыжатых соков, чем мы не преминули воспользоваться: на улице стояла жара, и у нас совершенно не было аппетита.

Само свидание походило скорее на собеседование, и Джой все время не покидало выражение вселенской скорби на лице. Впрочем, судя по фотографиям в ее профиле, это было ее permanentное состояние. Вдобавок ее пугала моя борода. Она очень хотела, чтобы я ее сбрил, если мы собираемся вступать в какие-либо отношения.

– Зачем она тебе?! – недоумевала Джой – Ты же не мусульманин какой-то!

– Это для моих выступлений с огнем. Так сказать, мой сценический образ.

– Но ты же сейчас со мной! Зачем она тебе сейчас?

Я не знал, что на это ответить, и не понимал, к чему она клонит. Уже во время второго нашего свидания стало понятно: ее волосы – это на самом деле парик, что весьма характерно для африканских модниц. Настоящие же волосы Джой были очень короткими: с темными отращенными корнями и обесцвеченным верхом, они вились мелкими кудряшками, словно караокуль, что смотрелось, на мой взгляд, гораздо эффектнее и милее, нежели парик.

Думаю, Джой предполагала, что для своих выступлений я мог бы использовать парик на подбородке – и во время второй нашей встречи она снова неоднократно сетовала, что я все еще не сбривал эту страшную бороду. Однако здравое зерно в ее словах все же было: мне показалась забавной идея сделать что-то вроде шиньона-косички и прикреплять его непосредственно перед выступлением к небольшой и удобной повседневной бородке.

На вторую встречу Джой позвала меня прямо к себе домой. Я, конечно же, опасался нигерийской банды, которая с нетерпением ждала моего появления с денежными мешками, но явился с положенным пятнадцатиминутным опозданием к ней в гости в шарджевскую «свечку». Это был один из многих жилых небоскребов-«человейников», выстроенных вдоль транспортных магистралей, которые в обычные дни напоминали тропинки муравьев, ползущих и замирающих в пробках вдоль Оманского залива.

На этот раз Джой встретила меня в маске – правда, в косметической. Да-да, и в халатике, будто мы были уже года три женаты. Это было так непосредственно и так необычно. И уж точно – неожиданно.

– Знаешь, я еще не завтракала и очень голодна. Пойду на кухню и приготовлю что-нибудь, а ты пока посиди здесь, посмотри телевизор. Ни в коем случае не выходи, так как тебя не должен видеть никто из моих соседей. Приводить гостей в дом строго запрещено, – сообщила мне Джой, после того как смыла крем с лица.

– Хорошо. Только на меня не готовь, пожалуйста. Я плотно пообедал час назад.

— Хорошо, — сказала она и ушла на кухню на... полтора часа. Я тем временем смотрел клипы всевозможного афробита по «ящику».

Вернулась Джой с двумя огромными тарелками, наполненными национальной нигерийской едой: курица, рис и жареные плантаны (специальный вид овощных бананов для жарки). Я, конечно, немного возмутился, ибо в желудке еще переваривался обед, а тут меня встретил такой плотный завтрак — но пришлось все съесть. К тому же было действительно вкусно и остро, как я люблю, хоть я и совсем не планировал так набивать свое пузо.

Когда мы расправились с завтраком, больше напоминавшим полноценный обед, уже было пора идти, чтобы незаметно для соседей выбраться из квартиры.

Это было очень странное пандемийное свидание, и все же Джой оставила о себе очень милое впечатление. С улыбкой вспоминаю об этой грустной девушки с западного побережья Африки. Было в ней нечто загадочное, несущее печальную тайну из далекого прошлого. Вряд ли мы когда-нибудь смогли бы образовать пару — уж очень мы были непохожи, как будто из разных миров, без каких-либо шансов зацепиться за струны души друг дружки.

Больше мы с Джой не виделись, отчасти из-за того, что вскоре я переехал в другой конец города к другому каучсерферу. Там снова ощущалась явная связь с Индией, будто Мата Бхарат — «мама Индия» — не хочет меня отпускать.

Мой очередной благодетель, Полтер, был настоящим американцем, родившимся, кажется, в Сингапуре и выросшим в Калифорнии. Человек с международной душой и родителями из двух лагерей противников (Индии и Пакистана), он жил в одном из престижных районов Дубая — JLT (Jumeirah Lake Tower), недалеко от популярного туристического местечка Марина.

Полтер приютил меня на несколько дней в своей уютной, не побоюсь этого слова, «лухари» квартире. Мы поочередно что-то готовили, иногда прогуливались вместе до моря или по району вокруг «озер». Днем Полтер работал в своей комнате,

много общаясь (из-за двери доносились звуки телеконференции), а я постоянно читал, писал и занимался поиском новых вариантов жилья и сетевыми разборками с авиакомпаниями, которые отменили свои рейсы, но деньги возвращать не собирались.

В итоге я нашел на каучсерфинге всего один вариант ночлега – в Интернейшнл-сити. Мне даже пришлось вступить в агрессивную переписку с поддержкой сервиса, так как их ограничения на количество запросов и сообщений ставили застрявших в разных странах путешественников в весьма неудобное положение.

Сервис и так практически не работал, потому что люди боялись заразиться «короной» и не принимали гостей, а тут еще дурацкие ограничения.

И снова Индия. Новый хост, Варун, был забавным юным пареньком из Ришикеша, где произошло, по существу, мое «заземление» в этой удивительной стране. Варун сразу же предупредил меня о том, что предлагает не совсем стандартный вариант размещения. Это оказался шеринг.

Шеринг представляет собой что-то вроде общежития. О нем уже упоминалось в эпизоде с нигерийкой Джой, хотя и совершенно неоправданно: Джой жила в прекрасных условиях. В Эмиратах шеринги нелегальны, и на входе приходится всевозможными способами избегать встречи с охраной. Впрочем, некоторые охранники лояльны и дружелюбны – это, конечно же, непальцы и индийцы.

В нашей двухкомнатной квартире, а точнее, студии с одной спальней, жили десять человек: в основном люди из Пенджаба, один паренек был из Лакхнау, а Варун, как я уже говорил, – из Ришикеша.

Мы спали на полу комнаты в двадцать квадратных метров, совмещенной с кухней, там же на полу и ели – все в лучших индийских традициях.

Ребята-сикхи готовили индийскую еду на всех: жарили чапати и параты, варили дал и рис, мариновали перцы и лаймы.

Несмотря на то что изначально я «вписывался» сюда как каучсерфер, об этом знали только мы с Варуном. Он зачем-то

соврал сикхам, будто мы познакомились в Ришикеше, что было сложно проверить, так как это вполне могло быть правдой. Компания была готова принять меня абсолютно бесплатно на 4-5 дней, но, когда выяснилось, что моя очередная попытка улететь домой, в Белград, потерпела фиаско из-за уже привычной отмены рейса, я заплатил за месяц вперед 750 дирхам, или «дырок», как их здесь называют среди русской диаспоры (в пересчете – 15 000 рублей или около 200 евро). В эту сумму было включено абсолютно все: еда, вода, чай, фрукты и даже виски – за ужином мы выпивали по 150 грамм, чтобы сон был крепче и сладче.

Жизнь моя в этом милом «гетто» была как у Ганеши за пазухой (одного парнишку, того самого из Лакхнау – главного по кухне, – так и звали: Ганеш).

Мне даже не разрешали мыть за собой посуду, и к этому пришлось привыкать. Максимум, что я успевал, – сполоснуть стакан из-под чая или воды, после чего заботливые пенджабцы начинали приговаривать: «Ноу проблем! Ноу проблем!» – и просили оставить подобные рвения.

В Индии есть что-то вроде поговорки-лайфхака: если у тебя проблемы, обратись к человеку с бородой и тюрбаном на голове – сикхи всегда помогут, приютят и накормят. В Пенджабе можно жить и питаться при сикхских храмах совершенно бесплатно.

Перед закатом и на рассвете сикхи молились на алтарь с изображением Гуру Нанак Дэва, который, кстати говоря, почитаем также индуистами и мусульманами. Все эти ритуалы были для меня своеобразным развлечением, если можно так выразиться – погружением в культуру и быт отдельного штата, которые нес в себе эгрегор гастарбайтеров кластера «Испания» в Международном городе. В Индии в этот раз я не смог посетить Пенджаб, но видимо, судьба решила исправить эту несправедливость, и Пенджаб настиг меня в Эмиратах.

Сам по себе район International City разбит на кластеры, соответствующие разным народам и странам. Некоторые из них, скажем, Греция или Персия, имеют даже определенные архитектурные особенности, подчеркивающие их принад-

лежность и в то же время не лишенные китчевости: например, у греческих построек наблюдаются пилястры в классическом стиле и характерные для греческих базилик купола – эклектичненько, в общем. Однако большинство кластеров абсолютно идентичны, и во время прогулки картинка постоянно повторяется через каждые 100-200 метров, будь то квартал, посвященный Испании, Франции или Италии, – все вокруг одинаково.

Для вечерних прогулок я нашел незастроенный кластер, отмеченный на карте как «запрещенный город» и похожий на фрагмент пустыни внутри цивилизации, и такие же «недоделанные» озера, в которых местные «индийчики» ловят небольших карасей. Эти территории пользуются популярностью у любителей заниматься спортом на свежем воздухе, хотя и их там встречается не так уж много.

В последний день пребывания на Ближнем Востоке (а это как раз был день моего рождения) я сводил моих сикхов на эти озера, и они очень воодушевились увиденным. Главный из сикхов – Балбир – признался мне, что уже шесть лет живет в Дубае, а впервые приехал в Эмираты в 1996 году, но еще ни разу не был в этом замечательном месте.

Примерно три недели провел я в общежитии с индийцами в мире и согласии, прежде чем смог-таки вырваться из арабского плена.

Сербское посольство в Абу-Даби легкомысленно указало мне на коммерческие рейсы государственной авиакомпании (не будем называть ее имя, потому что подобным образом в те дни вели себя многие перевозчики), которая не гнушалась ничем, чтобы хоть как-то компенсировать свои убытки, вызванные ситуацией в мире. Компания выставляла на продажу билеты и через некоторое время отменяла рейс, не возвращая при этом денег – взамен выдавался ваучер на соответствующую сумму сроком на год. В сложившейся обстановке это выглядело как насмешка, и я начал буквально бомбить эту авиакомпанию негативными отзывами и плохими оценками, параллельно запустив процедуру чарджбэка (возврата денежных средств) в банке.

Так и протекали в духоте и однообразии мои дни: соцсети, чтение книг, работа над картинами и заметками, тренировки и небольшие прогулки по округе, ибо выбираться куда-то еще было очень далеко, да и особенно некуда – все было закрыто.

Но в один из таких обычных дней в темном царстве промелькнул луч света!

Мой сетевой друг Кирилл, с которым мы раньше никогда не виделись, объявился в ленте с геолокацией в Дубае. Я написал ему, мы договорились устроить авантюрную вылазку, и вот наступил назначенный день и час.

Мы тогда, правда, чуть не сдохли под адским арабским солнцем, поднимаясь обратно в гору с дикого пляжа, где, само собой, не преминули искупаться в чем мать родила (то есть совершили грех оголения, причем в священный месяц Рамадан, прошу заметить), но сполна расплатились с духами горы за все наши прегрешения, по неосторожности оставив там мою майку с принтом Ганеши, купленную в Варанаси, и Кирилловы новенькие кроссовки «найк», подошвы которых попросту расплавились во время подъема.

Около семи утра Кирилл заехал за мной на своем «туареге», и мы поехали в Хор-Факкан – город в составе эмирата Шарджа на побережье Оманского залива (сама территория, на которой находится городок, является, упрощенно говоря, анклавом внутри эмирата Фуджейра).

У нас было две задачи: подняться к башне Аль-Раби и на одноименный пик, а также искупаться.

Сначала нам преградила путь группа рабочих. Они пытались объяснить на смеси арабского, хинди и английского, что «туда» нельзя, и это было правдой – все подобные туристические объекты на тот момент закрылись для посещения. В итоге после непродолжительных поисков альтернативного пути мы решили договориться с представителями пролетариата. Строители согласились, сделав оговорку, что предупредили нас о запрете и наших возможных проблемах с полицией, и отпустили с миром в трекинг.

Мы поднялись на пик, потом спустились на площадку для молитвы и отдыха на одном из перевалов и увидели далеко

внизу безлюдный, манящий лазурью и белым песком дикий пляж. Однако тропинки, ведущей к пляжу, не было – скорее всего, арабы обычно попадают на этот пляж на лодках или катерах. Немного пораскинув мозгами и оценив горный склон, мы приняли решение спускаться напрямик по кулуару, что оказалось совсем непросто.

Впрочем, оно того стоило. Мы искупались, немного отдохнули и двинулись в обратный путь, выбрав для этого другой кулуар, который Кирилл почему-то посчитал более легким для восхождения. Предположение Кирилла оказалось неверно, и к тому же перевал в этом месте был метров на пятьдесят выше. Последние шаги мы делали с невероятным усилием, открывая одно за другим очередные новые дыхания: тридцать третью, тридцать четвертое, тридцать пятое... И неудивительно, ведь начало нашего подъема пришлось ровно на полдень – время, когда, как известно, исчезают тени. Мы не смогли вдоволь отдохнуть на пляже по той причине, что там абсолютно не было места, которое укрыло бы от беспощадного солнца, а кристально чистая морская вода тоже не спасала от жгучего ультрафиолета. Тента, к сожалению, у нас не было – впрочем, как и приличных запасов пресной воды.

Наш поход походил на игру в живые шашлычки, бегающие по огромной раскаленной сковороде. Временами казалось, что мозг вот-вот расплавится и вытечет через уши.

Ко всему прочему, каждый шаг по каменному месиву был сопряжен с риском вызвать оползень и оказаться погребенным под острыми булыжниками. Но все-таки нас миновала такая участь, мы вернулись к машине и стали жадно, литр за литром поглощать жидкости – воду и целебный напиток с электролитами, – как вдруг Кирилл по-дружески пожурил меня:

– Пожалуйста, без такого откровенного палева, братишка! – сам он прятался в тот момент в багажнике «туарега».

– В смысле? – недоумевал я, тяжело дыша с полуторалитровой бутылкой в руке.

– Ну, Рамадан же! Нельзя ни пить, ни есть на улице до захода солнца. За это штраф и тюрьма!

Приплыли – никогда еще в жизни я не пил воду нелегально! Осознание этого факта сразу придало банальной окиси водорода какой-то особенный, приятный вкус, несмотря на то, что вода была теплой, как слегка остывший чай из самовара.

Нелегальность ситуации усугубляла нагота моего торса, который мы решили перед обратной дорогой прикрыть, обернув махровым полотенцем: запасной футболки в машине не оказалось.

Мы немного перекусили тем, что было у Кирилла, поискали работающий магазин – уж очень хотелось холодного сока, – но не нашли ни одного и, уставшие, но довольные, понеслись в сторону Дубая, любуясь песчаной поземкой на идеальном асфальтовом полотне и обмениваясь впечатлениями от трудного, но оттого не менее удивительного путешествия.

Дней за десять до моего отлета домой Варун познакомил меня со Светой из Беларуси, уже лет шесть проживающей в Эмиратах.

Какое же все-таки счастье – встречать на своем пути по-настоящему своих людей. У Гурджиева есть книга «Встречи с замечательными людьми». Я прочитал ее, когда застрял как-то на трое суток в аэропорту Шарм-эль-Шейха, и подарил девушке, имени которой уже не помню. Она работала в аэропорту и всячески помогала мне улететь в Москву, но стихийное бедствие в виде невероятного дождя не пустило меня тогда – рейсы отменили, и пришлось вернуться в Дахаб.

Света была простецкой, своей в доску, красной девицей, в холодильнике у которой всегда имелась водка, соленые огурцы и вареная телятина с лучком и черным хлебом. Такими, казалось бы, элементарными средствами ей удалось добавить немного почти семейного уюта в мою жизнь.

Ко дню моего рождения она купила российских конфет, фруктов, тортик, все это красиво оформила и презентовала нашей суповой компании, украсив своим присутствием сугубо мужскую вечеринку.

Сикхи с удовольствием приняли Свету в коллектив и даже,

как мне показалось, были рады подчиняться ее приказам, которые она раздавала налево и направо, руководя процессом.

Было весело, мы выпили много водки, потом виски, в итоге я не помнил, как лег спать, но около пяти утра Ганеш заботливо разбудил меня, и Гульвиндер, еще один сикх из нашей квартиры, повез нас в аэропорт на рейс, который я все-таки с боем выхлопотал у государственной авиакомпании, получив моральную компенсацию в размере трехсот долларов. Их, правда, пришлось потратить на доплату за билет, но главное, я летел домой – в Сербию.

До последнего я боялся, что опять что-нибудь пойдет не так: отменят рейс, зафиксируют повышенную температуру и не пустят в самолет, но оказалось, что ее при входе в аэропорт никто даже не мерил.

И вот после шести часов полета я в Белграде, в той же квартире, что снимал до отъезда, и так счастливо оказавшейся опять в моем распоряжении, на той же улице рядом со знаменитой на всю Сербию пекарней «Тркович», в которой вам при случае непременно стоит попробовать бурек с ветчиной и сыром – это невероятное лакомство.

Я иду по улице без маски (уже забыл, как это – ходить без намордника) и улыбаюсь всем и вся, несмотря на дождь, разливающийся серым зеркалом по асфальту бульвара короля Александра, и мое отражение в лужах спешит по делам, которые подбрасывает мне старая, но уже отчасти позабытая реальность балканской сказки. Лицо ласкает прохладный, лучше всяких кондиционеров, свежий воздух весеннего Белграда.

Я осознаю всем своим существом, что счастлив быть здесь и сейчас. Хочется кричать и смеяться, рассказать всем прохожим о том, что было со мной, объяснить, почему я так счастлив, сбежав, будто из тюрьмы, из ужасного полицейского государства, в котором закон может запретить даже пить воду.

Капли с неба залечивают все мои маленькие душевые порезы и царапины, нанесенные этим своеобразным незаслуженным тюремным сроком.

Впереди затаилось холодное лето 2020. Я не подозревал, что совсем скоро объявит очередной локдаун, начнутся про-

тесты, революция, вторая волна эпидемии, что многие эмиратские сны, подобные тому кошмару о зомби, претворятся в жизнь. Все это пока не было известно ни мне, ни кому-либо еще.

Я шел навстречу новым откровениям, которые мне раз за разом подбрасывал эфир. Что же я вынес из странствия по пространствам Азии? Осознание этого настигло уже в Белграде, когда меня немного отпустили впечатления и эмоции от нескончаемого «трипа» и я получил ответы на все вопросы – вернее, просьбы к мирозданию приподнять хотя бы краешек завесы, скрывающей вселенскую кухню. Безусловно, никто не обязан соглашаться с тем, что я пишу в заключении – это лишь мое ощущение, вызванное одним из последних переживаний, которые сопутствовали написанию этой книги. Не поделиться с вами своим откровением просто не могу – это было бы нечестно по отношению и к вам, и ко мне.

Итак, наша душа не бессмертна, и никто никогда не возродится с душой, не продолжит непонятную эфемерную миссию, предначертанную для конкретной души. Все, что мы должны (вот глупое слово!) сделать, мы должны – или, лучше сказать, способны претворить в реальность – только в этом теле и с этой душой. Единственное «бессмертие», которое мы можем себе позволить, заключается в памяти людей, народа, человечества: разница лишь в масштабе, но и это неважно.

Важно то, что каждый из нас действительно является частичкой бога. Каждая человеческая (и не только) душа – это маленькая клеточка в теле мироздания, смертная, но заменяемая другой клеткой. Все вместе мы создаем единый божественный организм. Если наше тело и душа породят раковую клетку в теле бога – мы (а таких нездоровых «нас» сейчас много) убьем весь организм, убьем вселенную.

Однако мы также можем своими усилиями в этой нашей единственной жизни убрать часть раковой опухоли, полярно обратив ее клетки, а возможно, и полностью от нее избавиться – как знать... Нам не дано оценить наш вклад в божественное, да и нужно ли нам это знание?

Как бы то ни было, не стоит надеяться, что в следующей

жизни вы сможете завершить ваше правое дело, если не закончили его в этом теле. Не сможете, но всегда сможет кто-то другой, если вы выполните все наилучшим образом, не откладывая дело до следующих несуществующих реинкарнаций и оставаясь счастливым в каждый нынешний момент. Не стоит унывать из-за неудачи в жизненной миссии – никто вас за это не накажет после смерти.

В конце жизненного пути мы отвечаем только перед самими собой, и никто, кроме вас самих, не сможет отправить вас в ад или рай – этот выбор остается за вами с самого рождения.

И тогда реальность раскрывается цветком лотоса, как в том старом анекдоте о двух гусеницах, когда одно насекомое говорит другому: «Ни каких крыльев нет – ты просто умираешь, и все».

[Редактор:] Я бы предложила заключительную фразу или перестановку частей предложения, чтобы текст не заканчивался спорными цитируемыми словами «умираешь и все».

[Автор:] Я готов посмотреть. Но я намеренно в конце оставляю читателя один на один с темой смерти. Как бы вызываю его на этот диалог.

[Редактор:] Дело не в теме смерти – дело в том, что слова являются частью цитаты, нехорошо закрывать текст не своими словами. Если ничего больше добавить, пусть останется, но можно и что-нибудь наподобие «А есть ли смерть?» Вопросом завершить текст как раз уместно.

Перед эпилогом или «вместо эпилога» читатель невольно делает паузу. Слова, предшествовавшие этому, – финальные слова. Так что или «А есть ли смерть?», или оставляем как есть, что мне кажется не очень гладким, но спорить с автором я не хочу – автор есть автор.

[Автор:] А ты сам анекдот-то помнишь?:) Там одна гусеница другой это говорит. Можно процитировать точнее – я специально поставил «насекомое», чтобы было не так очевидно. «Смерть» в этой притче – вовсе и не смерть, а перерождение в бабочку, но в чем технически оно заключается – мы не знаем. А сама книга – это личные попытки автора

задавать вопросы самому себе и тщетные потуги иногда на них отвечать. А чего вы хотели от книги с названием «19/20. Роман-путеводитель»?

Вместо эпилога

Когда-нибудь все сложное отвалится,
Отпарится, отчешется и отпадет
Ненадобность по ком-то маяться,
Внедряясь в общих чувств водоворот.

Когда-нибудь постигнет и простое
Стук сердца, шелест мысленных узлов.
Разложится все бывшее в застое
Бессмысленностью поминальных слов.